

А.П. Никүлов

ОСКОЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Часть III

Москва
2017

Серия «Оскольские древности»

А. П. Никүлов

**П е р е п и с н а я к н и г а
1 6 4 6 г о д а**

Писец - Боборыкин Афанасий Федорович
Подьячий - Гаврилов Иван
Комментарий

**О с к о л с г о р о д а м и .
К н и г а п е р е п и с н а я**

Переписи Афонася Бобарыкина с товарищи
154-го и 155 годов.
Скоропись XVII века

Москва
2017

УДК 904
ББК 63.3 (0) 51
Н 62

*Подготовлено в Исследовательской лаборатории
проблем культуры Оскольского края
кафедры гуманитарных наук Старооскольского
технологического института им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС»*

Рецензент

*доктор исторических наук, профессор З.З. Мухина
Ответственный редактор
кандидат исторических наук, доцент Л.Н. Пивоварова*

**Издание осуществлено при содействии и финансовой поддержке
А.А. Угарова – первого заместителя генерального директора –
директора по производству УК «Металлоинвест»,
депутата Белгородской областной думы.**

Никулов А.П.

Н62 Переписная книга 1646 года [текст и комментарий]/ Серия «Оскольские древности» (архивные материалы XVII века) Часть III / А.П. Никулов – Москва: Изд-во РОСА, 2017. – 228 с.

ISBN 978-5-905922-96-1

Издание содержит текст «Переписной книги 1646 года», хранящейся в Российском государственном архиве древних актов в Москве (ф. 1209, кн. 344), а также комментарий к нему. Являясь подлинным историческим документом середины XVII века, «Переписная книга» дает разнообразные сведения об Оскольском крае. Издание будет полезно широкому кругу читателей, интересующихся региональной историей.

**УДК 904
ББК 63.3 (0) 51**

ISBN 978-5-905922-96-1

© Никулов А.П., текст, 2017
© СТИ НИТУ «МИСиС», 2017
© Издательство РОСА, оформление, 2017

Уважаемые читатели!

Каждый человек, любящий родной край, должен знать его историю и культуру, уважать традиции, чтить память своих предков и передавать эти знания детям и внукам.

Компания «Металлоинвест» на протяжении многих лет участвует в реализации социально значимых культурно-просветительских, образовательных и краеведческих проектов. Вышли в свет такие издания, как «Илья Хегай. Живопись», «Путь генерала», «Старооскольская милиция. История и современность», «Оскольская зима», «Василий Смотров. В объективе – жизнь», «Алла Филимонова. Жизнь». Труд известного старооскольского краеведа, кандидата исторических наук Анатолия Павловича Никулова, который вы держите в руках, поможет читателям узнать много нового об истории Оскольского края XVII века и укладе жизни местного населения.

Говорят, у страны, чьи граждане не помнят прошлого, нет будущего. Поэтому краеведческие издания должны выходить в свет, быть в фонде каждой библиотеки Старооскольского городского округа, в каждой школе. На чтении таких книг вырастают настоящие патриоты родного края.

Андрей Угаров,

первый заместитель генерального директора –
директор по производству УК «Металлоинвест»,
депутат Белгородской областной думы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Продолжая серию «Оскольских древностей», автор сохраняет использованный в предыдущих изданиях стиль подачи архивного материала. Источниковой базой третьей части является «Переписная книга 1646 года», которая в виде отдельного издания публикуется впервые. Работа состоит из трех разделов – текст, комментарий к нему и обобщенный комментарий по переписям первой половины XVII века.

Предлагаемый читателю архивный материал представляет собой образец делопроизводственной рукописной книги, написанной скорописью, использовавшейся в первой половине XVII века. Формат рукописи можно было определить по расположению филиграни, но работа с книгой осуществлялась много лет назад, когда информационная сущность документа превалировала над внешней критикой источника. Вероятно, «Переписная книга» была форматом «в полдесть», или в четверку. Она состояла из сшитых между собой тетрадей, обложка и переплет книги обтянуты кожей. Листы пронумерованы, на поле лицевой стороны каждого из них стоят «скрепы» (подписи), разбитые на слоги. *К сем-книгам Афон-на-сей Фе-до-ро-вич Бо-бо-ры-кин руку при-ло-жил. К сем кни-гам под-ячей Иван Га-врилов руку при-ло-жил.* Незаполненные листы книги отмечались словами «лист порозжей». Чернила коричневые и черные. Например, до 17 листа черные, а затем коричневые, 56 лист заполнен черными, а 56 л. об. уже коричневыми чернилами и т.д. Подготавливая текст к публикации, автор старался в полной мере использовать все правила и методы работы с рукописью.

В комментариях к тексту, как и прежде, применялся способ сравнения источников, что позволило прийти к определенным выводам. Для аргументации субъективного мнения использовались ссылки на иные архивные материалы.

В третьем разделе работы на основе трех делопроизводственных книг – «Дозорной», «Писцовой» и «Переписной» автор попытался выявить и обобщить те основные проблемы, которые напрямую или косвенно были выдвинуты источниками. По ряду вопросов, естественно, не обошлось без использования богатейшего материала РГА-ДА и соображений отдельных ученых.

Автор выражает глубокую признательность всем, кто проявлял интерес к работе и ее результатам, помогал советами, оказывал практическую помощь.

А. Никулов

І. Оскол с городами

Книга переписная, переписи Афонасья Бобарыкина с товарищи 154-го и 155 годов (текст)

(1 л.) Книги переписные Аскола города и посаду и Аскольского уезду письма и досмотру Афонасья Федоровича Бобарыкина да подьячево Ивана Гаврилова 154-го году, что на Осколе на посаде посацких и жилецких, торговых и ремесленных, и всяких чинов служилых людей, и на монастырских и на церковных землях дворов, и во дворах людей,

(1 л. об.) и у них детей, и братьев, и племянников, и внучат, и сосед, и подсоседников. И что в Оскольском уезде за детьми боярскими и всяких чинов за служилыми людьми в поместьях и в вотчинах сел и деревень, и во дворах крестьян и бобылей, и их детей, и брати, и племянников, и сосед, и подсо

(2 л.) седников по спискам, каковы дали асколяне дети боярские и всяких чинов служилые и жилецкие люди за своими и отцов своих духовных руками скаски. И что объявилось по переписи и досмотру, и в них людей по имяном сверх приправочных книг, каковы даны ис Помесного приказу за дьячьєю приписью,

(2 л. об.) и то писано в сех книгах.

№1. Город Аскол, а в нем соборная церковь Знамения Пресвятыи Богородицы да предел Николы Чудотворца. Да в городе ж двор воиводцкой, да погреб с пушечными запасы, да три житницы с Государевы хлебными запасы. А кроме того в городе дворов и ничево нет.

(3 л.) Да на посаде дворы посадцких торговых людей. Двор Якушка Авиллов. Двор Артемко Пуминов, а у него два сына – Васька да Ивашко. Двор Микитка Попов. Двор Павлик Арефьев. Двор Ларка Зубов. Двор Мишко Чернильников, а у него зять Сенько Иванов. Двор Дениско Щекин. Двор Ивашко Колосов, у него сын Бориско. Двор Матюшка Замочников, у него четыре брата –

(3 л. об.) Матюшко, да Гарашско, да Ефремко, да Титко. Двор Лукашко Силин, а у него два брата – Максимко да Ларко. Двор Гришко Левонтъев. Двор Володька Разумов. Двор Остафейко Чапелев. Двор Родька Чапелев. Двор Богдашко Осипов сын Бабин. Двор Васька Пуминов, а у него два сына – Данилка да Севка. Двор Мишка Куз

(4 л.) нецов, а у него сын Якушко. Двор Иевко Соловой, а у него два сына – Кузька да Афонька. Двор Харламко Семачов, а у него два брата – Севка да Парамонка, у Харламка сын Ивашко. Двор Лучка Тиханов, у него сын Савка. Двор Родька Монаков. Двор Митько Чернильников. Двор Степанко Коровников, у него два сына – Сенька да Данилко. Двор Алешка Филипов, у него брат Куземка.

(4 л. об.) Двор Марчко Долгушин, у него брат Оська, у Марчки сын Андриюшка. Двор Ивашко Романов, у него два сына – Тимошка да Васька.

И всего на Осколе посадских людей – дватцать семь дворов, людей в них тож. А у них детей и братья – дватцать семь человек. Обоива – пятьдесят четыре человека.

А на Осколе, на посаде у аскольских у детей боярских на дворах живут вольные всякие ремесленные люди на дворничестве.

(5 л.) А у Дорофея Мишустина дворник Васька Головин, а у него два сына – Мишка да Савка. У Петра Злобина на дворе Максимко Кондратьев, у него два сына – Ядька да Милешка. У Тихана Горжанкина на дворе Ромашко Викулов. У Мартинка Устинова дворник Сенька Чапелев, у него сын Акимко. У Андрея Кутина дворник

(5 л. об.) Ивашко Ледин. У Алексея Малахова дворник Парша Васильев, у него сын Ивашко. У Фомы Руднева дворник Сенька Григорьев. У Григорья Щетинина дворник Матюшка Деревягин.

И всего дворников – восемь человек, детей у них шесть человек.

На посаде ж живут вольные люди себе дворами, кормятца
(6 л.) работаю в миру.

Двор Кондрашко Дементьев. Двор Хори[т]онко Протасов. Двор – вдова Дарица, у ней два сына – Левка да Минька Терентьевы. Двор Демка Волуйчанин, у него два сына – Ермолка да Микешка. Двор Микифорко Сидоров. Двор Митька Филипов, у него два сына –

Алешка да Максимка. Двор Андрюшка Микифоров, у него сын Микифорко. Двор Пора

(6 л. об.) монко Астафьев. Двор Елфимко Евсеев.

И всего вольных людей – девять дворов, а людей в них шеснатцать человек.

Да на церковных землях крестьяне и бобыли
живут за городскими попами.

За соборным Знаменским попом Афонасьем: двор крестьянин Костентинко Васильев, у него четыре сына – Афонько, да Яшко, да **(7 л.)** Пронька, да Осипко; двор Ортюшко Федоров, у него два сына – Агафонко да Васька.

За Благовещенским попом Иваном: двор крестьянин Трофимко Киреев; двор Ивашко Антипов, у него сын Зиновко; двор Ивашко Шильдяев; двор Мартинко Никонов, у него сын Александрик.

За Покровским попом Сазоном: двор крестьянин Михалко Еремеев, **(7 л. об.)** у него сын Фомка, у Фомки сын Петрушка.

За Архангельским попом Иваном: двор бобылка Матрена Иванова дочь, у нее сын Бориско Кондратьев.

За Кузьмодемьянским попом Федором: двор крестьянин Федотко Ерофеев, у него сын Терешка.

За Причистинским попом за Ефимом, что на поляне: двор крестьянин **(8 л.)** янин Васька Винокур, у него два сына – Екушко да Сенька; двор Минька Лаптев, у него сын Дениско; двор Донишко Окиншин, у него три сына – Петрушка, да Филько, да Устинко.

За Никольским попом Федором: двор крестьянин Никитка Иванов, у него три сына – Васько, да Зиновейко, да Сысойко, у Васьки сын Данишко; да за ним же на мельнице

(8 л. об.) двор крестьянин Осташко Микитин, у него пять сынов – Минька, да Гришка, Тимошка, да Андрюшка, да Екимко.

И всего на церковных землях – четырнатцать дворов, людей в них сорок один человек.

В слободе в Соковой

за детьми боярскими в поместьях, которые испомещены ис помесных атаманских земель, которые атаманы по Государеву указу взяты на жите на Усерд

- № 2. За Савостьяном Мижувивым сыном
(9 л.) двор крестьянин Афонько Березкин, у него сын Якушко.
- № 3. За Малахом Ананьиным крестьян и бобылей нет.
За Левонтьем Ивановым двор бобыль Ивашко Мамон, у него сын Петрушка.
- № 4. За Павлом Ананьиным крестьян и бобылей нет.
- № 5. За Андреем Петровым крестьян и бобылей нет.
- (9 л. об.) № 6. За Федором Милохиным крестьян и бобылей нет.
- № 7. За Терентьем Фроловым крестьян и бобылей нет.
- № 8. За Григорьем Шильдяевым крестьян и бобылей нет.
- № 9. За Семеном Золотово крестьян и бобылей нет.
- №10. За Федором Лепеховым крестьян и бобылей нет.
- (10 л.) №11. За Григорьем Лопатиным крестьян и бобылей нет.
- №12. За Лукою Петровым крестьян и бобылей нет.
- №13. За Акимом Васищевым крестьян и бобылей нет.

И всего в Соковой слободе за детьми боярскими двор крестьянской да двор бобыльской, людей в них четыре человека.

Стан Окологородной

Село Короваиво, а Гаросим тож,
на реке на Осколе

(10 л. об.) усть речки Горосима под сполной проток. А в селе была церковь Рождество Пресветые Богородицы, а ныне место цековное.

Да в селе за помещики за детьми боярскими.

№14. За Васильем Андросовым сыном Захарова, а ныне за матерью иво за вдовою Аксиньею да за внуком ея за Филькою Андросовым крестьян и бобылей нет.

(11 л.) №15. За Игнатом да за Июдкою Михайловыми детьми, да за Михайловым внуком, да за Июдкиным племянником за Илюшкою Фектистовым сыном Натальина крестьян и бобылей нет.

№16. За Васильем, да за Иваном, да за Мартинком Игнатовыми [детьми] Збитнева крестьян и бобылей нет.

№17. За осколенином за Федором Юрьевым сыном Юр

(11 л. об.) кова крестьян и бобылей нет.

№18. За Гаврилком «большим» да за Гаврилком «меньшим» Фектистовыми детьми Колюпанова крестьян и бобылей нет.

№19. За Васьюкою Микифоровым сыном Неретина крестьян и бобылей нет.

№20. За Никоном Семеновым сыном Миляива крестьян и бобылей нет.

(12 л.) №21. За Михайлом Клеменовым сыном Койсарова крестьян и бобылей нет.

№22. За Иваном Михайловым сыном Хлоповским крестьян и бобылей нет.

№23. За Елистратом Семеновым сыном да за иво племянником за Афоньюкою Осиповым сыном Агеева крестьян и бобылей нет.

№24. За Олешкою Логиновым сыном Чечулина крестьян и бобылей нет.

(12 л. об.) №25. За Елистратом Фатеевым сыном Бурцова двор крестьянка вдова Устиница, у нее два сына – Игнашко да Стенька; двор бобыль Киприянко Афонасьев.

№25. За Трофимком Павловым сыном Токмачева крестьян и бобылей нет.

№26. За Иваном Родионовым сыном Прончакова, взят на Усерд, а поместье

(13 л.) иво дано асколяном детям боярским – Акулу Рябово, да Ивану Олексинцу, да Василью Трубавину. Крестьян и бобылей за ними нет.

№27. За Дорофейком Артемовым сыном Смехнева крестьян и бобылей нет.

№28. За Оношкою Трофимовым сыном Головина крестьян и бобылей нет.

(13 л. об.) №29. За Васильем да за Онисимом Васильевыми детьми Анофреева крестьян и бобылей нет.

№30. За Купрею Васильевым сыном Завьялова крестьян и бобылей нет.

№31. За Фирсом Абакумовым сыном Мишина крестьян и бобылей нет.

№32. За Ильею да за племянником [?] Обакумовыми детьми Мишина крестьян и бобылей нет.

(14 л.) №33. За Матюшкою да за Гаврилком Афонасьевыми детьми Мишина крестьян и бобылей нет.

№34. За Осташкою Даниловым сыном Татарина крестьян и бобылей нет.

№35. За Ондриюшкою Еремеевым сыном Бутакова крестьян и бобылей нет.

№36. За Посником Михайловым сыном Пузикова крестьян и бобылей нет.

№37. За Микитою Нефедьевым сыном
(14 л. об.) Букина крестьян и бобылей нет.

№38. За Оверкою Фектистовым сыном Кошкарова крестьян и бобылей нет.

№39. За Васильем Беляевым сыном Кошкарова крестьян и бобылей нет.

№40. За Лукьяном да за Микитою Кузьмиными детьми Набережново крестьян и бобылей нет.

(15 л.) №41. За Онтипом Григорьевым сыном Ушатова крестьян и бобылей нет.

№42. За Гаврилом Филатовым сыном Пахомова да за Игнатом Ареховым сыном Дорохова крестьян и бобылей нет.

№43. За Григорьем Кипреяновым сыном Мелехова крестьян и бобылей нет.

№44. За Яковом Кипреяновым сыном Мелехова двор
(15 л. об.) крестьянин Левка Силин, у него два сына – Филька да Федька.

№45. За Ваською Максимовым сыном Авдеева крестьян и бобылей нет.

№46. За Савою Ермолаивым сыном Рогожникова крестьян и бобылей нет.

Всего в Окологородном стану два двора крестьянских да двор бобыльской, людей в них – шесть человек.

(16 л.) Стан Ублинской,
а в нем за детьми боярскими

Село, что было сельцо Ублинское, а Никольское тож,
на реке на Осколе усть речки Убли.

А в селе церковь Великаго Чудотворца Николы.
Да в селе за помещики за детьми боярскими

№47. За Савою Лукьяновым сыном Фефилова, а ныне за ево женою вдовою Просковьею двор крестьянин Федька Степанов, у него два **(16 л. об.)** сына – Афонька да Оверка. Двор крестьянин Парфенка Михайлов, у него четыре сына – Петрушка, да Афонька, да Исачко, да Костька.

№48. За Иваном Изотовым сыном Кудрявцевым крестьян и бобылей нет.

№49. За Тимошкою Яковлевым сыном Сысоива крестьян и бобылей нет.

(17 л.) Деревня Бударная
на усть верха Бударного в Большом Городском лесу
на реке на Осколе.

А в ней за помещики за детьми боярскими.

[№50] За Сысоем Евтифьевым сыном Селютина да за Корнейком Дементьевым сыном Яковлева крестьян и бобылей нет.

№51. За Корнейком Кузьминым сыном Башкатова крестьян и бобылей нет.

№52. За Елистратом Овдокимовым

(17 л. об.) сыном Огурцова да за Михайлом Ондреевым сыном Фефилова крестьян и бобылей нет.

Деревня Подгорная, а Сорокино тож,
на реке на Осколе под Большим Городским лесом.

А в ней за помещики за детьми боярскими.

№53. За Иваном Яковлевым сыном Левыкина крестьян и бобылей нет.

№54. За Дмитрием Емельяновым

(18 л.) сыном Сорокина двор бобыль Ромашко Степанов, у него пасынок Якушко Борисов.

№55. За Прокофьем Федоровым сыном Прокудина да за племянником иво за Власом Семеновым сыном Ряполова крестьян и бобылей нет.

№56. За Елистратом Володимеровым сыном Мишустина крестьян и бобылей нет.

№57. За Иваном Богдановым сыном Жиленкова крестьян и бобылей нет.

Деревня Подмокрая Поляна
за затоном на реке на Осколе под Большим Городским лесом.

А в ней за помещики за детьми боярскими.

№58. За Степаном Емельяновым сыном Сорокина крестьян и бобылей нет.

№59. За Андреем Григорьевым сыном
(19 л.) Васютина крестьян и бобылей нет.

№60. За Овдокимом Кондратьевым сыном Полникова крестьян и бобылей нет.

№61. За Радею Семеновым сыном Юрина-Куколова крестьян и бобылей нет.

№62. За Андреем да за Бориском Игнатовыми детьми Болотц[к]ова крестьян и бобылей нет.

Починок Болоцкой на реке на Осколе.

(19 л. об.) Починок Елистратовской на усть речки Котла
вниз по речке по Осколу меж Живого и Гнилово Котла,
а в нем за помещики за детьми боярскими.

№63. За Ивашком, да за Исачком, да за Олешкою Еремеивыми детьми Дягилева крестьян и бобылей нет.

№64. За Семеном, да за Богданом, да за Ваською Колистратовыми
(20 л.) детьми Колесникова крестьян и бобылей нет.

№65. За Григорьем Ефремовым сыном Пиколова, да за Федотом Якимовым сыном Гвоздева крестьян и бобылей нет.

Починок, что была деревня Выползова
под Котельским лесом на Ржавом колодезе,
а в нем за детьми боярскими.

№66. За Софонком Назаровым сыном Игнатова крестьян и бобылей нет.

(20 л. об.) №67. За Панкою Клементьевым сыном Гаврилова да за Михайлом Федоровым сыном Котенева крестьян и бобылей нет.

№68. За Ларею Мишиным сыном Симонова крестьян и бобылей нет.

Деревня Яблонова, а Маленькая Поляна тож,
под Котельским лесом на колодезе на Пониковце,
а в ней за помещики.

№69. За Васильем да за Борисом Петровыми детьми Фефилова крестьян и бобылей нет.

(21 л.) №70. За Иваном Алексеевым сыном Черникова двор крестьянин Ивашко Юриев, у него три сына – Афонько, да Ондрюшка, да Исачко.

№71. За Савостею да за Ивашком Агафоновыми детьми Бесхмельница крестьян и бобылей нет.

№72. За Матвеем Ларионовым сыном да за иво племянники

(21 л. об.) за Онисимом да за Ларкою Федосовыми детьми Игнатова крестьян и бобылей нет.

Починок Верховой, а Крыгин тож
под Котельским лесом на Большом на Белом озере
против Федцовы дубравы, а в нем за помещики за детьми боярскими.
№73. За Терешкою да за Степанком Григорьевыми детьми Бесхмельница крестьян и бобылей нет.

(22 л.) №74. За Куземкою Парфеновым сыном Крыгина крестьян и бобылей нет.

Починок Русанов
под Котельским лесом на Белом озере,
а в нем за помещики за детьми боярскими.

№75. За Ивашком «большим» да за Ивашком «меньшим» Ждановыми детьми Русанова крестьян и бобылей нет.

№76. За Федькою Аксеновым сыном Глатким крестьян и бобылей нет.

(22 л. об.) №77. За Иваном Ивановым сыном Короткова крестьян и бобылей нет.

№78. За [Сергеем] Никоновым сыном Есипова да за Ларкою Микифоровым сыном Шоколова крестьян и бобылей нет.

№79. За Семеном да за Богдашкою Федоровыми детьми Митрофанова крестьян и бобылей нет.

№80. За Филимоном да за Степаном Васильевыми детьми Даншина крестьян и бобылей нет.

Деревня Песковатая Поляна
(23 л.) подле Воротниковы поляны в Ублинском лесу на речке на Убле,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№81. За Дружиной Ивановым сыном Нефедова крестьян и бобылей нет.

№82. За Степаном Ивановым сыном Темиряева крестьян и бобылей нет.

№83. За Лукьяном Алексеевым сыном Незнамова крестьян и бобылей нет;

Починок, что была деревня Отводная
(23 л. об.) поляна выше Воротниковы поляны в Ублинском лесу
вверх по речке по Убли по левой стороне.

Деревня Котова в Ублинском лесу на речке на Убле,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№84. За Екимом Ивановым сыном Омельянова крестьян и бобылей нет.

№85. За Богданом Сидоровым сыном Фомина крестьян и бобылей нет.

(24 л.) №86. За Гришкою Ивановым сыном Четверт[к]ина крестьян и бобылей нет.

№87. За Овдюшкою Васильевым сыном Ушатова крестьян и бобылей нет.

№88. За Июдкою Игнатовым сыном Сотникова крестьян и бобылей нет.

№89. За Сенькою [Остафьевым] сыном Суякова крестьян и бобылей нет.

№90. За вдовою Марфою Григорьевскою женою Иванова крестьян и бобылей нет.

Починок Подвислой, а Чернышев тож,
(24 л. об.) под Вислым лесом на речке на Убле,
а в ней за помещики.

№91. За Герасимом Терентьевым сыном Теплова двор – бобыль
Славка Бутаков.

№92. За Пименком Тимофеевым сыном Четвертовского, да за Ере-
мою да за Логинком Гавриловыми детьми Сорокина, да за Микифо-
ром Микитиным сыном Татарченко крестьян и бобылей нет.

(25 л.) Деревня Курская под Ровным лесом на колодезе,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№93. За Ермолою Семеновым сыном Бочарова крестьян и бобылей нет.

№94. За Андреем Елизаровым сыном Кисленским двор – бобыль Наумко Вавилов, двор – бобыль Мишка Онтипов.

№95. За Петрушкою Ивановым сыном Михалева крестьян и бобылей нет.

(25 л. об.) №96. За Филькою Даниловым сыном Мальцова крестьян и бобылей нет.

№97. За Михайлом да за Никонком Софоновыми детьми Мелентьива крестьян и бобылей нет.

№98. За Первым Степановым сыном Хорохордина крестьян и бобылей нет.

№99. За Иваном Юривым сыном Долгова крестьян и бобылей нет.

№100. За Федькою да за Ермолкою Понкратьивыми детьми Ефанова крестьян и бобылей нет.

(26 л.) №101. За Офонькою Лукьяновым сыном Кривоносова, да за Филькою Потаповым сыном Корманским, да за Степаном Семеновым сыном Гремлева крестьян и бобылей нет.

№102. За Андреем Давыдовым сыном Боива крестьян и бобылей нет.

№103. За Тимошкою Осиповыми сыном Телегина крестьян и бобылей нет.

(26 л. об.) №104. За Максимом Ондреевым сыном Шевелева, да за Ваською Селиверстовым сыном Кривоносова крестьян и бобылей нет.

№105. За Микиткою, да за Ивашком, да за Степашком, да за Мишкою Захаровыми детьми Пирогова крестьян и бобылей нет.

(27 л.) №107. За Микитою Титовым сыном Ушакова крестьян и бобылей нет.

№108. За Андреем да за Борисом Ивановыми детьми Коптева крестьян и бобылей нет.

№109. За Томилом Семеновым сыном Жердева крестьян и бобылей нет.

№110. За Клеменом Семеновым сыном Енютина крестьян и бобылей нет.

(27 л. об.) №111. За Ондреем Остафьевым сыном да за Милованком Агеевым сыном Гранкина крестьян и бобылей нет.

Сельцо, что была деревня Лапыгина
под Ровным лесом на колодезе,
а в сельце церковь Василия Кесарийского,
да в селе за помещики за детьми боярскими.

№112. За Матвеем Савельевым сыном Володина крестьян и бобылей нет.

(28 л.) №113. За Иваном Андреевым сыном Мухортова крестьян и бобылей нет.

№114. За Ондреем Юдиным сыном Ансимова крестьян и бобылей нет.

№115. За Сидором Юдиным сыном Ансимова двор – крестьянин Савка Кузьмин, у него два сына – Яшко да Фомка.

№116. За Семеном Ларионовым сыном Мухортого крестьян и бобылей нет.

(28 л. об.) №117. За Максимом Ивановым сыном Кононова крестьян и бобылей нет.

№118. За Наумком Титовым сыном Ушакова крестьян и бобылей нет.

№119. За Иваном Кондратьевым сыном Котенева крестьян и бобылей нет.

У Васильевского попа Ивана Самсонова двор – бобыль Федька Васильев.

(29 л.) Деревня Кладовая

на колодези на копани под Ровным лесом, а в ней за помещики.

№120. За Иваном Дементьевым сыном Щербина крестьян и бобылей нет.

№121. За Петрушкою Дементьевым сыном Кладовым двор – бобыль Ортюшка Микитин.

№122. За Меркулом Ивановым сыном Дуракова крестьян и бобылей нет.

(29 л. об.) №123. За Иваном Семеновым сыном Кладова крестьян и бобылей нет.

№124. За Филипом да за Игнашком Гордеевыми детьми Кондаурова крестьян и бобылей нет.

№125. За Алексеем да за Федотком Григорьевыми детьми Козловского крестьян и бобылей нет.

№126. За Омельяном Ортемовым сыном [Мишурова] крестьян и бобылей нет.

№127. За Степаном Ивановым сыном Дуракова крестьян и бобылей нет.

Починок Прилепы в Ровном лесу по

(30 л.) конец отхожева леска, а в починке помещиков.

№128. Милован Тимофеев сын Шаталов крестьян и бобылей нет.

№129. Марко Воинов сын Енютин, Кондрат Микитин сын Сидоров крестьян и бобылей нет.

И всего в Ублинском стану четыре двора крестьянских, шесть дворов бобыльских, людей в них дватцать два человека.

(30 л. об.) пустой.

(31 л.) Стан Чюфичевской

Село Никольское, а Верхняя Чюфичева тож под Чюфичевским лесом на речке на Чюфичевке.

В селе церковь Великого Чудотворца Николы.

В селе за помещики за детьми боярскими.

№130. За Сидором, да за Фролом, да за Ивашком Севостьяновыми детьми Дюкорева крестьян и бобылей нет.

(31 л. об.) №131. За Якимом Захаровым сыном Золотого, а ныне за сыном ево Левонтьем крестьян и бобылей нет.

№132. За Филипом Фоминым сыном Логачева крестьян и бобылей нет.

№133. За Сафонком Фоминым сыном да за иво родными племянниками за Ивашком да за Степашком Родионовыми детьми Логачева крестьян и бобылей нет.

№134. За Андреем Григорьевым сыном Толмачева крестьян и бобылей нет.

№135. За Федором Микифоровым сыном Чернуским крестьян и бобылей нет.

(32 л.) №136. За Харитоном Карповым сыном Мелентьива да за Радею Никоновым сыном Рябово крестьян и бобылей нет.

№137. За Онтошкою да за Ходкою Мелентьивыми детьми Татаринава крестьян и бобылей нет.

№138. За Прокофьем Григорьевым сыном Беседина крестьян и бобылей нет.

№139. За Сидором Ареховым сыном Тибекина двор – крестьянин Кондрашко Степанов, у неводва сына – Илюшка да Степака.

(32 л. об.) №140. За Фирсом Фроловым сыном Мецнянкина крестьян и бобылей нет.

№141. За Илюшкою Сидоровым сыном Михайлова крестьян и бобылей нет.

№142. За Федькою Трофимовым сыном Рощупкина крестьян и бобылей нет.

№143. За Фролом Васильевым сыном Чернским крестьян и бобылей нет.

В том же селе Никольском сверх приправочных книг
прибыло вновь за помещики:

№144. За Якимом Ченцова двор – крестьянин Климка Петров, у него сын Федотка.

№145. За Акимом Золотого крестьян и бобылей нет.

№146. За Фролом Дюкаревым крестьян и бобылей нет.

(33 л.) №147. За Афонькою Дюкаревым.

№148. За Максимом Чернятиным.

№149. За Сенькою Митрофановым.

№150. За Ивашкою Фроловым сыном Бурцова крестьян и бобылей за ними нет.

№151. За Онаньею Филиповым сыном Котеневым двор – крестьянин Степанка Юдин.

№152. За Окимом Котенева крестьян и бобылей нет.

Деревня, что был починок Сорокодумов
под Чюфичевским лесом на речке на Чюфичке, а в ней за помещики
(33 л. об.) за детьми боярскими.

№153. За Федором Митрофановым сыном Онаньина крестьян и бобылей нет.

№154. За Семеном да за Богдашком Федоровыми детьми Митрофанова.

№155. За Ивашком Фроловым сыном Бурцова.

№156. За Онаньею Филиповым сыном Котенева крестьян и бобылей за ними нет.

Село Архангельское, Ряполово, и Рощупкино,
и Нижнее Чюфичево тож
(34 л. об.) на усть речки Чюфичевки у Оскольского болота.

В селе церковь Архангел Михаил.

В селе за помещики за детьми боярскими.

№157. За Ондреем Константиновым сыном Пронина крестьян: двор Паршко Романов у него пять сынов – Паршка ж, Серешка, да Сенька, да Федька, да Якушка; двор Митька Федоров у него пять сынов – Карпушка, Мосейко, Дениско, да Еремка, да Стенька; двор Ромашко Костянти

(34 л. об.) нов сын Яковлев, у него сын Федотка, у Федотка сын Сенька; двор Крисанка Яковлев у него два сына – Ермошка да Кузька; двор Ермошка Семенов, у него два сына – Ивашко да Мишка.

№158. За Микитою Филиповым сыном Докукина двор – бобыль Кондрашко Прохоров.

№159. За Петрушкою Ряполовым з братьями крестьян и бобылей нет.

№160. За Костькою Мацневым з братом

(35 л.) крестьян и бобылей нет.

№161. За Осейком да за Парфенком Розщупкиными двор – крестьянин Ондрюшко Косарев, у него сын Тишка.

№162. За Мирошкою да за Ондрюшкою Кондауровыми двор – крестьянин Демка Иванов.

№163. За Микиткою Яковлевым сыном Деминым да за иво двоюродным братом за Селиванком Лавретывым сыном двор – бобыль Демидко Филипов.

№164. За Игнашкою, да за Ларкою, да за Меркулком, да за Марчком Федоровыми

(35 л. об.) детьми Кондаурова.

№165. За Родионом Артемывым сыном Мацнева.

№166. За Кузькою Степановым сыном Ряполова.

№167. За Пронькою да за Кондрашкою з братьями Кузьмиными детьми Мишустина.

№168. За Микитою Прокофьевым сыном да за иво племянником за Ивашком Вавиловым сыном Григорова.

№169. За Прокофьем Федоровым сыном Прокудина крестьян и бобылей за ними нет.

(36 л.) №170. За Власом Семеновым сыном [?] двор – бобыль Пронька Романов.

№171. За Нестерком Лукиным сыном Городникова з братьями.

№172. За Иваном Сидоровым сыном Роззупкина.

№173. За Григорьем Сидоровым сыном Роззупкина крестьян и бобылей за ними нет.

№174. За Кондратьем да за Васьюкою Тарасовыми детьми Мишустина двор – крестьянин Гаврилко Костентинов у нево сын Федька.

(36 л. об.) Деревня Великий Перевоз

под Истобным лесом на реке на Осколе, а в ней за помещики.

№175. За Андреем Лаврентьевым сыном Кузьмина.

№176. За Степаном Игнатовым сыном Стрельникова.

№177. За Ивашком да за Софронком Трофимовыми детьми Должонкова.

№178. За Родеею Семеновым сыном Юрина-Куколова.

№179. За Родионом Деивым сыном Конда

(37 л.) урова.

№180. За Филатком Ивановым сыном Золотухина.

№181. За вдовою Марьею Филиповою женою Мишустина з детьми Васьюкою да с Ивашкою.

№182. За вдовою Фетиньею Мартиновскою женою Андреива.

№183. За Офанасьем Микитиным сыном Сименова.

Крестьян и бобылей за ними нет.

Деревня против Чмутова озера от ре

(37 л. об.) ки Оскола в Истобном лесу.

№184. За Иваном Захаревым сыном Суморокого.

№185. За Богданом Левонтьевым сыном Савина.

№186. За Иваном Ульяновым сыном Черниковым.

№187. За Григорьем Гавриловым сыном Полозова.
№188. За Павлом Ортемьивым сыном Волкова.
№189. За Офонькою Лаврентьивым сыном Невзорова.
№190. За Михайлом Левонтьивым сыном Золотухина.
№191. За Тимошкою Микитиным сыном Докукина, за Гришкою
(38 л.) Тимофеевым сыном Паршина.
Крестьян и бобылей нет.

Деревня Казачья Прость

под Истобным лесом на реке на Осколе у Сторожевого колодезя, а в
нем за помещики за детьми боярскими.

№192. За Иваном Яковлевым сыном Левыкиным.
№193. За вдовою Просковою Федоровскою женою Котенева з деть-
ми.
Крестьян и бобылей за ними нет.
№194. За Михайлом Ананьиним сыном Шацким
(38 л. об.) крестьян и бобылей нет.
№195. За Оверкеем Васильивым сыном Золотухина двор – бобыль
Ивашка Иванов.
№196. За Тимофеем Оверкеивым сыном Золотухина.
№197. За Демкою Игнатьивым сыном Козулина.
№198. За Савою Микифоровым сыном Козулина.
Крестьян и бобылей за ними нет.

Починок Сенков

под Аколенским лесом по речке по Асколу по левую сторону,
а в нем за помещики.

№199. За Михайлом да за Кузьмою Богда
(39 л.) новыми детьми Сторожева крестьян и бобылей нет.

Починок Токмачев

под Аколенским лесом выше Сенькина колодезя, а в нем за помещи-
ки.

№200. За Иваном Михайловым сыном Токмачева двор – крестьянин
Гришка Рысукин.
№201. За Федоском Григорьивым сыном Савостьянова крестьян и
бобылей нет.

Починок Околенской
в Захарове поляне в Околенском лесу, а в нем за помещики.
№202. За Митрофаном Дорофеивым сыном
(39 л. об.) Токмачева крестьян и бобылей нет.

Деревня Прокудина
в Долгой поляне на изроге Околенского лесу на колодезе
на Пониковце, а в ней за помещики за детьми боярскими.
№203. За Иваном Михайловым сыном Прокудина крестьян: двор
Ивашко Борисов; двор Гришка Смагунов, а у него сын Гришка; двор
Логинко Смагунов.
№204. За Иваном да за Демкой Васильевыми детьми Прокудина
(40 л.) двор – бобыль Васька Абакумов.

Починок Сопрыкин
по стороне Долгой поляны на изроге Околенского лесу
на колодезе на Пониковце в поместье
№205. За Онцифером Ивановым сыном Сапрыкина двор – бобыль
Оксенка Смагунов.

Деревня Котенева-Долгая Поляна тож
под Околенским лесом на колодезе на Пониковце,
а в ней за помещики за детьми боярскими.
(40 л. об.) №206 За Корнилом Богдановым сыном Коршикова.
№207. За Оношкою да за Огейком Андреевыми етми Коршикова
№208. За Осипком Богдановым сыном Коршикова.
Крестьян и бобылей за ними нет.
№209. За Онтипком Савиным сыном Монакова двор – бобыль Ларка
Нефедьев.
№210. За поместным казачьим есаулом за Фирсом Давидовым сыном
Давыдова двор – бобыль Фирсик Акулов.
№211. За Микитою Ортемьевым сыном Малинина
(41 л.) №212. За Петрушкою Герасимовым сыном Котенева.
№213. За Аристом да за Кондрашком Максимовыми детьми Миро-
фанова.
Крестьян и бобылей за ними нет.

Починок Монаков

под Аколеним лесом вверх Чюфичевского верха

в острову на колодезе, а в нем за помещики за детьми боярскими.

№214. За Ненашем Лукьяновым сыном Монакова.

№215. За Володимером, да за Марком,

(41 л. об.) да за Сидорком Герасимовыми детьми Монакова.

№216. За Родьком Кондратьевым сыном Симанова.

Крестьян и бобылей за ними нет.

Деревня Нижняя Атаманская

на реке на Осколе на усть речки Чюфичевки под Большим Городцким лесом, а в ней за станичными [атаманы] в поместьях.

№217. За Тихоном Дементьевым сыном Горожанкина крестьян и бобылей нет.

(42 л.) №218. За Родионом Ивановым сыном Устинова двор – бобыль Васька Сергеев, а у него сын Костька; двор – бобыль Сенька Васильев сын Горяинов.

№219. За Сысойком Григорьевым сыном Розщупкиным.

№220. За Миною Костентиновым сыном Торасова, а Сонин он же.

Крестьян и бобылей нет.

№221. За Степаном Даниловым сыном Кондаурова, а у него половинщик Ждан Копанин, у него сын Давыдко.

(42 л. об.) №222. За Тимофеем Романовым сыном Ряполова крестьян и бобылей нет.

№223. За Гаврилком Петровым сыном Захарова двор – бобыль Микитка Афонасьев, у него сын Ивашко.

№224. За Назаром Ивановым сыном Устинова, а ныне за сыном иво за Мартином крестьян и бобылей нет..

№225. За Венедихтом Яковлевым сыном Стрельникова двор – бобыль Ивашко Нефедьев.

№226. За Дорофеем Костентиновым сыном Мишустина крестьян и бо

(43 л.) былей нет.

Деревня Верхняя Атаманская

на речке на Чюфичевке под Большим под Городцким лесом,

а в ней за станичными атаманы в поместье.

№227. За Парфеном Сазоновым сыном Вендина двор – крестьянин Филька Петров.

№228. За Исаем Кондратьевым сыном Коробьина двор – крестьянин Пронька Вавилов, а у него два сына – Мишка да Игнашко.

(43 л. об.) №229. За Дениском Кузьминым сыном Холтобина двор – крестьянин Ивашко Кузьмин.

№230. За Михайлом Мартыновым сыном Полупанова двор половинщик Тимошка Мартинов.

№231. За Семеном «большим» Васильевым сыном Горяинова двор – бобыли Петрышка да Давыдко Михайловы.

№232. За Григорьем да за Якимом

(44 л.) Киреевыми детьми Горожанкина.

№233. За Перфилком Петровым сыном Брянченина.

№234. За Свиридком Васильевым сыном Винникова.

№235. За Григорьем Ивановым сыном Щепина, а ныне за братом иво за Ерофеем Щепиным.

Крестьян и бобылей за ними нет.

№236. За Федором Андросовым сыном Захарова двор – крестьянин Пронька Озаров.

(44 л. об.) В той же деревне Атаманской сверх приправочных книг вновь за помещики.

№237. За Исаем Коробьиним крестьян: двор Мишка Федоров; двор Данилко Горожанкин, у него сын Тимошка; двор Овдокимко Степанов.

И всего в Чюфичевском стану дватцать четыре двора крестьянских, людей в них 6 человек, да тринадцать дворов бобыльских, людей в них шеснатцать человек.

(45 л.) Стан Дубенской

Деревня Яндовища

под Дубенским лесом на речке на Дубне, а в ней за помещики.

№238. За Ромашком Афонасьевым сыном Тарарыива.

№239. За Ивдокимком Степановым сыном Улыбышева.

№240. За Прокофьем Васильевым сыном Дергилева.

№241. За Микитою Дмитриевым сыном Михирева.

№242. За Ивашком Васильевым сыном Руд
(45 л. об.) нева.

№243. За Федькою Ивановым сыном Галактионова.

№244. За Ефимком Калининым сыном Овсянникова.

Крестьян и бобылей за ними нет.

Село Егорьевское, а Дубенское тож,
а в нем за детьми боярскими.

№245. За Панкою Федоровым сыном

(46 л.) Маренкова.

№246. За Ларкою Тимофеевым сыном Поповым.

№247. За Микитою Нефедьевым сыном Букиным.

№248. За Ваською Трофимовым сыном Усачева.

№249. За Логинком Селиверстовым сыном Тимонова.

№250. За Мануйлом Андреевым сыном Гольцовым.

№251. За Максимком Ивановым сыном Бутеркова.

(46 л. об.) №252. За Ваською да за Ивашком Варламовыми детьми
Башкатова.

Крестьян и бобылей нет.

Деревня Дурнева

под Дубенским лесом на речке на Дубне, а в ней за помещики
за детьми боярскими.

№253. За Якимом Ивановым сыном Бредихина.

(47 л.) №254. За Нифонтом да за Гришкою Ивановыми детьми Дур-
нева.

№255. За Григорьем Ефремовым сыном Ровенским.

№256. За Аристом Степановым сыном Грязнова.

№257. За Максимом Тимофеевым сыном да за Созонком Ефимовым сы-
ном Селивестовым.

(47 л. об.) №258. За крымским полоняником за Уваром Васильевым сы-
ном Митусова.

Крестьян и бобылей за ними нет.

Деревня Губина, что был починок Ивана Губина,
Улыбышев тож

под Дубенским лесом на речке на Дубне,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

(48 л.) №259. За Иваном Михайловым сыном Токмакова.

№260. За Левонтьем Яковлевым сыном Тетюрева.

№261. За Микифором Степановым сыном Улыбышева.

№262. За Иваном Михайловым сыном Болтенковым.

№263. За Иваном Офонасьевым сыном

(48 л. об.) Горбатовым.

№264. За Тимофеем Михайловым сыном Воротынцова.

Крестьян и бобылей нет.

Село Успенское, что было село Егорьевское,
а Дубенская и Большая Поляна тож
под Дубенским лесом на речке на Дубне.

А в селе церковь Успения Пресвятыи Богородицы, да в пределе

(49 л.) Стратотерпца Христова Георгия.

В селе за помещики за детьми боярскими.

№265. За Онисимом, да за Серешкою, да за Никонком Колесниковы-
ми детьми Ортемова крестьян и бобылей нет.

№266. За Карпом Васильевым сыном Каракулина крестьян и бобы-
лей нет.

№267. За Мартином Петровым сыном Кана

(49 л. об.) ныхина крестьян и бобылей нет.

№268. За Ивашком Богдановым сыном да за Микифорком Федоро-
вым сыном Ледовскими крестьян и бобылей нет.

№269. За Микифором же за одним в Товолжанной поляне крестьян и
бобылей нет.

№270. За Климком да за Софонком Яковлевыми детьми Дергилева
крестьян и бобылей нет.

(50 л.) №271. За Гришкою да за Минькою Олферовыми детьми Ла-
рионова крестьян и бобылей нет.

№272. За Иваном Богдановым сыном Жиленковым да за иво пасын-
ком за Илюшкою Свиридовым сыном Михайлова крестьян и бобы-
лей нет.

№273. За Микиткою Мокаровым сыном да за племянником иво за
Филькою Ивановым сыном Дашина крестьян и бобылей нет.

(50 л. об.) №274. За Михайлом Олферовым сыном да за иво племян-
ники за Родькою, да за Власком, да за Трофимком Калистратовыми
детьми Дашина крестьян и бобылей нет.

Деревня Молахова, а Большая Поляна тож
под Дубенским лесом на речке на Дубне,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№275. За Понтелеем, да за Куземкою, да за Сенькою, да за Савкою
(51 л.) Ивановыми детьми Молахова, да за их племянники – за
Ерошкою Ивановым да за Самошкою Киреевым крестьян и бобылей
нет.

№276. За Микифором да за Савостьяном Азаровыми детьми Мола-
хова крестьян и бобылей нет.

№277. За Алексеем да за Микифором Молахова с племянники кре-
стьян и бобылей нет.

(51 л. об.) Деревня Комаревцева
под Дубенским лесом на речке на Дубне,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№278. За Филипом Фоминым сыном Логачева двор – крестьянин
Тимошка Фомин; двор – Длачко Иванов; двор – Филька Иванов.

№279. За Левкою Прокофьевым

(52 л.) сыном Дурнева крестьян и бобылей нет.

№280. За холанским помещиком за Лукьяном Тимофеевым сыном
Кропочевым [Корпочевым] крестьян и бобылей нет.

№281. За Олферком Терентьевым сыном Лукьянова двор – бобыль
Микита Микитин.

(52 л. об.) №282. За Тихоном Ивановым сыном Васютина двор – бо-
быль Куземка Варкин.

№283. За Куземкою, да за Ондрюшкою, да за Якушком Смирновыми
детьми Васютина крестьян и бобылей нет.

№284. За Михалком Олферо

(53 л.) вым сыном Васютина крестьян и бобылей нет.

Деревня, что была полянка Руское плесо,
а Коростовая и Лощина тож
под [А]коленским лесом на реке на Осколе,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№285. За Наумком Кузьми

(53 л. об.) ным сыном Моногарова крестьян и бобылей нет.

№286. За Пронькою Даниловым сыном Клеменова двор – бобыль Фатюшка Данилов.

№287. За Степашком Микитиным сыном Козюлькина крестьян и бобылей нет.

(54 л.) №288. За Тимошкою Осиповым сыном Телегина крестьян и бобылей нет.

№289. За вдовою Анною Наумовскою женою Анофрейва да за сыном ее за Якушком Наумовым сыном Анофрейва крестьян и бобылей нет.

Починок Беляев

на реке на Осколе под Аколенинским лесом, а в нем за помещиком
№290. За Иваном Киреевым сыном Беляева крестьян и бобылей нет.

Починок Бекетов

в Окольной поляне под Околенинским лесом, а в нем за помещики
за детьми боярскими.

(55 л.) №291. За Софонком Фоминым сыном да за иво племянником за Самсонком да Степанком Родивоновыми детьми Логачева крестьян и бобылей нет.

№292. За Родионом Кондратьевым сыном Симанова крестьян и бобылей нет.

(55 л. об.) И всего в Дубенском стану три двора крестьянских, три двора бобыльских, людей в них шесть человек. Обоиво, крестьянских и бобыльских, шесть дворов.

[Для листа с надписью «Порозжей».]

(56 л.) Стан Орлицкой,
а в нем за помещики.

Село Яблоново

под Орлицким лесом на речке на Орлику.

В селе церковь Обновление Храма Воскресения Христа Бога Нашего.

В селе за помещики за детьми боярскими.

№293. За Иваном Ермоловым сыном Лукьянчикова крестьян и бобылей нет.

№294. За Петром Савельевым сыном Злобина двор – бобыль Ханка Максимов.

(56 л. об.) №295. За Тимошкой Яковлевым сыном Коребина крестьян и бобылей нет.

№296. За Степаном Микитиным сыном Гранкина крестьян и бобылей нет.

№297. За Андреем Лаврентьевым сыном Кутина двор – крестьянин Якушко Федоров з братьями с Офремком да с Осипком Федоровыми детьми.

(57 л.) 298. За Елисеем Прокофьевым сыном Гвоздева, а ныне за детьми иво за Матюшкою да за Костьюкою крестьян и бобылей нет.

№299. За Екимком Ивановым сыном Бредихина крестьян и бобылей нет.

№300. За Прокофьем Даниловым сыном Клеменова крестьян и бобылей нет.

№301. За Овдакимом Степановым сыном Улубышева крестьян и бобылей нет.

(57 л. об.) №302. За Васильем Трофимовым сыном Усачова крестьян и бобылей нет.

№303. За Галактионом Ермоловым сыном Кренева крестьян и бобылей нет.

№304. За вдовою Ографеною Трофимовскою женою Головина крестьян и бобылей нет.

№305. За Федотом Сергеевым сыном Лукьянчикова, а ныне за сыном ево за Офремком крестьян и бобылей нет.

(58 л.) №306. За Томилом Онисимовым сыном Звегинцова крестьян и бобылей нет.

№307. За Васильем да за Иевком Варламовыми детьми Башкатова крестьян и бобылей нет.

№308. За Тимофеем Михайловым сыном Воротынцова крестьян и бобылей нет.

№309. За Федором Лазоревым сыном Дранина крестьян и бобылей нет.

(58 л. об.) №310. За Ефтифейком Евтифейвым сыном Головина двор – бобыль Лука Киреев.

№311. За Мартином Михайловым сыном Воротынцова крестьян и бобылей нет.

№312. За Осипом да за Гришкою Гарасимовыми детьми Озарова крестьян и бобылей нет.

№313. За Орхипом да за Мелешкою Федоровыми детьми Шаховцова крестьян и бобылей нет.

(59 л.) №314. За Иваном да за Власом Сысоивыми детьми Шахавцова крестьян и бобылей нет.

№315. За Яковом Федоровым сыном сыном Бредихина крестьян и бобылей нет.

№316. За Иваном да за Лучкою Семеновыми детьми Калинина крестьян и бобылей нет.

№317. За Яковом, да за Селиваном, да за Филькою Мартиновыми детьми Федяшева крестьян и бобылей нет.

(59 л. об.) №318. За Офонасьем Юрьевым сыном Кирилова крестьян и бобылей нет.

№319. За Обакумком да за Офонасьем Киприяновыми детьми Шаховцова крестьян и бобылей нет.

№320. За Иваном Тимофеевым сыном Бредихина крестьян и бобылей нет.

№321. За Кипреяном Михайловым сыном Страхова крестьян и бобылей нет.

(60 л.) №322. За Ларею Беляевым сыном Подымова крестьян и бобылей нет.

№323. За Савостьяном Ивановым сыном Стрельникова крестьян и бобылей нет.

Деревня Сараева Поляна, а Завалишина тож
под Дубенским лесом на реке на Осколе, а в ней за помещики.

№324. За Омельяном да за Васьюкою, да за Микиткою Софоновыми
(60 л. об.) детьми Завалишина крестьян и бобылей нет.

Починок Фатеев, Алпеев тож
под Орлицким лесом на речке на Орлику,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№325. За вдовою Домною Григорьевскою женою Рогозина з детьми
– с Ивашком, да с Олфимком, да з Гришкою крестьян и бобылей нет.

(61 л.) №326. За халанским помещиком за Лукьяном Тимофеевым
сыном Корпачева крестьян и бобылей нет.

№327. За Олексеем, да за Петрушкою, да за Филькою, да за Васьюкою Ермоловыми детьми Воротынцовыми крестьян и бобылей нет.

№328. За вдовою Аксиньею Исаевскою женою Алпеева да за сыном ее за Петрушкою крестьян и бобылей нет.

(61 л. об.) №329. За Ульяном Фатеевым сыном Сотникова крестьян и бобылей нет.

Село, что была деревня Хмелевая
под Орлицким лесом на речке на Орлику, а в селе церковь Парасковей Нарцаемья Пятницы да предел Василия Кисарийского.

В селе ж за помещики.

№330. За Михайлом Ивановым сыном Шетинина крестьян и бобылей нет.

(62 л.) №331. За Лукьяном Миляевым сыном Сотникова крестьян и бобылей нет.

№332. За вдовою Устинью Мартиновскою женою Овсяникова да за ее детьми – за Сенькою, да за Федькою, да за Васьюкою Мартиновыми детьми Овсяникова крестьян и бобылей нет.

№333. За вдовою Овдотьей Ивановскою женою Авсянникова да за ее

(62 л. об.) детьми за Пиминком, да за Самошкою, да за Гришкою Ивановыми детьми Овсяникова крестьян и бобылей нет.

№334. За Сергеем да за недоросли За Микифорком да за Ивашком Осиповыми детьми Овсяникова крестьян и бобылей нет.

№335. За Иваном да за Михайлом Митрофановым детьми

(63 л.) Савенкова крестьян и бобылей нет.

[?]. За Лукьяном Микулиным сыном Овдокимова крестьян и бобылей нет.

№336. За Михайлом да за Фомкою Ивановыми детьми Руднева двор – бобыль Ивашко Орлов; двор – бобыль Илюшка Данилов.

№337. За Федором Агафоновым сыном Жилина двор – бобыль Федька Лазарев.

(63 л. об.) №338. За Семеном, да за Онофрием, да за Гришкою, да за Фомкою Азаровыми детьми Жилина двор – бобыль Омелька Максимов.

№339. За Семеном Ивановым сыном Руднева з детьми с Кондрашкою да с Федькою крестьян и бобылей нет.

Деревня Волкова, а Приезжая Поляна тож
под Орлицким лесом на речке на Орлику,
(64 л.) а в ней за помещики за детьми боярскими.

№340. За Иваном Истоминым сыном Ондреева крестьян и бобылей нет.

№341. За Филипом Пахомовым сыном Ключанским, а ныне за племянником иво за Онаньею Ондреевым крестьян и бобылей нет.

№342. За Григорьем Игнатовым сыном Овдокимова крестьян и бобылей нет.

(64 л. об.) №343. За Онофрием да за Мишкою Ивановыми детьми Сведина крестьян и бобылей нет.

№344. За Наумком Мокеевым сыном Овдокимова крестьян и бобылей нет.

№345. За Лазорем Микифоровым сыном Понарина да за Офонасьем Федоровым сыном Ондреива крестьян и бобылей нет.

№346. За Яковом Филиповым сыном
(65 л.) Звягинцова крестьян и бобылей нет.

№347. За Васильем Григорьевым сыном Евсюкова крестьян и бобылей нет.

№349. За Михайлом да за Оверкеем Онисимовыми детьми Острцова крестьян и бобылей нет.

(65 л. об.) №350. За Евсеем Ильиным сыном Мишина крестьян и бобылей нет.

№351. За Олешкою Денисовым сыном Мишина крестьян и бобылей нет.

№352. За Меркулом Семеновым сыном Понарина крестьян и бобылей нет.

№353. За Харитоном Ивановым сыном Елисеева крестьян и бобылей нет.

№354. За Иваном Савиным сыном Бабина крестьян и бобылей нет.

(66 л.) №355. За вдовою Офимьею Савинскою женою Бабина крестьян и бобылей нет.

№356. За Юрьем Даниловым сыном Евсюкова крестьян и бобылей нет.

№357. За Ондрушкою да за Фомкою Михайловыми детьми Сеченова крестьян и бобылей нет.

№358. За вдовою Федосьею Микулинской женою Чернцова.

№359. За Сергеем Ульяновым сыном Чернцова крестьян и бобылей нет.

(66 л. об.) №360. За Яковом да за Ивашком Ивановыми детьми Косинова крестьян и бобылей нет.

№361. За Дорофейком да за Ивашком Ивановыми детьми Понарина крестьян и бобылей нет.

№362. За Максимком Нероновым сыном Монаенкова крестьян и бобылей нет.

№363. За Лукьяном Офонасьевым сыном Сапрыкина крестьян нет.

№364. За Федькою Оксеновым сыном Гладкова крестьян нет.

(67 л.) №365. За Иваном Ивановым сыном Коротково крестьян и бобылей нет.

№366. За Ортюшкою Никоновым сыном Есипова крестьян и бобылей нет.

№ 367. За Лаверком Микифоровым сыном Шаколова крестьян и бобылей нет.

№368. За Исаем да за Сидорком Ивановыми детьми Звягинцова крестьян и бобылей нет.

(67 л. об.) Деревня Огибная Поляна,

что была пустошь Дикое поле по конец Орлицково лесу, против Молодежникова колодезя на Молодежникове поляне по обе стороны Онохинского колодезя, а в ней за помещики за детьми боярскими.

№369. За Офонасьем Микитиным сыном Воронина крестьян и бобылей нет.

(68 л.) №370. За Михайлом Степановым сыном Дурнева крестьян и бобылей нет.

№371. За Устином Карповым сыном Травкиным, а ныне за сыном ево за Микифором крестьян и бобылей нет.

№372. За Ларионом Ивановым сыном да за Иваном Гордеевым сыном Дробышевыми крестьян и бобылей нет.

№373. За Яковом Максимовым сыном Копнина крестьян и бобылей нет.

(68 л. об.) №374. За Яковом Парфеновым сыном Угольева крестьян и бобылей нет.

№375. За Патрекеем Павловым сыном Евсюкова крестьян и бобылей нет.

№376. За Мартином Азаровым сыном Обакумова крестьян и бобылей нет.

№377. За Неустроем Даниловым сыном Евсюкова крестьян и бобылей нет.

№378. За Сергеем Матвеевым сыном Салькова крестьян и бобылей нет.

(69 л.) №379. За Ондреем Максимовым сыном Харитонова крестьян и бобылей нет.

№380. За Харитоном Максимовым сыном Селиверстова крестьян и бобылей нет.

№381. За Григорьем Олифановым сыном Елисеевым крестьян и бобылей нет.

№382. За Иваном Ильиным сыном Усачова крестьян и бобылей нет.

№383. За Михайлом Ивановым сыном Дробышева крестьян и бобылей нет.

(69 л. об.) №384. За Степаном Михайловым сыном Климова крестьян и бобылей нет.

№385. За Степаном Григорьевым сыном Серкина крестьян и бобылей нет.

№386. За Исачком, да за Осташком, да за Логинком, да за Титком Семеновыми детьми Молаховыми крестьян и бобылей нет.

№387. За Лазорем Агафоновым сыном Алпеева крестьян нет.

(70 л.) Деревня Копцова

верх Дубенского лесу против колодезя Пониковца с левой стороны,
а в ней за помещики.

№388. За Федором Григорьевым сыном Кузьмина крестьян и бобылей нет.

№389. За Родькою да за Сидорком Ивановыми детьми Зиновьева крестьян и бобылей нет.

№390. За Васьюкою Назарьевым сыном Елисеева крестьян и бобылей нет.

(70 л. об.) №391. За Ефтифьевком, да за Ермолкою, да за Костькою Игнатовыми детьми Зиновьева крестьян и бобылей нет.

Деревня Верхняя Ольшаница, а Савенков починок тож
под Ольшанским лесом на речке на Ольшанице,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№392. За Нифонтом Яковлевым сыном Ондреева крестьян и бобылей нет.

(71 л.) №393. За Федькою Тихоновым сыном Шатцким да за племянники за Якушком, да за Матюшкою, да за Осипком, да за Ондрюшкою, да за Митькою Нестеровыми детьми Шацкого крестьян и бобылей нет.

№394. За Савою Макаровым сыном Некрасова крестьян и бобылей нет.

№395. За Пронькою да за Оксенком

(71 л. об.) Васильевыми детьми Шахова крестьян и бобылей нет.

№396. За Васильем Сидоровым сыном Некрасова крестьян и бобылей нет.

№397. За Ромашкою да за Ивашком Ильиным детьми Захарова крестьян и бобылей нет.

№398. За Семеном Федоровым сыном Захарова крестьян и бобылей нет.

(72 л.) Починок Подымов

под Орлицким лесом на речке на Ольшанице,
а в нем за детьми боярскими.

№399. За Ондрюшкою Селиным сыном Овсяникова крестьян и бобылей нет.

№400. За Федором Федоровым сыном Меньшикова крестьян и бобылей нет.

№401. За Вдовою Авдотьей

(72 л. об.) Алексеевскою женою Хромцова з детьми Степашком да с Васькой крестьян и бобылей нет.

№402. За Понкрашкою, да за Севкою, да за Ваською Харламовыми детьми Курба крестьян и бобылей нет.

№403. За Тимофеем Федоровым сыном Полянским крестьян и бобылей нет.

(73 л.) №404. За Парфенком Ондреевым сыном Сапелкиным крестьян и бобылей нет.

№405. За Федором Яковлевым сыном Еремеева крестьян и бобылей нет.

Деревня Нижняя Ольшаница
под Ольшанским лесом на речке на Ольшанице,
а в ней за помещики за детьми боярскими.

№406. За вдовою Аксиньею

(73 л. об.) Ондреевскою женою Хорошева з детьми с Фирсом, да с Ивашком, да с Мелешком крестьян и бобылей нет.

№407. За Ефимком Васильевым сыном Бородина крестьян и бобылей нет.

№408. За Иваном Родионовым сыном Монакова крестьян и бобылей нет.

№409. За Игнатом, да за Ивашком,

(74 л.) да за Матюшкою Максимовыми детьми Грязнова крестьян и бобылей нет.

№410. За Осипом Матвеевым сыном Базарова крестьян и бобылей нет.

№411. За Григорьем да за Кузьмою Ивановыми детьми Захарова крестьян и бобылей нет.

№412. За Григорьем Лазоревым

(74 л. об.) сыном Овдокимова крестьян и бобылей нет.

№413. За Лазорем да за Игнатом Дмитриевыми детьми Некрасова двор – бобыль Федька Лазорев.

№414. За вдовою Феклою Левонтьевскою женою Долженкова з детьми с Левонтьем,

(75 л.) да с Мелешкою, да с Ондриюшкою, да з Гришкою, да с Ивашком крестьян и бобылей нет.

Починок Терновой

в Орлицком лесу на речке на Ольшанице, а в ней за помещики.

№415. За Калиною Сазоновым сыном Калистратова крестьян и бобылей нет.

75 .об. №416. За Микитою Григорьевым сыном Игнатова крестьян и бобылей нет.

№417. За Моисеем Костентиновым сыном Мыдонжанкова крестьян и бобылей нет.

№418. За Офонасьем Микитиным сыном Симонова крестьян и бобылей нет. Починок Мокрищев, а Мокри

(76 л.) шева Поляна тоже на реке на Осколе и на усть речки Ольшаницы.

И всего в Орлицком стану один двор крестьянской, людей в нем три человека, семь дворов бобыльских, людей в них тож, и обоива – десять человек.

(76 л. об.) Крестьяне и бобыли живут за монастыри, на монастырских землях.

№419. За Троицким монастырем, что в Тюляфтине поляне. Двор – бобыль Демка Арефьев сын Кузовов, у него три сына – Игнашко, да Васька, да Федька. Двор – бобыль Афонька – Ал

(77 л.) кудинов сын Тарарыев у него брат Пронтька Анкудинов, у Проньки сын Климко да племянник Давыдка Филипов. Двор – бобыль Ермолка Кондратьев сын Хомутников, у него два брата – Никитка да Савка Кондратьевы дети, у Ермолки три сына – Фатюшка, да Куземко, да Мишка. Двор – бобыль Евтюшка

(77 л. об.) Тимофеев сын Шевелев, у него зять Фомка Евсеев. Двор – бобыль Ивашко да Васько Васильевы дети Серово. Двор – бобыль Куземка Григорьев сын Сулатов. Двор – бобыль Ульянко Иванов сын Шебышев, у него брат Арьюшка да сын Максимка.

(78 л.) Двор – бобыль Измаилка Сидоров сын Фиршин, у него два сына – Васька да Исайка. Двор – бобыль Гришка Алексеев сын Суекшин. Двор – пуст Гришка Иванов, взят в полон. Двор – бобылка Федорица, у нее сын Микифорко Давыдов. Двор – бобыль Фролка Павлов сын Дворяшин,

(78 л. об.) у него два сына – Власко да Фирсик. Двор – бобыль Парфенка Евсеев, у него четыре пасынки – Савка, да Сенька, да Мишка, да Карпик, да сын Васька. Двор – бобыль Гришко Петров сын Швердяй, у него два сына – Васька да Фатюшка. Двор – пуст Микитки Филипова, а он умер.

(79 л.) Двор – бобыль – Карпик Мартинов сын Початков, у него три сына – Архипко, да Мамонка, да Микитка. Двор – пуст Ивашка Лучника, а он умер. Двор – бобыль Петрушка Пиминов сын Масленни-

ков, у него сын Мишка. Двор – бобыль Онисимко Яковлев, у него два сына – Петрушка да Тимошка.

(79 л. об.) Двор – бобыль Федька Федороф сын Рыжево, у него два сына – Максимко да Ивашко. Двор – бобылка Аксиница, у него сын Петрушка. Двор – крестьянин Степанко Никитин сын Сапожник, у него три сына – Демка, да Ондрюшка, да Митько, да зять Ондрюшко Ермолин сын Токмачев. Двор – бобыль Оношка Матвеев,

(80 л.) а у него брат Огафонко Матвеев, у Оношки сын Тимошка.

И всего за Троицким монастырем один двор крестьянский, да двенадцать дворов бобыльских, людей в них – пятьдесят два человека и з двумя вдовами.

(80 л. об.) №420. В Оскольском уезде в Орлицком стану монастырь Николая Чудотворца на Холкове городище на реке на Осколе. А на монастыре церковь Великого Чудотворца Николы.

В монастыре игумен Лаврентей з братею, а за ним бобылей. Двор – бобыль Ермолка. Двор – бобыль Афонька. Двор – бобыль

(81 л.) Сенька Иванов, у него сын Тишко да зять Олешка Карпов. И всего три двора бобыльских, людей в них пять человек.

И всего на Осколе:

Посадских – дватцать семь дворов, людей в них – шездесят четыре человека;

Вольных людей, которые живут на посаде – девять дворов, людей в них – шеснатцать человек;

Да на церковных землях крестьян и бобылей – четырнатцать дворов, людей в них – сорок один человек.

Да в Оскольском уезде за помещики

(81 л. об.) и за монастыри – тритцать шесть дворов крестьянских, шездесят три двора бобыльских, людей в них – восьмьдесят один [человек], да две вдовы.

Обоиво на Осколе, и на посаде, и в Оскольском уезде крестьянских и бобыльских – сто тритцать девять дворов, людей в них и з двумя вдовами – триста восьмь человек.

Село Халань

под Холанским лесом на речке на Холани, а в селе

(82 л.) церковь Афонасия и Кирила Александрийских Чудотворцов.

В селе за помещики за детьми боярскими.

№421. За Остафьем, да за Петрушкою, да за Екимком Исаивыми детьми Жилина.

№422. За Васильем, да за Иваном, да за Мартинком Игнатовыми детьми Збитнева.

(82 л. об.) №423. За Микитою Федоровым сыном Тимонова.

№424. За Максимом Кузьминым сыном Совостьяновым.

№425. За вдовою Марьею Есиповскою женою Наталина-Збитнева.

№426. За Микитою Игнатовым сыном с племянники за Иваном Домановым з братьями.

(83 л.) За Гаврилом Максимовым сыном Жилина.

№427. За Лукою Васильевым сыном да за иво внучаты за Филькою, да за Серешкою Михайловыми детьми Скуратова.

№428. За Киреем Фроловым сыном Головина.

№429. За Михайлом да за Елизаром прозвища за Кручиною Васильевыми детьми Юшина.

(83 л. об.) №430. За Евсеем Осиповым сыном Архипова.

№431. За Игнатом Збитневым з братом Юдкою.

№432. За Иваном да за Тишкою Семеновыми детьми Лошакова.

№433. За Мелентьем Сафоновым сыном Лацоново.

Деревня Ковыльная, а Поляна тож

(84 л.) под Холанским лесом на речке на Холани, а в ней за помещики.

№434. За Иваном Савельевым сыном Ондреева.

№435. За оскольским помещиком за Олфером Терентьевым сыном Лукьянова.

В том же стану за помещики за холанцы ж.

№436. За Лукою Корпачевым

(84 л. об.) №437. За Онтоном Дряхлым с племянником с Ивашком Вавиловым.

№438. За Григорьем Аненковым.

№439. За Савою Паниным.

- №440. За Иваном Анофриевым сыном Гнездилова.
№441. За Антоном Ферапонтовым сыном Косова.
(85 л.) №442. За Степаном Яковлевым сыном Толмачевым.
№443. За Васильем Меркуловым сыном Селиным.
№444. За Тимофеем Микитиным сыном Похомовым.
№445.

Деревня Прилепы
под Халанским лесом на речке на Холани,
(85 л. об.) а в ней за помещики

[Порозжея]

- (86 л.)** №446. За Иаковым Семеновым сыном Монаковым.
№447. За Юдою Михайловым сыном Зябревым.
№448. За Киреем Пилюгиным.
№449. За Иваном Масалитиновым.
№450. За Петрушкою Курцовым.
№451. За Третьяком Найденовым.
(86 л. об.) №452. За Игнатом Кириловым
№453. За Фатьяном Старосельцевым.
№454. За Яковом Грецовым.
№455. За Михайлом Захаровым.
№456. За Зотом Гревцовым.
№457. За Филимоном Архиповым.
(87 л.) №458. За Максимом Гуциным.
№459. За Федором Троякуровым. За Ивашком Зизым.
№460. За Кирюшкою Трубицыным.
№461. За Онтюфьем Шеховцовым.
№462. За Федором Шелевым.
(87 л. об.) И за теми халанскими помещики, за всеми, крестьян и бобылей нет.

И в нынешнем во 154-ом году по Государеву, Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича Всеа Русии указу думной дьяк Федор Елизаров в сих Оскольских книгах крестьянские и бобыльские дворы выкладывал, а по выкладке подлинник **(88 л.)** с перечнем сошелся. Справил Тихонко Ушаков.

(88 л. об.)

[*Пустой*]

(89 л.) Лета 7155-го году декабря в 16 день по Государеву, Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича Всеа Руси указу Афанасий Федорович Бобарыкин да подьячей Иван Гаврилов на Осколе городе, и на посаде, и в слободах, и на церковных землях, и в Оскольском уезде за детьми боярскими и всяких чинов за служилыми

(89 л. об.) людьми, сверх их прежних сказак, в поместьях и в вотчинах писали, и налицо досматривали крестьянских и бобыльских дворов, и во дворах крестьян и бобылей, и их детей, и братьев, и племянников, и сосед,

(90 л.) и подсоседников, и то писано в книгах.

№463. В Оскольском уезде в Орлинском стану

за Никольским монастырем, что на Холкове городище:

Двор – крестьянин Лукьянко Аксентьев, у него сын Юшко, да Игнашко, да Митько, да Ивашко. Двор – крестьянин Мишко Герасимов, у него два сына – Свиридка

(90 л. об.) да Гришко. Двор – крестьянин Минько Мартынов, у него сын Анкудинко да брат Серешка. Двор – крестьянин Дружинка Петров, у него четыре сына – Мишка, да Офремко, да Панко, да Иевко. Двор – крестьянин Ивашко Микитин, у него брат Сенько. Двор – крестьянин Сидорко Петров сын Лощоного, у него два сына – Митько да Васька. Двор – крестьянин Афонька Ермолин.

(91 л.) Двор – крестьянин Ивашко Игнатов, у него два сына – Гршко да Огапко. Двор – крестьянин – Ларко Кондратьев, у него два брата – Стенько да Гурька. Двор – крестьянин Сенька Лукьянов, у него два сына – Тишко да Да Марко, да зять Алешко Первов. Двор – крестьянин Лунька Федоров сын Шабьшев, у него сын Корпунька. Двор – крестьянин

(91 л. об.) Ивашко Петров сын Шемякин. Двор – крестьянин Ивашко Федоров, у него сын Акимко, да зять Ондрюшко Васильев, да внук Терешка Акимов. Двор – крестьянин Ивашко Микитин сын Ключанской, у него два сына – Гришко да Демка. Двор – крестьянин Андрюшка Петров сын Анпилогов, у него сын Ивашко. Двор – крестьянин Федька Федоров, у него

(92 л.) три сына – Панко, да Серешка, да Гришко. Двор – крестьянин Пронька Зиновьев сын Овчинников, у него два сына – Пронька да Микишка. Двор – бобыль Алешка Ондреев сын Журавлев. Двор – крестьянин Ивашко Гарасимов, у него брат Трофимко. Двор – крестьянин Левка Юрьев сын Швец, у него сын Сенько. Двор – крестьянка вдова Окулиница, у нея сын Ульянко Семенов. Двор – крестьянин

(92 л. об.) Ивашко Иванов, у него сын Афонько. Двор – крестьянин Ермолка Артемьев. Двор – крестьянин Левка Терентьев, у него брат Митько. Двор – крестьянин Алешка Иванов. Двор – бобыль Бориско Кондратьев.

№464. В селе Хмелевом

За сыном боярским за Иваном Григорьевым сыном Щетинина двор – бобыль Мартинка Федоров.

За Лукьяном Акуловым двор – бобыль Васька Иванов, у него два сына – Антипко да Степанко.

(93 л.) №465. В деревне Яблоновой

За Кирпьяном Михайловым сыном Страховым двор – бобылка вдова Авдотья Томиловская жена, у нея три сына – Васька, да Филько, да Митрошка.

№466. В Дубенском стану в деревне Дурнева

За За Нифонтом да за Гришкою Дурневыми двор – брат их Никитка Дурнев.

(93 л. об.) За Аристом Степановым сыном Грязнова двор – бобыль Першинка Богданов поселился после прежнево письма.

№467. В Бекетове починке

За Софонком Фоминым сыном Логачевым двор – бобыль Антипко Сапронов поселился после прежнева письма.

№468. В деревне Волоконской поляне

За Ро

(94 л.) дионом Кондратьевым сыном Симановым двор – крестьянин Степанко Антонов, у него два сына – Еремка да Мишка.

№469. В деревне в Долгой поляне
За Иваном Михайловым сыном Прокудиным двор – крестьянин
Гришка Смагунов, у него три сына – Игнашко, да Терешка, да Левка.
Двор – крестьянин Митька Афонасьев, у него
(94 л. об.) два сына – Васька да Обакумка.

№470. За Антоном Савиновым сыном Монакова двор – бобыль
Илюша Деев, у него брат Ивашко.

№471. За Петрушкою Гарасимовым сыном Котеневым двор – кре-
стьянин Афонька Артемьев, у него два сына – Панка да Смирька.
Двор– крестьянин Микитка Микитин,
(95 л.) у него брат Микифорко.

№472. В деревне Великом Перевозе
За Степаном Игнатовым сыном Стрельниковым двор – крестьянин
Костька Наумов; двор – крестьянин Мирошка Григорьев.

№473. За Радею Семеновым сыном Юрина-Куколова двор – бобыль
Федька Богданов.

№474. За вдовою Фетиньею Мартиновскою
(95 л. об.) женою Андреева двор – бобыль Кирюшка Осипов.

№475. В Чюфичевском стану в деревне в Нижне Чюфичеве
За Микитою Прокофьевым сыном Григорова двор – бобыль Оська
Семенов сын Болдырь.

(96 л.) №476. В починке Сапрыкине
За Анцифером Ивановым сыном Сапрыкина двор – бобыль Ларко
Семенов, пришел после прежнего письма.

№477. В деревне Сорокине
За Иваном Левыкиным двор – бобыль Федотка Решетник.

№478. В деревне Вислой
За Микифором Микитиным сыном Татарченковым двор – бобыль
Ивашко Сергеев.

И всего в Оскольском уезде за помещики за детьми бояр-
скими сыскано сверх их прежних сказок:

(96 л. об.) – семь дворов крестьянских, а людей в них – семнатцать человек, да девять дворов бобыльских, людей в них – семнатцать человек, да три бобыли, поселились после прежнево письма. Да за Никольским монастырем Холковы пустыни сыскано сверх их прежней скаски дватцать четыре двора крестьянских, два двора бобыльских, а людей в них – шестьдесят четыре человека.

(97 л.) В Оскольском уезде за детьми боярскими живут на их землях их дядья, и братья, и племянники, и себе, и дети их.

За Андреем Григорьевым сыном Толмачевым двор – сын ево Митько Толмачев.

За Екимом Золотово двор – брат иво

(97 л. об.) Серешка Золотой.

№479. В деревне Дубенской

За Григорьем Ефремовым сыном Ровенским живут себе дворами дети иво – Серешко да Онисимко Ровенские.

№480. В Дубенском стану в селе Успенском,
а Егорьевское тож

За Иваном да за Микифорком Лядовскими двор – племянники их – Якушко да Мо

(98 л.) сейко Петровы дети Ледовские.

№481. За Гришкою да Митькою Алферывыми детьми Ларионова двор – дядя их Федька Данилов сын Ларионов.

№482. За Микитою Марковым сыном да племянником иво за Федькою Ивановым сыном Дашеным двор – племянник ево Сидорко Семенов сын Дашин.

(98 л. об.) №483. В деревне Молаховой

За Олексеем Молаховым двор – брат иво Микифорко Молахов.

№484. В деревне Комаревцеве

За Левкою Прокофывым сыном Дурневым двор – дядя ево Остах Иванов сын Дурнев.

№485. В селе Хмелевом

За Михалком да за Фомкою Рудневыми двор – дядя их Сенька Руднев.

(99 л.) №486. В деревне Нижней Ольшанице

За Ефимом Васильевым сыном Бородиным двор – зять ево Тимошка Богданов.

№487. В деревне Дурнева

За Нифонтом да за Гришкою Дурневыми двор – брат их Микитка Дурнев.

№488. В селе Успенском

За Иваном

(99 л. об.) Богдановым сыном Жиленковым двор – брат ево Сенька Жиленков.

№489. В деревне Котенева, а Долгая Поляна тож

За Аристом да за Кондрашкою Максимовыми детьми Митрофанова двор – зять их Ивашко Семенов сын Полтинин.

№490. В починке Захарове поляне

За Митрофаном Дорофеевым сыном Токмачевым двор – шурин иво **(100 л.)** Микитка Савельев сын Барбошин.

№491. В селе Архангельском, а в Нижнем Чюфичеве тож

За Григорьем Сидоровым сыном Розщупкиным двор – сын ево Савостьяно.

№492. В деревне Нижней Атаманской

За казаком за Тихоном Дементьевым сыном Горожанкиным двор – зять иво Ивашко Иванов.

(100 л. об.) В той же деревне Нижней Атаманской за сыном боярским за Тимошкою Романовым сыном Ряполова двор – зять ево Петрушка Яковлев.

№494. За Венедихтом Яковлевым сыном Стрельниковым двор – дядя ево Фомка Григорьев сын Стрельников.

В той же деревне поселились после прежнева письма дети боярские:

Мишка Романов сын Ряполов;

(101 л.) Евсютка Микитин сын Лихачев; Яков Костентинов сын Савин; Самсонко Осипов сын Ряполов; Кондрашко Яковлев сын Стрельников, за ним двор – дядя ево Фомка Стрельников.

В деревне Сорокино поселились дети боярские вновь: Двор – Степко Яковлев сын Сорокин; двор – Ондрушка Григорьев сын Комаревцов; двор – Овдакимко

(101 л. об.) Кондратьев сын Полников.

В деревне Котово

За Овдокимом Ивановым сыном Емельяновым двор – зять ево Петрунька Иванов.

За Григорьем Ивановым сыном Четверкина двор – зять ево Васька Костентинов.

В той же деревне Котовой поселились вновь дети боярские:

Панка, да Ларка, да Гришка Ивановы дети Рудакова.

(102 л.) В деревне Вислой

поселился сын боярский Васько Тимофеев сын Рязанцов.

И всего в Оскольском уезде за детьми боярскими живут на их землях, и дядья, и братья, и племянники, и зятя – дватцать один человек. Да сверх прежнево письма новопоселились дети бояр

(102. об.) ские – десять человек.

II. «Переписная книга 1646 года»

Писец – Боборыкин Афанасий Федорович,

Подьячий – Гаврилов Иван

(комментарий)

К середине XVII столетия Российское государство попыталось перейти на новую систему налогообложения, осуществив учет населения по дворам. Такой учет в городе Осколе и Оскольском уезде был проведен в 1646 году. Главная цель переписи изложена в начале документа: выявить в городе, посаде и уезде число дворов разных чинов служилых и неслужилых людей – детей боярских, монастырских и церковных людей, торговых и ремесленных людей, а также проживающих во дворах прямых родственников и иных категорий населения. Важным условием переписи является наличие на поместных землях и «дворовых усадах» дворов крестьян и бобылей (см. 1 л. – 2. л. об.).

ГОРОД ОСКОЛ

(крепость и посад)

Термин «город» неоднозначен, но в современном языке он часто используется как антитеза общему понятию «село». До сих пор исследователи не пришли к единому мнению о том, какие поселения в России XVII в. считать городами. В одном случае городом могут называть торгово-ремесленный центр, в другом – военную крепость, в третьем – любое поселение, которое признавали таковым современники и т.д. В зависимости от цели исследования городской населённый пункт можно рассматривать под разными углами зрения. Но обычно городское поселение выполняло сразу несколько функций.

Во-первых, Оскол, безусловно, был военно-административным центром округа, уездным центром, являясь местом проживания служилого и торгово-ремесленного населения. Также Оскол можно считать и духовным центром, ибо для любого городского поселения характерно наличие соборной церкви.

Вторым критерием города необходимо принять условие проживания различных социальных групп на определенной ограниченной территории, наличие на этой территории жилищ, имущества, хозяйства, а также проживающих людей, связанных родственными, эко-

номическими или иными связями. Несомненно, границы являются мерой и для «дворовой усады», и для поместья, и для поселения – «грани и межи» по терминологии того времени. При этом термин «город» означал не только конструктивную систему, но и территорию городского поселения, ограниченную межевыми линиями.

Таким образом, сочетание двух главных критериев города позволят выявить число дворов городских жителей тех социальных категорий, которые подлежали бы налогообложению.

Под первым номером в «Переписной книге» значится город-крепость Оскол. В пределах крепостных стен находились: соборная церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы с приделом во имя Николы Чудотворца, двор воеводы, погреб с запасами пороха, свинца и ядер, три наземных хранилища для зерна (см. 2 л. об.).

Из данного фрагмента архивного документа нет никакой возможности определить масштаб крепостных сооружений. Однако вполне определенно можно утверждать, что в пределах крепостных стен располагался военно-административный и духовный центр города и уезда. Воевода Дмитрий Иванович Плещеев, принимая 1 марта 1644 года у воеводы Прокофия Васильевича Карпова город Оскол, в частности, отметил, что крепостные сооружения составляют «...под башнями дватцать восемь сажень. По пряслом Оскола города – двесте дватцать две сажени. Обоева по башням и по пряслом – двесте пятьдесят сажень»¹. Однако в отчете воевода упоминает: «...а что бывал старой острог до литовскаго разорения и около тово острогу по мере где были башни, и меж башен по пряслом – девятсот тритцать сажень. И как литовские люди и город и острог взяли и сожгли, и после того на Осколе острогу нет, и никакие крепости нет жа, только окола тово старова острожнова места ров»².

Воевода Д.И. Плещеев принял город и уезд после переписи 1643 года, в которой отражены результаты социально-экономической жизни уезда. В «Писцовой книге» представлено число владельцев поместий, объем земельных владений, количество помещичьих, церковных, крестьянских и бобыльских дворов и дворовых мест, ряд иных исторических фактов. С их подробным анализом читатель может ознакомиться во второй части «Оскольских древностей»³. Но каких-либо сведений о городе Осколе и пригородных слободах в «Писцовой книге» не приводится.

В «Дозорной книге» 1615 года («до литовского разорения») довольно подробно описаны дворы горожан, их земельные владения, а также административные и другие сооружения, но границы города не указаны.

Из других архивных источников удалось установить, что общая длина крепостных стен по периметру, устроенных на высоком меловом мысу у слияния рек Оскол и Осколец, равнялась 1010 сажням. В оборонительной конструкции, устроенной по принципу «город в городе», наличествовало 20 башен, пять из которых с проезжими воротами. С северной и восточной сторон город окружал ров в 704 сажени⁴.

Эти стены и ров надолго стали границей городского поселения, принимаемой администрацией и жителями, даже после сожжения города в 1616/1617 году.

Значительная часть горожан покинула территорию поселения, однако правительство неоднократно пыталось вернуть людей в город. В марте 1628 года воевода Данила Моисеевич Яблочков сообщает в Разряд «...где был город и в том месте поставлен острог»⁵. Далее он указывает, что в 1624 году воеводе Никите Мотовилову «...велено по твоему государеву указу свести атаманов, и ездоков, и вожей, и стрельцов, и казаков, и пушкорей, и затинщиков, и воротников, которые сселились далече от города, вернуть по местам своим старым в старом большом остроге...и те, государь, люди после Микитина строения Мотовилова ж, на старом месте не живут»⁶. В декабре 1628 года последовал указ о возвращении людей в город, но служилые люди «...разбрелись по гумнам, а дворы свои помитали»⁷.

Воевода Афанасий Тургенев, приняв дела, сетует, что оскольские служилые люди «...покинув свои старые места, где жили в старом большом остроге...». На это последовал указ в январе 1631 года вернуть людей в город «... где раньше жили, с женами, и детьми, и со всем животином, ... поставить избы, и держать хлебные всякие запасы, и рухлядь всякую, и город укрепить, и людей расписать, а не сделаешь, великая тебе опала»⁸.

По указу от 29 декабря 1644 воеводе Д.И. Плещееву также предписано вернуть людей на старые места. В январской «отписке» в Разряд Дмитрий Иванович сообщает: «...А по прежним грамотам Ивану Ржевскому, Дмитрию Сентову, Прокофию Коробьину и мне

велено вернуть людей на старые городские места и устроить по-прежнему, где кто жил, ...но они не слушались, и жить не идут, и дворов не ставят, и как бы мне в опале не быть, укажи, что делать»⁹.

Следовательно, на момент переписи 1646 года под термином «город» следует понимать крепостные укрепления, дворы посадских людей и иных категорий населения, которые располагались в границах прежней городской территории («старые городские места»).

ПОСАД

Дворы торговых людей:

1. Двор Авилова Якова.
2. Двор Пуминова Артема и двух его сыновей – Василия и Ивана.
3. Двор Попова Никиты.
4. Двор Арефьева Павла.
5. Двор Зубова Иллариона.
6. Двор Чернильникова Михаила с зятем Ивановым Семеном.
7. Двор Щекина Дениса.
8. Двор Колосова Ивана и его сына Бориса.
9. Двор Замочникова Матвея с братьями – Матвеем, Герасимом, Ефремом и Титом.
10. Двор Силина Лукьяна с братьями – Максимом и Илларионом.
11. Двор Леонтьева Григория.
12. Двор Разумова Владимира.
13. Двор Чапелева Астафия.
14. Двор Чапелева Родиона.
15. Двор Бабина Богдана Осиповича.
16. Двор Пуминова Василия и двух его сыновей – Данилы и Севостьяна.
17. Двор Кузнецова Михаила и его сына Якова.
18. Двор Солового Иева и его двух сыновей – Кузьмы и Афанасия.
19. Двор Семачова Харлама, его сына Ивана и двух братьев Харлама – Севостьяна и Парамона.
20. Двор Тихонова Лукьяна и его сына Савелия.
21. Двор Монакова Родиона.
22. Двор Чернильникова Дмитрия.

23. Двор Коровникова Степана и его двух сыновей – Семена и Данилы.

24. Двор Филиппова Алексея и брата его Кузьмы.

25. Двор Долгушина Марка его сына Андрея и брата Осипа.

26. Двор Романова Ивана и его двух сыновей – Тимофея и Василия.

Всего на посаде 27 дворов торговых людей и в них зафиксировано 54 человека мужского пола (см. 3 л. – 4 л. об.).

При анализе фрагмента архивного документа было установлено не 27, а 26 дворов и 53 человека мужского пола в них – 26 торговых людей, 15 их сыновей, 11 братьев и один зять.

Термин «торговые люди» в архивных материалах XVII столетия чаще всего означал социальную группу, которая профессионально занималась продажей в городе привозного товара. При этом в приходно-расходных документах указана территориальная принадлежность торгового человека и ассортимент товара: тульский торговый человек – ситец и разные сукна; торговый человек из Коломны – шубы, зипуны, холсты; торговый человек из Ельца – туши мяса и бочка масла, оскольский торговый человек – мед, вощина, бочка дегтя и т.д. Однако торговлей занимались различные категории населения, поэтому в документах чаще фигурирует социальная принадлежность человека и более объемный термин «посадские люди», которые реализовывали изделия своего ремесла, владели торговой точкой (лавка, скамья, полка), продавали предметы промыслов. Так, в «Крестно-приводной книге на верность царю Алексею Михайловичу» от 29 апреля 1645 года числятся 15 человек посадских людей, но только пять из них указаны торговыми людьми согласно списку «Переписной книги» 1646 года – Авиллов Яков, Чернильников Дмитрий, Василий и Артем Пуминовы, Арефьев Павел и Попов Никита (на присягу не явился)¹⁰. В «Приходно-расходной книге» за 1651 год нет ни одной фамилии из списка «Переписной книги», которые значились бы торговыми людьми. Владели лавками посадские люди – Авиллов Яков и Арефьев Павел¹¹. Во второй половине столетия в отчетах воевод посадское население не фигурирует. Так, в «Годовой смете» за 1668 год зафиксировано: «А россыльщиков, и посадских людей, и дворян в Старом Осколе нет»¹².

Из отчетов второй половины столетия исчезает еще одна социальная группа населения – дворники, однако в «Переписной книге» они указаны.

Дворники

- 1. Головин Василий и два его сына – Михаил и Савва, во дворе сына боярского Мишустина Дорофея.*
- 2. Кандратьев Максим и два его сына – Ядька и Мелентий, во дворе сына боярского Злобина Петра.*
- 3. Вулов Роман, во дворе сына боярского Горожанкина Тихона.*
- 4. Чапелев Арсений и его сын Аким, во дворе сына боярского Устинова Мартына.*
- 5. Ледин Иван, во дворе сына боярского Кутина Андрея.*
- 6. Васильев Парша и его сын Иван, во дворе Малахова Алексея.*
- 7. Григорьев Арсений, во дворе сына боярского Руднева Фомы.*
- 8. Деревягин Матвей, во дворе сына боярского Щетинина Григория.*

Во дворах детей боярских проживают 14 человек мужского пола – 8 дворников и 6 их детей (см. 4 л. об. – бл. об.).

Состояние этой категории населения окончательно не определено. Впервые сведения об оскольских дворниках дает «Дозорная книга» 1615 года, где указано, что «в остроге для осадного времени» располагались 29 дворов станичников (вожи), «а в них дворников семнатцать человек»¹³. Никаких сведений о социальной принадлежности и деятельности данной категории населения архивный источник не дает. Лишь однажды упоминается, что в осадном дворе вожа Юрия Жеремина проживает его племянник Иван Малахов¹⁴. Определения обязанностей дворников ни «Дозорная», ни «Переписная» книги также не дают, за исключением того, что дворники имели какое-то ближайшее отношение к осадным дворам служилых людей, ибо указываются только тогда, когда во дворах не живут сами их владельцы. Проживая в городе, дворники, как видим, занимались ремесленной деятельностью, и тем содержались, а вместе с тем управляли осадными дворами служилых людей. Ясно одно, что данная категория учитывалась в структуре городского населения. И «в сполошное время», т.е. в период предполагаемого нападения противника, дворники занимали свое место в системе обороны. Так, в отчете

те воеводы Дмитрия Плещеева от 21 марта 1644 года на случай осады в росписи указаны и неслужилые люди: дети, братья, племянники, крестьяне, *дворники*, половинщики и подсоседники, посадские, монастырские крестьяне – «угодные люди – 176 с пищалями и 272 с рогатинами»¹⁵. Очевидно, что это вольные люди, которые вышли из других сословий, а, ставши дворниками, не принимали на себя каких-то новых служебных обязанностей.

«Дозорная книга» 1615 года указывает, что осадными дворами владели вожи – неперменные участники разъездной станицы. «Переписная» же книга свидетельствует, что осадными дворами владели представители низших чинов в иерархии служилых людей «по отечеству» – дети боярские. Анализируя «Писцовую книгу» 1643 года, можно прийти к выводу, что дети боярские Злобин Петр Савельевич и Кутин Андрей Лаврентьевич проживали в селе Яблоновое Орлицкого стана¹⁶. В селе Хмелевом того же стана указаны дворы Руднева Фомы Ивановича и Щетинина Ивана Григорьевича¹⁷. В Дубенском стане Оскольского уезда в деревне Малахово владел поместьем сын боярский Малахов Алексей Карпович¹⁸. Следовательно, из списка «Переписной книги» 5 человек действительно являлись детьми боярскими. Однако Горожанкин Тихон Дементьевич, Мишустин Дорофей Константинович и Устинов Мартын Иванович являлись станичными атаманами из деревни Нижнее Атаманское Чуфичевского стана¹⁹. Необходимо заметить, что термин «станичный атаман» определял лишь обязанности в военно-служебном формировании – разъездной станице. О социальном статусе станичных служилых людей речь пойдет в последующих комментариях.

Дворы вольных людей

- 1. Двор Дементьева Кондратия.*
- 2. Двор Протасова Харитона.*
- 3. Двор вдовы Терентьевой Дарьи и двух ее сыновей – Леонтия и Миняя.*
- 4. Двор Волуйчанина Демьяна и двух его сыновей – Ермолая (Ермолы) и Микешки (вероятно Иннокентия).*
- 5. Двор Сидорова Никифора.*
- 6. Двор Филиппова Дмитрия и двух его сыновей – Алексея и Максима.*

7. Двор Никифорова Андрея и его сына Никифора.

8. Двор Астафьева Парамона.

9. Двор Евсеева Елфима.

И всего девять дворов вольных людей, 15 человек мужского пола в них и одна вдова (см. 6 л. – 6 л.об.).

Термин «вольные люди» в документах XVII столетия встречается довольно часто, иногда в связке с термином «гулящие люди». Их социальный статус размыт. Они не обременяют себя обязанностью служить ни государству, ни кому-либо, «живут себе дворами, кормятся работаю в миру» и по своей охоте могут менять как род деятельности, так и место жительства. Интересен в этом плане эпизод с челобитной оскольских воротников, которые просят выбрать «наплечного мастера» не из своей среды, а из состава «гулящих людей». Сведения о данной категории населения отражены и в «Отчете» 1635 года оскольского воеводы Константина Пущина, что «...на Осколе живут гулящие люди себе дворами не в тягле, и твоего, Государь, оброк не платят, а живут в белых...»²⁰.

Дворы крестьян и бобылей городских священников

За соборным Знаменским священником Афанасием:

1. Двор крестьянина Васильева Константина и четырех его сыновей – Афанасия, Якова, Проньки (возможно Прокопия) и Осипа;

2. Двор крестьянина Федорова Артамона и двух его сыновей – Агафона и Василия.

За Благовещенским священником Иваном:

1. Двор крестьянина Киреева Трофима.

2. Двор крестьянина Антипова Ивана и его сына Зиновия.

3. Двор крестьянина Шильдяева Иван.

4. Двор крестьянина Никонова Мартына и его сына Александра.

За Покровским священником Сазоном:

1. Двор крестьянина Еремеева Михаила, его сына Фомы и внука Петра.

За Архангельским священником Иваном:

1. Двор (вдовы бобыля) Терентьевой Матрены Ивановны и ее сына Бориса.

За Козьмодемьяновским священником Федором:

*1. Двор крестьянина Ерофеева Федора и его сына Терентия.
За Причистинским (на поляне) священником Ефимом:*

1. Двор крестьянина Винокура Василия и двух его сыновей – Якова и Сеньки.

2. Двор крестьянина Лаптева Минная и его сына Дениса.

3. Двор крестьянина Акиншина Данилы и трех его сыновей – Петра, Филиппа и Устина.

За Никольским священником Федором:

1. Двор крестьянина Иванова Никиты и трех его сыновей – Василия (у него сын Данила), Зиновия и Сыся.

2. Двор крестьянина на мельнице священника Никитина Осташки (вероятно Астафия) и пяти его сыновей – Минная, Григория, Тимофея, Андрея и Екимки (вероятно Аким).

И всего на церковных землях четырнадцать дворов и в них числятся 41 человек (с.м. 6 л об. – 8 л. об.).

В переписи имена священников семи храмов, и не только находящихся в пределах городской черты. Вероятно, они все же имели дворы в черте города, и потому именуется в источнике «городскими попами». На принадлежавших им земельных наделах располагались 13 дворов крестьян и один двор бобыля, в которых проживали 13 крестьян, 24 сына дворохозяев, 2 внука, а также вдова бобыля с сыном.

Если сопоставить указанную в переписи информацию о церковных владениях с материалами «Дозорной книги» 1615 года, то за тридцатилетний период, естественно, произошли изменения. После многочисленных пожаров храмы были выстроены заново, некоторые изменили название и даже месторасположение. Не зафиксировано в переписи наличие дворов дьячков, пономарей, просфирниц (проскурниц), объема земельных владений священнослужителей и прочего. Вполне вероятно, что правительство и не ставило переписчикам такой задачи. А вот наличие крестьянских и бобыльских дворов у городских священников – это важная тема, ибо речь идет о налогообложении.

Подводя итог анализу той информации, которая обозначена в тексте под №1, т.е. «городу и посаду», можно определенно указать на неполноту «Переписной книги» в регистрации всех городских

дворов. Однако четко прослеживается основная тенденция переписи – регистрация той категории населения, которая «живет в белых», с целью включения данной социальной группы в «государево тягло». Всего зафиксировано 43 двора, подлежащих налогообложению – 26 дворов торговых людей, 8 осадных дворов детей боярских, в которых проживали дворники, и 9 дворов вольных людей.

В противоположность служилым людям, все прочее свободное население, кроме духовенства, образовало массу тяглых людей, а по различию тягла разделялось на посадское (торгово-ремесленное) и уездное (крестьянское и бобыльское) население. Особый характер занятий и имущества торгово-ремесленных людей вызывал определенные приемы налогообложения. К окладной единице «сохе» приравнивались лавки, чаны, кузницы и другое имущество. Однако в Осколе, если судить хотя бы по данным «Дозорной книги», торговля и промыслы не составляли исключительного права посадских людей. Такого рода деятельностью занимались служилые и разные «прихожие люди», которые всячески уклонялись от государственного тягла. Возможно, перепись 1646 года предполагала введение для посадского и уездного населения общей окладной единицы – тяглового двора. Но в некоторых городах неравные условия, тяжесть тягла и ряд других причин вынуждали посадских людей покидать прежние места и искать лучшие условия жизни. Вероятно, этим объясняется исчезновение впоследствии посадского населения из отчетов воевод и неопределенность термина «посад».

Допустимо также, что была предпринята попытка зачисления в тягло крестьян и бобылей, которые проживали не во дворах городских священников, а в особых дворах на их землях «за рекою за Осколом против Ровенского лесу, об межу с приходцкими попы»²¹.

Слобода Соковая

№ 2. За сыном боярским Мижуевым Севостьяном двор крестьянина Березкина Афанасия и его сына Якова.

№ 3. За сыном боярским Ананьиным Малахом крестьян и бобылей нет.

[№?] За сыном боярским Ивановым Леонтием двор бобыля Мамона Ивана и его сына Петра.

№ 4. За сыном боярским Ананьиным Павлом крестьян и бобылей нет.

№ 5. За сыном боярским Петровым Андреем крестьян и бобылей нет.

№ 6. За сыном боярским Милохиным Федором крестьян и бобылей нет.

№ 7. За сыном боярским Фроловым Терентием крестьян и бобылей нет.

№ 8. За сыном боярским Шильдяевым Григорием крестьян и бобылей нет.

№ 9. За сыном боярским Золотых Семеном крестьян и бобылей нет.

№ 10. За сыном боярским Лепеховым Федором крестьян и бобылей нет.

№ 11. За сыном боярским Лопатиным Григорием крестьян и бобылей нет.

№ 12. За сыном боярским Петровым Лукою крестьян и бобылей нет.

№ 13. За сыном боярским Васищевым Акимом крестьян и бобылей нет.

И всего в Соковой слободе за детьми боярскими один крестьянский двор и один двор бобыля, в них числятся четыре человека мужского пола (см. 8 л.об. – 10 л.), №№ 2-13.

Как известно, данная пригородная слобода располагалась за речкой Осколец в нескольких километрах к северо-западу от города и принадлежала оскольским жокам. Еще в «Дозорной книге» указаны 33 двора непременных участников разъездной станицы и свыше 600 четвертей надельной земли на всю слободу в Соковой поляне²². За истекший период изменений в социальном статусе жокей и в месте их проживания не выявлено. В той же «Крестоприводной книге» 1645 года указаны фамилии 30 жокей²³. В 1647 году воевода Оскола князь Иван Михайлович Волконский раздал 990 рублей годового жалования 150 оскольским станичникам, в том числе и 30 жокам по 6 рублей каждому²⁴. Данная социальная группа относилась к категории служилых людей по прибору, которая индивидуальными поместьями не владела, правами и возможностями привлекать в свое хозяйство крестьян и бобылей не располагала и, следовательно, в переписи 1646 года не отражена.

Дети же боярские, которые поселились в Соковой слободе, были прибылыми людьми. Просматривая материалы «Писцовой книги» 1643 года, не удалось обнаружить в уезде ни одной из 13 фамилий списка. Они получили индивидуальные наделы из освободившихся поместных земель оскольских атаманов, часть которых была переведена на службу в город-крепость Усерд. Факт появления на Осколе новых служилых людей, имеющих определенные права, был зафиксирован в переписи.

Окологородный стан

Село Короваево-Гаросим

Располагалось село на берегу р. Оскол в месте впадения в нее речки Геросим. Ранее в поселении была церковь во имя Рождества Богородицы, но по данным «Писцовой книги» 1643 года была разорена еще в 1613 году. Данный факт подтверждает челобитная жителей села от 1 ноября 1644 года с просьбой выслать царские двери и напрестольное Евангелие для нового храма²⁵. Однако церковь так и не была возведена, раз в переписи вновь отмечено лишь «место церковное». Тем не менее, поселение по-прежнему именовали селом.

№14. За вдовой Захаровой Аксиньей, матерью сына боярского Захарова Василия Андросовича, и за внуком Аксиньи Захаровым Филиппом Андросовичем крестьян и бобылей нет.

№15. За Натальиным Игнатом Михайловичем, за Натальиным Иудой Михайловичем, и за племянником братьев Натальиным Ильею Феактистовичем крестьян и бобылей нет.

№16. За Збитневым Василием Игнатьевичем, за Збитневым Иваном Игнатьевичем и за Збитневым Мартыном Игнатьевичем крестьян и бобылей нет.

№17. За Юрковым Федором Юрьевичем крестьян и бобылей нет.

№18. За Колюпановым Гаврилом «большим» Феактистовичем, за Колюпановым Гаврилом «меньшим» Феактистовичем крестьян и бобылей нет.

№19. За Неретиным Василием Никифоровичем крестьян и бобылей нет.

№20. За Миляевым Никоном Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№21. За Койсаровым Михаилом Клементиевичем крестьян и бобылей нет.

№22. За Хлоповским Иваном Михайловичем крестьян и бобылей нет.

№23. За Агеевым Елистратом Семеновичем и за его племянником Агеевым Афанасием Осиповичем крестьян и бобылей нет.

№24. За Чечулиным Алексеем Логиновичем крестьян и бобылей нет.

№25. За Бурцевым Елистратом Фатеевичем двор крестьянки-вдовы Устиницы, и двух ее сыновей – Игната и Степана; двор бобыля Афанасьева Киприяна.

№25(?). За Токмачевым Трофимом Павловичем крестьян и бобылей нет.

№26. Рябых Акул, Олексинец Иван и Трубавин Василий получили владения Прончакова Ивана Родионовича, который переведен на службу в город-крепость Усерд. Крестьян и бобылей за детьми боярскими нет.

№27. За Смехневым Дорофеем Артемовичем крестьян и бобылей нет.

№28. За Головиным Ану(о)фрием Трофимовичем крестьян и бобылей нет.

№29. За Анофреевым Василием Васильевичем и за Анофреевым Анисимом Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№30. За Завьяловым Куприяном Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№31. За Мишиным Фирсом Абакумовичем крестьян и бобылей нет.

№32. За Мишиным Ильею Абакумовичем и за Мишиным [?] Абакумовичем крестьян и бобылей нет.

№33. За Мишиным Матвеем Афанасьевичем и за Мишиным Гаврилом Афанасьевичем крестьян и бобылей нет.

№34. За Татариновым Остапом Даниловичем крестьян и бобылей нет.

№35. За Бутаковым Андреем Еремеевичем крестьян и бобылей нет.

№36. За Пузиковым Постником Михайловичем крестьян и бобылей нет.

№37. За Букиным Никитой Нефедьевичем крестьян и бобылей нет.

№38. За Кошкаровым Аверьяном Феактистовичем крестьян и бобылей нет.

№39. За Кошкаровым Василием Беляевичем крестьян и бобылей нет.

№40. За Набережных Лукьяном Кузмичем и за Набережных Никитой Кузмичем крестьян и бобылей нет.

№41. За Ушаковым Антипом Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№42. За Пахомовым Гаврилом Филатовичем и за Дороховым Игнатом Ореховичем крестьян и бобылей нет.

№43. За Мелеховым Григорием Куприяновичем крестьян и бобылей нет.

№44. За Мелеховым Яковом Куприяновичем двор крестьянина Силына Леонтия и двух его сыновей – Филата и Федора.

№45. За Авдеевым Василием Максимовичем крестьян и бобылей нет.

№46. За Рогожниковым Савелием Ермолаевичем крестьян и бобылей нет.

Всего в Окологородном стане два крестьянских двора и двор бобыля, людей в них – шесть человек.

Сведения об Окологородном стане с 10 л. по 15 л.об., №№ 14-46.

Если сопоставить фактический материал «Переписной книги» 1646 года с данными «Писцовой книги» 1643 года, то больших изменений не наблюдается.

Первое несоответствие отмечаем в количестве поселений стана. Ранее в стане указано село Короваево-Геросим и починок Рогожников, а в переписи только село. Однако в списке детей боярских под №46 значится Рогожников Савелий Ермолаевич. Вероятно, включая Савелия в общий список служилых людей, писцы не отметили его как единственного поселенца починка, основанного в 1640 году. Поселение располагалось вверх по Осколу, относительно далеко от села Геросим, в устье речки Стужень²⁶.

По данным 1643 года, в стане за владельцами поместий числилось 2 крестьянских двора и в них 7 человек мужского пола: за Бурцевым Елистратом Фатеевичем двор крестьянина Михайлова Ивана и двух его сыновей – Игната и Степана; за Прончаковым Иваном Родионовичем двор крестьянина Иванова Ивана и трех его сыновей – Кирияна, Герасима и Федора²⁷. Крестьянин, который значился за Елистратом Бурцевым (№ 25), умер, а крестьянский двор зафиксирован за его вдовой Устиньей и детьми. Кроме того, за Елистратом закреплен двор бобыля Куприяна Афанасьева. Сын боярский Иван

Прончаков (№ 26) был переведен в город-крепость Усерд, а его крестьяне, вероятно, покинули пределы Оскольского уезда. После переписи 1643 года зарегистрирован двор крестьянина и двух его сыновей за сыном боярским Яковом Мелеховым (№ 44). Отсюда следует и общий итог – два крестьянских двора и двор бобыля, а в них 6 человек (пять человек мужского пола и вдова).

Отмечено также некоторое несоответствие в именном списке владельцев поместий. В списке за №14 поместье числится за вдовой Аксиньей, матерью сына боярского Захарова Василия, и ее внуком Филиппом. Отчество у Василия и Филиппа – Андросович, тогда как в переписи 1643 года имя отца и деда – Андрей. В прежней переписи сына боярского Бурцева звали Елисеем, а в именном списке 1646 он указан как Елистрат (№ 25). У одного из владельцев поместья Мишиных пропущено имя Клементий (№ 32). В «Переписной книге» за № 38 указан Кошкаров Аверьян Феактистович, а за № 39 – Кошкаров Василий Беляевич. Однако в «Писцовой книге» первый именуется Ждановым Аверьяном Феактистовичем²⁸. Следует предположить, что переписчики допустили ошибку.

Принимая во внимание все неточности, можно утверждать, что в Окологородном стане по-прежнему 2 поселения – село Геросим и починок Рогожников. Владельцев поместий 48 человек: детей боярских – 39 человек, недорослей – 8 человек и вдова. По дворовому числу: жилых помещичьих дворов – 34, помещичьих дворовых мест – 5; несомненно, следует учесть упомянутые ранее два крестьянских двора и двор бобыля. Анализируя писцовые материалы, отмечаем важную для юга России деталь – «наследование» земельных владений, что для поместья нехарактерно. Так, 18 человек «унаследовали» поместья своих отцов, пятеро владели земельными угодьями своих дедов, трое верстались поместными окладами сами, а двое из них еще со времени дозора 1615 года, остальные владели поместными землями выбывших в разное время оскольчан.

Ублинский стан

Село Ублинское-Никольское

Располагалось поселение на реке Оскол в устье речки Убля, в «Дозорной книге» именовалось сельцом²⁹. В селе церковь во имя Ве-

ликого Чудотворца Николы. В «Писцовой книге» 1643 упоминаются двор приходского священника *Иванова Ивана*, дворовые места убывших по различным причинам иных служителей храма, а также церковные земли³⁰.

№47. За Фефиловой Прасковьей вдовой сына боярского Фефилова Саввы Лукьяновича двор крестьянина Степанова Федора и двух его сыновей – Афанасия и Аверьяна, двор крестьянина Михайлова Парфена и четырех его сыновей – Петра, Афанасия, Исая, и Константина.

№48. За Кудрявцевым Иваном Изотовичем крестьян и бобылей нет.

№49. За Сысоевым Тимофеем Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 16 л. по 17 л., №47-49.

Савва Лукьянович Фефилов получил поместье по государственной грамоте еще в 1617 году, а после его смерти, вероятно в промежутке между 1643-1646 гг., владения Савы Лукьяновича записаны за вдовой Прасковьей. За поместьем значатся два крестьянских двора, в них восемь человек мужского пола. Однако в переписи 1643 года у крестьянина Степанова отмечен один сын – Григорий, а у Парфена Тимофеева сын и пасынок³¹.

В ноябре 1642 года по грамоте из Поместного приказа сыну боярскому Кудрявцеву Зиновию Изотовичу дана часть поместья Михаила Криворотова³². В переписи же указан Кудрявцев Иван Изотович (№48). Являлся ли Иван братом Зиновия, или писцы совершили ошибку, выяснить не удалось.

В сентябре 1643 года по грамоте из Поместного приказа Тимофею Сысоеву отошло поместное владение его отца Якова Леонтьевича бывшего починка Чернышов, а также земельные владения в районе починка Крыгин.

Всего в селе Ублинское-Никольское зафиксировано 2 сына боярских и вдова, а по дворовому числу 5 дворов – 3 жилых помещичьих и 2 жилых крестьянских.

Деревня Бударная

№50. За Селютиным Сысоем Евтифьевичем и за Яковлевым Корнеем Дементьевичем крестьян и бобылей нет.

№51. За Башкатовым Корнеем Кузьмичем крестьян и бобылей нет.

№52. За Огурцовым Елистратом Евдокимовичем и за Фефиловым Михаилом Андреевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 17 л. по 17 л.об., №№ 50-52.

Сопоставляя материалы переписей, изменений не наблюдаем. В деревне числились 4 сына боярских и один недоросль, предполагаем также наличие 4 жилых помещичьих дворов.

Деревня Подгорная Поляна-Сорокино

№53. За Левыкиным Иваном Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

№54. За Сорокиным Дмитрием Емельяновичем двор бобыля Степанова Романа и его пасынка Борисова Якова.

№55. За Прокудиным Прокофием Федоровичем и за его племянником Ряполовым Власом Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№56. За Мишустинным Елистратом Владимировичем крестьян и бобылей нет.

№57. За Жиленковым Иваном Богдановичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 17 л.об. по 18 л.об., №№ 53-57.

В «Писцовой книге» 1643 года за Дмитрием Сорокиным числилось два крестьянских двора – Романа Степанова и Ермола Петрова, а за Прокудиным двор крестьянина Корнеева Пахома³³. В переписи же только за Сорокиным зафиксирован двор бобыля Степанова и его пасынка. Иных изменений в поселении не обнаружено.

Всего в деревне Сорокино 6 детей боярских и, вероятно, 5 жилых помещичьих дворов и двор бобыля.

Деревня Подмокрая Поляна

№58. За Сорокиным Степаном Емельяновичем крестьян и бобылей нет.

№59. За Васютиным Андреем Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№60. За Полниковым Евдокимом Кондратьевичем крестьян и бобылей нет.

№61. За Юриным-Куколовым Родионом Семеновичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 18 л.об. по 19 л., №№ 53-57.

Трое детей боярских – Васютин, Полников и Юрин являлись владельцами поместий еще со времени дозора 1615 года, а Степан Сорокин после 1627 года получил поместье выбывшего Астафия Федоровича Бошкатова. Возможно также, что Юрин-Куколов проживал в Чуфичевском стане, ибо в «Писцовой книге» за ним значится лишь дворовое место и «пашня наездом». Следовательно, в деревне Подмокрая Поляна зафиксировано 4 поместных владения детей боярских и 3 жилых помещичьих двора.

Починок Болоцкий

№62. За Болоцким Андреем Игнатьевичем и за Болоцким Борисом Игнатовичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте на 19 л., №62.

Андрей поместным окладом верстан, а его брат Борис в 1643 году достиг призывного возраста, но в службу не был записан. За братьями числился жилой помещичий двор.

Починок Елистратовский

№63. За Дягиловым Иваном Еремеевичем, за Дягиловым Исаем Еремеевичем и за Дягиловым Алексеем Еремеевичем крестьян и бобылей нет.

№64. За Колесниковым Семеном Елистратовичем, за Колесниковым Богданом Елистратовичем, и за Колесниковым Василием Елистратовичем крестьян и бобылей нет.

№65. За Пикаловым Григорием Ефремовичем и за Гвоздевым Федотом Якимовичем сыном крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 19 л.об. по 20 л., №№ 63-65.

В переписи 1643 года отмечено четыре брата семейства Дягелевых, двое из них недоросли 12 и 10 лет. В 1646 году не указан Илья, а Алексей достиг призывного возраста. Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в починке 8 детей боярских и 4 жилых помещичьих двора.

Починок Выползово

№66. За *Игнатовым Сафоном Назаровичем крестьян и бобылей нет.*

№67. За *Гавриловым Панкратием Клементьевичем и за Котеневым Михаилом Федоровичем крестьян и бобылей нет.*

№68. За *Симоновым Илларионом Никитичем (Мишиным сыном) крестьян и бобылей нет.*

Сведения о поселении в тексте с 20 л. по 20 л.об., №№ 66-68.

Переписчики ошиблись в обозначении отчества сына боярского Иллариона Симонова, указав его «Мишиным сыном». Однако в переписи 1643 года его отчество Никитич, а по данным «Дозорной книги» имя отца Никита. В поселении числятся только 4 поместных владения и помещичьи дворовые места.

Деревня Яблоново-Меньшая Поляна

№69. За *Фефиловым Василием Петровичем и за Фефиловым Борисом Петровичем крестьян и бобылей нет.*

№70. За *Черниковым Иваном Алексеевичем двор крестьянина Юрьева Ивана и трех его сыновей – Афанасия, Андрея и Исяя.*

№71. За *Бесхмельнициным Севастьяном Агафоновичем и за Бесхмельнициным Иваном Агафоновичем крестьян и бобылей нет.*

№72. За *Игнатовым Матвеем Ларионовичем и за его племянниками за Игнатовым Анисимом Федосовичем и за Игнатовым Илларионом Федосовичем крестьян и бобылей нет.*

Сведения о поселении в тексте с 20 л.об. по 21 л.об., №№ 69-72.

Изменений в сравнении с 1643 годом не обнаружено. Всего в деревне 7 детей боярских и один недоросль, 5 жилых помещичьих дворов и один крестьянский жилой двор.

Починок Верховой-Крыгин

№73. За *Бесхмельнициным Терентием Григорьевичем и за Бесхмельнициным Степаном Григорьевичем крестьян и бобылей нет.*

№74. За *Крыгиным Кузьмой Парфеновичем крестьян и бобылей нет.*

Сведения о поселении в тексте с 21 л.об. по 22 л., №№ 73-74.

Всего в поселении 2 сына боярских и недоросль, 2 жилых помещичьих двора.

Починок Русанов

№75. За Русановым Иваном «большим» Ждановичем и за Русановым Иваном «меньшим» Ждановичем крестьян и бобылей нет.

№76. За Глатких Федором Аксеновичем крестьян и бобылей нет.

№77. За Коротковым Иваном Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№78. За Есиповым [Сергеем] Никоновичем и за Шоколовым Илларионом Никифоровичем крестьян и бобылей нет.

№79. За Митрофановым Семеном Федоровичем и за Митрофановым Богданом Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№80. За Даньшиным Филимоном Васильевичем и за Даньшиным Степаном Васильевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 22 л.об. по 23 л., №№ 75-80.

В документе переписчиками опущен починок *Боровая Поляна*, в котором братья Даньшины (№80) владели помещьем своего отца Василия Даньшина³⁴. Иных изменений не обнаружено. Всего в починке (починках) 10 владельцев поместий – 9 детей боярских и недоросль. По дворовому числу, вероятно, 1-2 помещичьих жилых двора, а также дворовые места.

Деревня Песковатая Поляна

№81. За Нефедовым Дружиной Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№82. За Темерязевым Степаном Ивановичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 23 л. по 23 л.об., №№ 81-82.

Всего в поселении 2 сына боярских и 2 жилых помещичьих двора.

Починок Отводная Поляна-Незнамово

№83. За Незнамовым Лукьяном Алексеичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте см. 23 л.об., № 83.

В починке за сыном боярским Лукьяном Незнамовым числится помещичий двор.

Деревня Котово

№84. За Емельяновым Акимом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№85. За Фоминым Богданом Сидоровичем крестьян и бобылей нет.

№86. За Четверкиным Григорием Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№87. За Ушатовым Авдеем Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№88. За Сотниковым Иудой Игнатовичем сыном крестьян и бобылей нет.

№89. За Суяковым (Крюковым) Семеном (Арсением) [Астафьевичем] крестьян и бобылей нет.

№90. За Ивановой (Иванниковой) Марфой вдовой Григория Иванова (Иванникова) крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 23 л.об. по 24 л., №№ 84-90.

В переписи 1643 года в поселении зафиксировано поместье и жилой помещичий двор сына боярского Ивана Рудакова³⁵. Однако в «Переписной книге» данный владелец поместья отсутствует. Сложно объяснить несоответствие фамилий владельцев поместий №№ 89 и 90. Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в поселении числится 6 детей боярских и вдова, а также, вероятно, 5 жилых помещичьих дворов и дворовое место.

Починок Подвислый - Чернышов.

№91. За Тепловым Герасимом Терентьевичем двор бобыля Бутакова Савелия.

№92. За Четвертовским Пимином Тимофеевичем, за Сорокиным Еремеем Гавриловичем, за Сорокиным Логином Гавриловичем и за Татарченковым Никифором Никитовичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 24 л.об. по 25 л., №№ 91-92.

За Герасимом Тепловым по переписи 1643 года числилось два крестьянских двора – Евдокимова Василия и трех его сыновей, а также Савелия Ботакова с сыном³⁶. В «Переписной книге» Савелий отмечен бобылем. Не зарегистрирован в переписи и недоросль Федор Сорокин. Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в починке 4 сына боярских и недоросль, а за ними 4 помещичьих жилых двора и двор бобыля.

Деревня Курская

№93. За Бочаровым Ермолаем Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№94. За Кисленским Андреем Елизаровичем два двора бобылей – Вавилов Наума и Антипова Михаила.

№95. За Михалевым Петром Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№96. За Мальцевым Филатом Даниловичем крестьян и бобылей нет.

№97. За Мелентьевым Михаилом Сафоновичем и за Мелентьевым Никоном Софоновичем крестьян и бобылей нет.

№98. За Хорохординым Первом Степановичем крестьян и бобылей нет.

№99. За Долговым Иваном Юрьевичем крестьян и бобылей нет.

№100. За Ефановым Федором Понкратьевичем и за Ефановым Ермолаем Понкратьевичем крестьян и бобылей нет.

№101. За Кривоносным Афанасием Лукьяновичем, за Корманским Филатом Потаповичем и за Гремлевым Степаном Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№102. За Боевым Андреем Давыдовичем крестьян и бобылей нет.

№103. За Телегиным Тимофеем Осиповичем крестьян и бобылей нет.

№104. За Шевелевым Максимом Андреевичем и за Кривоносным Василием Селиверстовичем крестьян и бобылей нет.

№105. За Пироговым Никитой Захаровичем, за Пироговым Иваном Захаровичем, за Пироговым Степаном Захаровичем, и за Пироговым Михаилом Захаровичем крестьян и бобылей нет.

№107. За Ушаковым Никитой Титовичем крестьян и бобылей нет.

№108. За Коптевым Андреем Ивановичем и за Коптевым Борисом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№109. За Жердевым Томилом Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№110. За Енютинным Клейменом Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№111. За Гранкиным Андреем Астафьевичем и за Гранкиным Милованом Агеевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 25 л. по 27 л. об., №№ 93-111.

За Андреем Кисленским по прошлой переписи числился двор крестьянина Фролова Наума и его сына Ивана, а ныне два двора бобылей. Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в деревне

Курской 29 владельцев поместий – 25 детей боярских и 4 недоросля. В поселении 19 жилых помещичьих дворов и 2 жилых двора бобылей.

Сельцо Лапыгино

В сельце церковь во имя Василия Кесарийского.

№112. За *Володиным Матвеем Савельевичем* крестьян и бобылей нет.

№113. За *Мухортовым Иваном Андреевичем* крестьян и бобылей нет.

№114. За *Ансимовым Андреем Иудьевичем* крестьян и бобылей нет.

№115. За *Ансимовым Сидором Иудьевичем* двор крестьянина *Кузьмина Савелия* и двух его сыновей – *Якова* и *Фомы*.

№116. За *Мухортовым Семеном Ларионовичем* крестьян и бобылей нет.

№117. За *Кононовым Максимом Ивановичем* крестьян и бобылей нет.

№118. За *Ушаковым Наумом Титовичем* крестьян и бобылей нет.

№119. За *Котеневым Иваном Кондратьевичем* крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 27 л. об. по 28 л.об., №№ 112-119.

По прежней переписи на церковной земле располагались дворы попа *Фомы Иванова* и просфирницы *Матрены*³⁸. В «Переписной книге» за *Васильевским священником Иваном Самсоновым* записан двор бобыля *Федора Васильева*. Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в сельце проживали 8 детей боярских, а за ними 8 жилых помещичьих дворов и один крестьянский двор. Очевидно, следует учесть дворы попа и просфирницы, а также двор церковного бобыля.

Деревня Кладовая

№120. За *Щербининым Иваном Дементьевичем* крестьян и бобылей нет.

№121. За *Кладовым Петром Дементьевичем* двор бобыля *Никитина Артамона*.

№122. За Дураковым Меркулом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№123. За Кладовым Иваном Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№124. За Кондауровым Филиппом Гордеевичем и за Кондауровым Игнатом Гордеевичем крестьян и бобылей нет.

№125. За Козловским Алексеем Григорьевичем и за Козловским Федотом Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№126. За [Мишуровым] Емельяном Артемовичем крестьян и бобылей нет.

№127. За Дураковым Степаном Ивановичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 29 л. по 29 л.об., №№ 120-127.

В переписи 1646 года за Петром Кладовым числится двор бобыля, а у сына боярского Емельяна Артемовича (№126) переписчиками опущена фамилия. Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в деревне 10 детей боярских, 9 помещичьих жилых дворов и двор бобыля.

Починок Прилепы

№128. За Шаталовым Милованом Тимофеевичем крестьян и бобылей нет.

№129. За Енютиным Марком Воиновичем и за Сидоровым Кондратом Никитичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 29 л. об. по 30 л., №№ 128-129.

Всего в починке 3 сына боярских, а за ними 3 жилых помещичьих двора.

Всего в Ублинском стане зафиксировано четыре крестьянских двора и шесть бобыльских дворов, а людей в них – двадцать два человека.

Сведения об Ублинском стане с 16 л. по 30 л., №№ 47-129.

Обобщая материалы двух переписей по Ублинскому стану, можно прийти к выводу, что в данной административно-территориальной единице Оскольского уезда 17 населенных пунктов: село – 1, сельцо – 1, деревень – 8, починков – 7. Владельцев поместных наделов 118

человек – 107 детей боярских, 9 недорослей и 2 вдовы. Около 70 человек являлись владельцами земельных угодий своих отцов и дедов. Жилых помещичьих дворов всего 80 единиц, что вполне объяснимо. Это наличие братских дворов, некоторые помещики проживали во дворах других владельцев, у некоторой части детей боярских земельные наделы располагались в разных станах уезда, а в поселениях Ублинского стана за ними были закреплены лишь помещичьи дворовые места.

Необходимо отметить наличие трех дворов священнослужителей – двух священников и просфирницы.

Что же касается основной цели переписи 1646 года – выявления дворов, подлежащих налогообложению, то здесь нет никаких расхождений: 4 крестьянских двора, а в них 4 крестьянина и 11 их сыновей; 6 бобыльских дворов – 6 бобылей и пасынок. Все крестьяне и бобыли числились за детьми боярскими, за исключением одного бобыля, записанного за священником.

Стан Чуфичевский

Село Никольское-Верхнее Чуфичево

В селе церковь во имя Великого Чудотворца Николы. По переписи 1643 года на церковной земле располагался двор священника *Кириллова Бориса*.

№130. За Дюкоревым Сидором Севостьяновичем, за Дюкоревым Фролом Севостьяновичем и за Дюкоревым Иваном Севостьяновичем крестьян и бобылей нет.

№131. За Золотым (Золотых) Леонтием Акимовичем (вместо отца Золотых Акима Захаровича) крестьян и бобылей нет.

№132. За Логачевым Филиппом Фомичем крестьян и бобылей нет.

№133. За Логачевым Сафоном Фомичем и за его племянниками за Логачевым Иваном Родионовичем и за Логачевым Степаном Родионовичем крестьян и бобылей нет.

№134. За Толмачевым Андреем Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№135. За Чернуским Федором Никифоровим крестьян и бобылей нет. №136. За Мелентьевым Харитоном Карповичем и за Рябым (Рябых) Родионом Никоновичем крестьян и бобылей нет.

№137. За Татариновым Антоном Мелентиевичем да за Татариновым Иудой Мелентиевичем крестьян и бобылей нет.

№138. За Бесединым Прокофьем Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№139. За Тибекиным Сидором Ореховичем двор крестьянина Степана Кондратия и двух его сыновей – Ильи и Степана.

№140. За Мецнянкиным Фирсом Фроловичем крестьян и бобылей нет.

№141. За Михайловым Ильею Сидоровичем крестьян и бобылей нет.

№142. За Роцупкиным Федором Трофимовичем крестьян и бобылей нет.

№143. За Чернским Фролом Васильевичем крестьян и бобылей нет.

В том же селе Никольском сверх приправочных книг прибыло вновь за помещиками:

№144. За Ченцовым Акимом двор крестьянина Петрова Клементия и его сына Федота.

№145. За Золотым (Золотых) Акимом крестьян и бобылей нет.

№146. За Дюкаревым Фролом крестьян и бобылей нет.

№147. За Дюкаревым Афанасием крестьян и бобылей нет.

№148. За Чернятиным Максимом крестьян и бобылей нет.

№149. За Митрофановым Семеном крестьян и бобылей нет.

№150. За Бурцевым Иваном Фроловичем крестьян и бобылей нет.

№151. За Котеневым Ананием Филипповичем двор крестьянина Юдина Степана.

№152. За Котеневым Акимом крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 30 л. об. по 33 л., №№ 130-152.

Составляя «Переписную книгу», переписчики, вероятно, допустили несколько ошибок. Сопоставляя материалы переписей, до №143 никаких несоответствий не было обнаружено. Далее в дополнениях за № 144 значится сын боярский Ченцов Аким, за которым числится крестьянский двор. Однако данная фамилия служилого человека нигде не фигурирует. Золотых Аким Захарович (№145) уже упоминался в документе за №131, но помещьем владеет его сын Леонтий. Слу-

жилой человек Дюкарев Фрол (№146) уже упоминался в списке за №130, а Дюкарев Афанасий (№147), Чернятин Максим (№148), Котенев Аким (№152) также нигде не обнаружены. Что же касается детей боярских Митрофанова Семена (№149), Бурцева Ивана (№150) и Котенева Анания (№151), то они зарегистрированы в соседней деревне Сорокодумово.

Всего в поселении 18 владельцев поместий – 16 детей боярских и 2 недоросля. По дворовому числу: 16 жилых помещичьих двора, 3 крестьянских двора, а в них 7 человек мужского пола – три крестьянина и четверо сыновей. Следует учесть также двор священника.

Деревня Сорокодумово

№153. За Ананьиным Федором Митрофановичем крестьян и бобылей нет.

№154. За Митрофановым Семеном Федоровичем и за Митрофановым Богданом Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№155. За Бурцевым Иваном Фроловичем крестьян и бобылей нет.

№156. За Котеневым Ананием Филипповичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 33 л. по 34 л., №№ 153-156.

Всего в деревне 4 сына боярских и недоросль, 3 помещичьих двора.

Село Архангельское-Нижнее Чюфичево

В селе церковь во имя Архангела Михаила. По прежне переписи в поселении указаны дворы священника Давыдова Нефедя и дьячка Степанова Трофима.

№157. За Прониным Андреем Константиновичем дворы крестьян: двор Романова Парши и пяти его сыновей – Парши, Сергея, Семена, Федора, и Якова; двор Федорова Дмитрия и пяти его сыновей – Карпа, Моисея, Дениса, Еремея, Степана; двор Яковлева Романа Константиновича его сына Федота и внука Семена; двор Яковлева Крисанфа и двух его сыновей – Ермолая и Кузьмы; двор Семенова Ермолая и двух его сыновей – Ивана и Михаила.

№158. За Докукиным Никитой Филипповичем двор бобыля Прохорова Кондратия.

- №159. За Ряполовым Петром (Ивановичем) с братьями (Иван, Сергей, Федор, Федот) крестьян и бобылей нет.
- №160. За Мацневым Константином (Аксеновичем) с братом (Даниилом) крестьян и бобылей нет.
- №161. За Рощупкиным Осеем (Абрамовичем) и за Рощупкиным Парфеном (Абрамовичем) двор крестьянина Косарева Андрея и его сына Тимофея.
- №162. За Кондауровым Мироном (Андреевичем) и за Кондауровым Андреем (Андреевичем) двор крестьянина Иванова Дементия.
- №163. За Деминым Никитой Яковлевичем и за его двоюродным братом за Деминым Селиваном Лавретьевичем двор бобыля Филиппова Демида.
- №164. За Кондауровым Игнатом Федоровичем, за Кондауровым Илларионом Федоровичем, за Кондауровым Меркулом Федоровичем и за Кондауровым Марком Федоровичем крестьян и бобылей нет.
- №165. За Мацневым Родионом Артемьевичем крестьян и бобылей нет.
- №166. За Ряполовым Кузьмой Степановичем крестьян и бобылей нет.
- №167. За Мишустиным Прокопием Кузьмичем и за Мишустиным Кондратием Кузьмичем с братьями (Мишустин Олфим Дружиневич и Мишустин Анофрий Дружиневич) крестьян и бобылей нет.
- №168. За Григоровым Никитой Прокофьевичем и за его племянником за Григоровым Иваном Вавиловым (Давыдовичем) крестьян и бобылей нет.
- №169. За Прокудиным Прокофием Федоровичем крестьян и бобылей нет.
- №170. За Ряполовым Власом Семеновичем двор бобыля Романова Прокопия
- №171. За Городниковым Нестером Лукичом с братьями (Городникоа Меркул Гаврилович и Городников Анофрий Гаврилович) крестьян и бобылей нет.
- №172. За Рощупкиным Иваном Сидоровичем крестьян и бобылей нет.
- №173. За Рощупкиным Григорием Сидоровичем крестьян и бобылей нет.

№174. За Мишустиным Кондратием Тарасовичем и за Мишустиным Василием Тарасовичем двор крестьянина Константинова Гаврилы и его сына Федора.

Сведения о поселении в тексте с 34 л.об. по 36 л.об., №№ 157-174.

Значительных изменений в поселении не обнаружено. Некоторые имена и фамилии, опущенные переписчиками, указаны в списке. Всего в селе 36 владельцев поместий – 28 детей боярских и 8 недорослей. По дворовому числу: 21 помещичий двор; 8 дворов крестьянских и в них 26 человек мужского пола – 8 крестьян, 17 сыновей и внук; 3 двора бобылей, а в них числятся три владельца мужского пола.

Деревня Великий Перевоз

№175. За Кузьминым Андреем Лаврентьевичем крестьян и бобылей нет.

№176. За Стрельниковым Степаном Игнатовичем крестьян и бобылей нет.

№177. За Должиковым Иваном Трофимовичем и за Должиковым Сафоном Трофимовичем крестьян и бобылей нет.

№178. За Юриным-Куколовым Родионом Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№179. За Кондауровым Родионом Деевичем крестьян и бобылей нет.

№180. За Золотухиным Филатом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№181. За вдовой Мишустинной Марьей с детьми Мишустиным Василием Филипповичем и Мишустиным Иваном Филипповичем крестьян и бобылей нет.

№182. За вдовой Андреевой Фетиньей крестьян и бобылей нет.

№183. За Симонова Афанасием Никитичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 36 л.об. по 37 л.об., №№ 175-183.

В переписи 1643 года сын боярский Андрей Лаврентьевич Кузьмин отмечен как Андрей Леонтьевич Кузькин. Иных изменений не обнаружено. Всего в деревне 12 владельцев поместий – 10 детей боярских и 2 вдовы, а также 8 помещичьих дворов.

Деревня Чмутово Озеро

№184. За Сумороковым Иваном Захаровичем крестьян и бобылей нет.

№185. За Савиным Богданом Леонтьевичем крестьян и бобылей нет.

№186. За Черниковым Иваном Ульяновичем крестьян и бобылей нет.

№187. За Полозовым Григорием Гавриловичем крестьян и бобылей нет.

№188. За Волковым Павлом Артемьевичем крестьян и бобылей нет.

№189. За Невзоровым Афанасием Лаврентьевичем крестьян и бобылей нет.

№190. За Золотухиным Михаилом Леонтьевичем крестьян и бобылей нет.

№191. За Докукиным Тимофеем Никитичем и за Паршиным Григорием

Тимофеевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 37 л.об. по 38 л., №№ 184-191.

Помещик Черников (№186) указан в прежней переписи как Чернский, сын боярский Волков (№188) как Шоков, а Михаил Золотухин (№190) именовался прежде Мелехом. Иных изменений не обнаружено. Всего в поселении 9 детей боярских и 9 помещичьих дворов.

Деревня Казачья Прость

№192. За Левыкиным Иваном Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

№193. За вдовою Котеновой Просковьей с детьми (Котенев Еремей Федорович, Котенев Никита Федорович, Котенев Перфирий Федорович) крестьян и бобылей нет.

№194. За Шацким Михаилом Ананьевичем крестьян и бобылей нет.

№195. За Золотухиным Оверкеем Васильевичем двор бобыля Ивана Ивана крестьян и бобылей нет.

№196. За Золотухиным Тимофеем Оверкеевичем крестьян и бобылей нет.

№197. За Козулиным Дементием Игнатьевичем крестьян и бобылей нет.

№198. За Козулиным Саввою Никифоровичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 38 л. по 38 л.об., №№ 192-198.

Всего в деревне 10 владельцев поместий – 7 детей боярских, 2 недоросля и вдова; помещичьих дворов – 6 единиц.

Починок Сенков

№199. За Сторожевым Михалом Богдановичем и за Сторожевым Кузьмой Богдановичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 38 л.об. по 39 л., № 199.

Всего в починке два сына боярских и 2 помещичьих двора.

Починок Токмачев

№200. За Токмачевым Иваном Михайловичем двор крестьянина Рысукина Григория.

№201. За Севостьяновым Федосом Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 39 л. по 39 л.об., №№ 200-201.

Всего в починке 2 сына боярских, 2 помещичьих двора и один крестьянский двор.

Починок Околенский

№202. За Токмачевым (Копначевым) Митрофаном Дорофеевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте на 39 л.об., № 202.

Вероятно, писцы допустили ошибку, ибо в прежней переписи сын боярский владел поместьем своего отца Копначева Дорофея Пахомовича, имел помещичий двор, а также за ним числились 2 крестьянских двора³⁹.

Деревня Прокудино

№203. За Прокудиным Иваном Михайловичем дворы крестьян: двор Борисова Ивана; двор Смыгунова Григория и сына Григория; двор Смыгунова Логина.

№204. За Прокудиным Иваном Васильевичем и за Прокудиным Демьяном Васильевичем двор бобыля Абакумова Василия.

Сведения о поселении в тексте с 39 л.об по 40 л., №№ 203-204.

Всего в деревне зафиксировано 3 сына боярских, 3 помещичьих двора, 3 крестьянских двора, а в них числятся 4 человека мужского пола – 3 крестьянина и сын крестьянский. В переписи указан также один двор бобыля.

Починок Сапрыкин

№205. За Сапрыкиным Анцифером Ивановичем двор бобыля Смыгунова Аксена.

Сведения о поселении в тексте на 40 л., № 205.

В починке один сын боярский, помещичий двор и двор бобыля.

Деревня Котенево-Долгая Поляна

№206. За Коршиковым Корнилом Богдановичем крестьян и бобылей нет.

№207. За Коршиковым Анофрием Андреевичем и за Коршиковым Агеем Андреевичем крестьян и бобылей нет.

№208. За Коршиковым Осипом Богдановичем крестьян и бобылей нет.

№209. За Монаковым Антипом Саввичем двор бобыля Нефедьева Иллариона.

№210. За помещным казачьим есаулом за Давыдовым Фирсом Давыдовичем двор – бобыля Акулова Фирса.

№211. За М(К)алининым Никитой Артемовичем крестьян и бобылей нет.

№212. За Котеневым Петром Герасимовичем крестьян и бобылей нет.

№213. За Митрофановым Аристархом Максимовичем и за Митрофановым Кондратием Максимовичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 40 л.об по 41 л., №№ 206-213.

В списке владельцев поместий деревни за № 207 ранее упоминалось четыре брата, Иван «большой» и Иван «меньшой» упущены. Возможно, автор комментариев сам допустил ошибку в обозначении фамилии владельцев поместья за № 213, указав их Романовыми. Всего в поселении 10 владельцев поместий – 7 детей боярских, 2 недо-

росля и поместный казачий есаул. По дворовому числу: 7 жилых помещичьих двора и 2 двора бобылей.

Починок Монаков

№214. За Монаковым Ненашем Лукьяновичем крестьян и бобылей нет.

№215. За Монаковым Владимиром Герасимовичем, за Монаковым Марком Герасимовичем, и за Монаковым Сидором Герасимовичем крестьян и бобылей нет.

№216. За Симоновым Родионом Кондратьевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 41л. по 41 л.об., №№ 214-216.

Из прежнего списка отсутствует недоросль Монаков Иван Герасимович, а Родион Симонов ранее был указан владельцем помещного надела в пустоши поселения севернее починка Монаково. Всего в починке детей боярских 4 человека и 2 помещичьих двора.

Деревня Нижнее Атаманское

№217. За Горожанкиным Тихоном Дементиевичем крестьян и бобылей нет.

№218. За Устиновым Родионом Ивановичем двор бобыля Сергеева Василия и его сына Константина; двор бобыля Горяинова Семена Васильевича.

№219. За Рощупкиным Сысоем Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№220. За Тарасовым-Сониным Минаем Константиновичем крестьян и бобылей нет.

№221. За Кондауровым Степаном Даниловичем и за его половищиком Копаниным (Паниным) Жданом с сыном Давыдом крестьян и бобылей нет.

№222. За Ряполовым Тимофеем Романовичем крестьян и бобылей нет.

№223. За Захаровым Гаврилом Петровичем двор бобыля Афанасьева Никиты и его сына Ивана.

№224. За Устиновым Мартыном Назаровичем крестьян и бобылей нет.

№225. За Стрельниковым Венедихтом Яковлевичем двор бобыля Нефедьева Ивана.

№226. За Мишустиным Дорофеем Костантиновичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 41 л.об. по 43 л., №№ 217-226.

В поселении проживали «поместные станичные атаманы». Социальный статус этой группы служилых людей становится ясным из анализа их обозначения. Во-первых, они *поместные*, т.е. владеющие индивидуальным земельным наделом – помещьем и имеющие право на крестьян и бобылей. Во-вторых, они *станичные*, т.е. выполняющие определенный спектр государственной воинской службы – участие в разъездной станице. В-третьих, они *атаманы*, т.е. основные помощники руководителя станицы – станичного головы. Всего в поселении 11 владельцев поместных наделов – 10 атаманов и один атаманский половинщик с сыном; 10 атаманских и один помещичий двор. За станичными атаманами зафиксировано наличие 4-х бобыльских дворов, а в них 6 человек мужского пола.

Деревня Верхнее Атаманское

№227. За Вендиным Парфеном Сазоновичем двор крестьянина Петрова Филата.

№228. За Коробьиным Исаем Кондратьевичем двор крестьянина Вавилова Прокопия и двух его сыновей – Михаила и Игната.

№229. За Холтобиным Денисом Кузьмичем двор крестьянина Кузьмина Ивана.

№230. За Полупановым Михаилом Мартыновичем двор половинщика Мартынова Тимофея.

№231. За Горяиновым Семеном «большим» Васильевичем двор бобылей Михайлова Петра и Михайлова Давида.

№232. За Горожанкиным Григорием Киреевичем и за Горожанкиным Акимом Киреевичем крестьян и бобылей нет.

№233. За Брянчениным Перфирием Петровичем крестьян и бобылей нет.

№234. За Винниковым Свиридом Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№235. За Щениным Ерофеем Ивановичем (вместо брата Щенина Григория Ивановича) крестьян и бобылей нет.

№236. За Захаровым Федором Андросовичем двор крестьянина Азарова Прокопия.

В той же деревне сверх приправочных книг за помещиком.

№237. За Коробьиным Исаем крестьяне: двор Федорова Михаила; двор Горожанкина Данилы и его сына Тимофея; двор Степанова Евдокима.

Сведения о поселении в тексте с 43 л. по 44 л.об., №№ 227-237.

В данном поселении также проживали станичные атаманы. Однако их полный поместный оклад составлял 100 четвертей, тогда как у атаманов деревни Нижнее Атаманское земельный надел составлял 30 четвертей. В «Дозорной книге» 1615 года, в частности, говорится, что «в дачах по тридцати чети человеку, оклад им по сту чети человеку, и додавать им до окладу по семидесяти чети человеку»⁴⁰.

Всего в поселении 12 владельцев поместий – 10 атаманов, половинщик атамана и сын боярский, 10 атаманских дворов и 2 помещичьих двора. За атаманами зафиксировано 7 крестьянских дворов, а в них 10 человек мужского пола, а также двор бобыля и в нем два человека.

И всего в Чюфичевском стане двадцать четыре двора крестьянских, людей в них 50 человек, да тринадцать дворов бобыльских, людей в них шестнадцать человек.

Сведения о Чюфичевском стане в тексте с 30 л. об. по 44 л.об., №№ 130-237.

Всего в Чюфичевском стане 15 поселений: сел – 2, деревень – 8, починков – 5. По обобщенным сведениям переписей, в стане зафиксировано наличие 135 владельцев поместных наделов: детей боярских – 94 человека, недорослей – 15 человек, вдов – 3 человека, станичных атаманов и их половинщиков – 22 человека, а также поместный казачий есаул. В государственном реестре указаны 11 фамилий старожилов, а 70 человек получили поместные наделы своих отцов, дедов и иных прямых родственников.

По дворовому числу: помещичьих дворов – 77, дворов станичных атаманов – 20; крестьянских дворов – 22, в которых зарегистрировано 48 лиц мужского пола; бобыльских дворов – 11, а в них 14 человек; 3 двора священнослужителей – 2 священника и дьячок.

Стан Дубенский

Починок Ендовище-Сапрыкино

№238. За Тарарьевым Романом Афанасьевичем крестьян и бобылей нет.

№239. За Улыбышевым Евдокимом Степановичем крестьян и бобылей нет.

№240. За Дергилевым Прокофием Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№241. За Михиревым Никитой Дмитриевичем крестьян и бобылей нет.

№242. За Рудневым Иваном Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№243. За Галактионовым Федором Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№244. За Овсянниковым Ефимом Калиничем крестьян и бобылей нет.

(«Село Егорьевское, а Дубенское тож, а в нем за детьми боярскими»). Данная запись поселения писцами внесена ошибочно).

№245. За Маренковым Панкой Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№246. За Поповым Илларионом Тимофеевичем крестьян и бобылей нет.

№247. За Букиным Никитой Нефедовичем крестьян и бобылей нет.

№248. За Усачевым Василием Трофимовичем крестьян и бобылей нет.

№249. За Тимоновым Логином Селиверстовичем крестьян и бобылей нет.

№250. За Гольцовым Мануйлом Андреевичем крестьян и бобылей нет.

№251. За Бутенковым Максимом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№252. За Башкатовым Василием Варламовичем да за Башкатовым Иваном Варламовичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 45 л. по 46 л.об., №№ 238-252.

Поселение, по сути, состояло их двух починков. В нем зафиксировано 16 владельцев поместных наделов – 15 детей боярских и не-

доросль. Писцы не указали Попкова Исаяю Давыдовича, который значился в прежней переписи. В починке всего 7 помещичьих дворов, а остальные помещики владели жилыми дворами в других поселениях уезда.

Деревня Дурнева

№253. За Бредихиным Акимом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№254. За Дурневым Нифонтом Ивановичем и за Дурневым Григорием Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№255. За Ровенским Григорием Ефремовичем крестьян и бобылей нет.

№256. За Грязновым Аристархом Степановичем крестьян и бобылей нет.

№257. За Селиверстовым Максимом Тимофеевичем и за Селиверстовым Сазоном Ефимовичем крестьян и бобылей нет.

№258. За Митусовым Уваром Васильевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 46 л.об. по 47 л.об., №№ 253-258.

Всего в поселении 8 детей боярских, которые владели поместными наделами, но в деревне 6 жилых помещичьих дворов.

Деревня Губино - Улыбышево

№259. За Токмаковым Иваном Михайловичем крестьян и бобылей нет.

№260. За Тетеревым Леонтием Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

№261. За Улыбышевым Никифором Степановичем крестьян и бобылей нет.

№262. За Болтенковым Иваном Михайловичем крестьян и бобылей нет.

№263. За Горбатовым Иваном Афанасьевичем крестьян и бобылей нет.

№264. За Воротынцевым Тимофеем Михайловичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 47 л.об. по 48 л.об., №№ 259-264.

Всего в деревне 6 помещиков-детей боярских, 4 жилых помещичьих двора.

Село Успенское

В селе церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом во имя Стратотерпца Христова Георгия. По прежней переписи на церковной земле значился двор священника храма *Григорьева Трофима Михайловича* и его отца «вдовьего попа» *Григорьева Михаила*.

№265. За Артемовым Анисимом Калиновичем, за Артемовым Сергеем, Калиновичем и за Артемовым Никоном Калиновичем крестьян и бобылей нет.

№266. За Каракулиным Карпом Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№267. За Конаныхиным Мартыном Петровичем крестьян и бобылей нет.

№268. За Ледовских Иваном Богдановичем и за Ледовских Никифором Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№269. За Никифором же в Товолжанной поляне крестьян и бобылей нет.

№270. За Дергилевым Климом Яковлевичем и за Дергилевым Софоном Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

№271. За Ларионовым Григорием Алферовичем и за Ларионовым Минаем Алферовичем крестьян и бобылей нет.

№272. За Жиленковым Иваном Богдановичем и за его пасынком Михайловым Ильей Свиридовичем крестьян и бобылей нет.

№273. За Дашиным Никитой Макаровичем и за его племянником Дашиным Филатом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№274. За Дашиным Михаилом Алферовичем и за его племянниками Дашиным Родионом Алистратовичем, Дашиным Власом Алистратовичем, Дашиным Трофимом Алистратовичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 48 л.об. по 50 л.об., №№ 265-274.

Всего в селе Успенское 19 владельцев поместных наделов: детей боярских – 16 человек и 3 недоросля; помещичьих дворов – 15 единиц.

Деревня Малахово-Большая Поляна

№275. За Малаховым Пантелеем Ивановичем, за Малаховым Кузьмой Ивановичем, за Малаховым Семеном Ивановичем, за Малаховым Савелием Ивановичем и за их племянниками – за Малаховым Ерофеем Ивановичем и за Малаховым Самойлой Кирьяновичем крестьян и бобылей нет.

№276. За Малаховым Никифором Азаровичем и за Малаховым Севостьяном Азаровичем крестьян и бобылей нет.

№277. За Малаховым Алексеем (Карповичем), за Малаховым Никифором (Карповичем), за (Малаховым Акулом Карповичем) и за их племянником (Малаховым Иваном Мартыновичем) крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 50 л.об. по 51 л., №№ 275-277.

В данном поселении у Малаховых (№ 277) Алексея и Никифора писцами не указано отчество помещиков, не записан их брат Акул Карпович и племянник Иван Мартынович. Всего в деревне 5 детей боярских и 5 недорослей, 4 помещичьих двора.

Деревня Комаревцева

№278. За Логачевым Филиппом Фомичем двор крестьянина Фомина Тимофея, двор крестьянина Иванова Василия и двор крестьянина Иванова Филиппа.

№279. За Дурневым Львом Прокофьевичем крестьян и бобылей нет.

№280. За Корпачевым Лукьяном Тимофеевичем крестьян и бобылей нет.

№281. За Лукьяновым Алфером Терентьевичем двор бобыля Никитина Никиты.

№282. За Васютиным Тихоном Ивановичем двор бобыля Варкина Кузьмы.

№283. За Васютиным Кузьмой Смирновичем, за Васютиным Андреем Смирновичем и за Васютиным Яковом Смирновичем крестьян и бобылей нет.

№284. За Васютиным Михаилом Алферовичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 51 л.об. по 53 л., №№ 278-284.

Всего в поселении 5 детей боярских и 3 недоросля, помещичьих дворов 6, крестьянских дворов 3 и 2 бобыльских двора.

Деревня Коростово

№285. За *Моногаровым Наумом Кузьмичем* крестьян и бобылей нет.

№286. За *Клеменовым Прокофием Даниловичем* двор бобыля *Данилова Фатьяна*.

№287. За *Козюлькиным Степаном Никитичем* крестьян и бобылей нет.

№288. За *Телегиным Тимофеем Осиповичем* крестьян и бобылей нет.

№289. За вдовою *Анофриевой Анной* и за ее сыном *Анофриевым Яковом Наумовичем* крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 53 л. по 54 л., №№ 285-289.

Всего в деревне 4 сына боярских, вдова сына боярского и недоросль, а также 4 помещичьих двора и двор бобыля.

Починок Беляев

№290. За *Беляевым Иваном Киреевичем* крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 54 л. по 54 л. об., №290.

Всего в починке один сын боярский и за ним помещичий двор.

Починок Бекетов

№291. За *Логачевым Сафоном Фомичем* и за его племянниками за *Логачевым Самсоном Родионовичем* и за *Логачевым Степаном Родионовичем* крестьян и бобылей нет.

№292. За *Симоновым Родионом Кондратьевичем* крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 54 л. об. по 55 л., №№ 291-292.

Всего в починке 3 сына боярских и недоросль, а за ними числятся 2 помещичьих двора.

И всего в Дубенском стане три двора крестьянских, три двора бобыльских, а людей в них шесть человек.

Всего в Дубенском стане 9 населенных пунктов: село – 1, деревень – 5, починков – 3. Владельцев поместных наделов 80 человек, из которых 64 детей боярских, 14 недорослей и 2 вдовы. Из старых владельцев осталось только три человека, 41 житель являлся «наследником» своих дедов, отцов и иных прямых родственников. По дворовому числу: 49 помещичьих дворов, по три крестьянских и бобыльских двора, а также один церковный двор.

Стан Орлицкий

Село Яблоново

В селе церковь во имя Обновления Храма Воскресения Христова. По прежней переписи на церковной земле находился двор священника *Филиппова Саввы*, в котором проживали его дети – *Кирьян и Онофрий*

№293. За Лукьянчиковым Иваном Ермолаевичем крестьян и бобылей нет.

№294. За Злобиным Петром Савельевичем двор бобыля Максимова Ханки.

№295. За Коробиным Тимофеем Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

№296. За Гранкиным Степаном Никитичем крестьян и бобылей нет.

№297. За Кутиным Андреем Лаврентьевичем двор крестьянина Федорова Якова и его братьев Ефрема и Осипа.

№298. За Гвоздевым Матвеем Елисеевичем и за Елисеевым Константином Елисеевичем крестьян и бобылей нет.

№299. За Бредихиным Акимом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№300. За Клеменовым Прокофием Даниловичем крестьян и бобылей нет.

№301. За Улыбышевым Евдокимом Степановичем крестьян и бобылей нет.

№302. За Усачовым Василием Трофимовичем крестьян и бобылей нет.

- №303. За Креневым Галактионом Ермолаевичем крестьян и бобылей нет.
- №304. За вдовою Головиной Аграфеной крестьян и бобылей нет.
- №305. За сыном Лукьянчикова Федота Сергеевича Ефремом Федотычем крестьян и бобылей нет.
- №306. За Звегинцовым Томилом Анисимовичем крестьян и бобылей нет.
- №307. За Башкатовым Василием Варламовичем и за Башкатовым Иевом Варламовичем крестьян и бобылей нет.
- №308. За Воротынцевым Тимофеем Михайловичем крестьян и бобылей нет.
- №309. За Драниным Федором Лазоревичем сыном крестьян и бобылей нет.
- №310. За Головиным Ефтифеем Евтифеевичем двор бобыля Киреева Луки.
- №311. За Воротынцевым Мартыном Михайловичем крестьян и бобылей нет.
- №312. За Азаровым Осипом Герасимовичем и за Азаровым Григорием Герасимовичем крестьян и бобылей нет.
- №313. За Шехавцовым Архипом Федоровичем и за Шехавцовым Мелентием Федоровичем крестьян и бобылей нет.
- №314. За Шехавцовым Иваном Сысоиновичем и за Шехавцовым Власом Сысоиновичем крестьян и бобылей нет.
- №315. За Бредихиным Яковом Федоровичем крестьян и бобылей нет.
- №316. За Калининым Иваном Семеновичем и за Калининым Лукой Семеновичем крестьян и бобылей нет.
- №317. За Федяшевым Яковом Мартыновичем, за Федяшевым Селиваном Мартыновичем и за Федяшевым Филатом Мартыновичем крестьян и бобылей нет.
- №318. За Кирилловым Афанасием Юрьевичем крестьян и бобылей нет.
- №319. За Шехавцовым Абакумом Киприяновичем и за Афанасием Киприяновичем крестьян и бобылей нет.
- №320. За Бредихиным Иваном Тимофеевичем крестьян и бобылей нет.

№321. За Страховым Киприяном Михайловичем крестьян и бобылей нет.

№322. За Подымовым Илларионом Беляевичем крестьян и бобылей нет.

№323. За Стрельниковым Севастьяном Ивановичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 56 л. по 60 л., №№293-323.

В сравнении с прежней переписью, в поселении больших изменений не обнаружено. Вместо сына боярского Елисея Гвоздева помещьем владели его дети – Матвей и Константин (№298). По неизвестной причине в переписи пропущен один из братьев Шехавцовых – Савелий Сысоевич (№314). Всего в селе 38 владельцев поместных наделов: 34 сына боярских, 3 недоросля и вдова. Помещичьих дворов в поселении 29, один крестьянский двор, в нем числятся три человека мужского пола, а также один двор бобыля и двор священнослужителя – 2 человека мужского пола.

Деревня Сараева Поляна-Завалишино

№324. За Завалишиным Емельяном Сафоновичем, за Завалишиным Василием Сафоновичем и за Завалишиным Никитой Сафоновичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 60 л. по 60 л. об., №324.

В поселении три сына боярских и помещичий двор.

Починок Фатеев-Алпеев

№325. За вдовою Рагозиной Домной и ее детьми – за Рагозиным Иваном Григорьевичем, за Рагозиным Олфимом Григорьевичем и за Рагозиным Григорием Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№326. За Корпачевым Лукьяном Тимофеевичем крестьян и бобылей нет.

№327. За Воротынцевым Алексеем Ермолаевичем, за Воротынцевым Петром Ермолаевичем, за Воротынцевым Филимоном Ермолаевичем и за Воротынцевым Василием Ермолаевичем крестьян и бобылей нет.

№328. За вдовою Алтеевой Аксиной и за ее сыном за Алтеевым Петром Исаевичем крестьян и бобылей нет.

№329. За Сотниковым Ульяном Фатеевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 60 л. об. по 61 л. об., №№325-329.

Всего в поселении 12 владельцев поместных наделов: 8 детей боярских, 2 недоросля и две вдовы, а за ними в починке 5 помещичьих дворов.

Село Хмелевое

В селе церковь во имя Прасковей Нарекаемые Пятницы с приделом во имя Василия Кесарийского. По прежней переписи на поместной земле находился двор священника *Иванова Ивана*.

№330. За Шетининым Михаилом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№331. За Сотниковым Лукьяном Минаевичем крестьян и бобылей нет.

№332. За вдовою Овсянниковой Устиньей и за ее детьми – за Овсянниковым Семеном Мартыновичем, за Овсянниковым Федором Мартыновичем и за Овсянниковым Василием Мартыновичем крестьян и бобылей нет.

№333. За вдовою Овсянниковой Авдотьей и за ее детьми – за Овсянниковым Пимином Ивановичем, за Овсянниковым Самойлом Ивановичем и за Овсянниковым Григорием Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№334. За Овсянниковым Сергеем Осиповичем, за Овсянниковым Никифором Осиповичем и за Овсянниковым Иваном Осиповичем крестьян и бобылей нет.

№335. За Савенковым Иваном Митрофановичем и за Савенковым Михаилом Митрофановичем крестьян и бобылей нет.

[?]. За Евдокимовым Лукьяном Акуловичем крестьян и бобылей нет.

№336. За Рудневым Михаилом Ивановичем и за Рудневым Фомой Ивановичем двор бобыля Орлова Ивана и двор бобыля Данилова Ильи.

№337. За Жилиным Федором Агафоновичем двор бобыля Лазарева Федора.

№338. За Жилиным Семеном Азаровичем, за Жилиным Онофрием Азаровичем, за Жилиным Григорием Азаровичем и за Жилиным Фомой Азаровичем двор бобыля Максимова Емельяна.

№339. За Руднева Семеном Ивановым, за Рудневым Кондратием Семеновичем и за Рудневым Федором Семеновичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 61 л. об. по 63 л. об., №№ 330-339.

В селе Хмелевое по прежней переписи указан был помещик Щетинин Иван Григорьевич, а по переписи 1646 года поместьем владеет, вероятно, его сын Щетинин Михаил Иванович (№330). Вместе с сыном боярским Рудневым Семеном Ивановичем в реестр внесены его сыновья – Руднев Кондратий Семенович и Руднев Федор Семенович (№339). Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в селе зарегистрировано 25 владельцев поместных наделов: 14 детей боярских, 9 недорослей и 2 вдовы. По дворовому числу: 11 помещичьих дворов, 4 двора бобылей (4 человека) и один церковный двор (1 священник).

Деревня Волкова – Приезжая Поляна

№340. За Андреевым Иваном Истоминым крестьян и бобылей нет.

№341. За Андреевым Ананием племянником Ключанского Филиппа Пахомовича крестьян и бобылей нет.

№342. За Евдокимовым Григорием Игнатовичем крестьян и бобылей нет.

№343. За Свединым Онофрием Ивановичем и за Свединым Михаилом Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№344. За Евдокимовым Наумом Мокиечем крестьян и бобылей нет.

№345. За Панариным Лазарем Никифоровичем и за Андреевым Афанасием Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№346. За Звягинцевым Яковом Филипповичем крестьян и бобылей нет.

№347. За Евсюковым Василием Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

- №349. За Острецовым Михаилом Анисимовичем и за Острецовым Оверкеем Анисимовичем крестьян и бобылей нет.
- №350. За Мишиным Евсеем Ильичем крестьян и бобылей нет.
- №351. За Мишиным Алексеем Денисовичем крестьян и бобылей нет.
- №352. За Панариным Меркулом Семеновичем крестьян и бобылей нет.
- №353. За Елисеевым Харитоном Ивановичем крестьян и бобылей нет.
- №354. За Бабиным Иваном Саввичем крестьян и бобылей нет.
- №355. За вдовою Бабиной Ефимьей крестьян и бобылей нет.
- №356. За Евсюковым Юрием Даниловичем крестьян и бобылей нет.
- №357. За Сеченовым Андреем Михайловичем и за Сеченовым Фомой Михайловичем крестьян и бобылей нет.
- №358. За вдовою Чернцовой Федосьей крестьян и бобылей нет.
- №359. За Чернцовым Сергеем Ульяновичем крестьян и бобылей нет.
- №360. За Косиновым Яковом Ивановичем и за Косиновым Иваном Ивановичем крестьян и бобылей нет.
- №361. За Панариным Дорофеем Ивановичем и за Панариным Иваном Ивановичем крестьян и бобылей нет.
- №362. За Монаенковым Максимом Нероновичем крестьян и бобылей нет.
- №363. За Сапрыкиным Лукьяном Афанасьевичем крестьян нет.
- №364. За Гладковым Федором Аксеновичем крестьян нет.
- №365. За Коротковым Иваном Ивановичем крестьян и бобылей нет.
- №366. За Есиповым Артамоном Никоновичем крестьян и бобылей нет.
- №367. За Шаколовым Лавром Никифоровичем крестьян и бобылей нет.
- №368. За Звягинцевым Исаем Ивановичем и за Звягинцевым Сидором Ивановичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 63 л. об. по 67 л., №№ 340-368.

Вместо сына боярского Ключниковова (Ключанского) Филиппа Пахомовича в переписи владельцем поместья указан его племянник Андреев Ананий (№341). Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в деревне 39 владельцев поместных наделов: 32 сына боярских, 2 недоросля и 2 вдовы; помещичьих дворов – 26 единиц.

Деревня Огибная Поляна

- №369. За Ворониным Афанасием Никитичем крестьян и бобылей нет.
- №370. За Дурневым Михаилом Степановичем крестьян и бобылей нет.
- №371. За Травкиным Никифором Устиновичем крестьян и бобылей нет.
- №372. За Дробышевым Илларионом Ивановичем и за Дробышевым Иваном Гордеевичем крестьян и бобылей нет.
- №373. За Копниным Яковом Максимовичем крестьян и бобылей нет.
- №374. За Угольевым Яковом Парфеновичем крестьян и бобылей нет.
- №375. За Евсюковым Патрикеем Павловичем крестьян и бобылей нет.
- №376. За Абакумовым Мартыном Азаровичем крестьян и бобылей нет.
- №377. За Евсюковым Неустроем Даниловичем крестьян и бобылей нет.
- №378. За Сальковым Сергеем Матвеевичем крестьян и бобылей нет.
- №379. За Харитоновым Андреем Максимовичем крестьян и бобылей нет.
- №380. За Селиверстовым Харитоном Максимовичем крестьян и бобылей нет.
- №381. За Елисеевым Григорием Олифановичем крестьян и бобылей нет.
- №382. За Усачовым Иваном Ильичем крестьян и бобылей нет.
- №383. За Дробышевым Михаилом Ивановичем крестьян и бобылей нет.
- №384. За Климовым Степаном Михайловичем крестьян и бобылей нет.
- №385. За Серкиным Степаном Григорьевичем крестьян и бобылей нет.
- №386. За Малаховым Исаем Семеновичем, за Малаховым Астахом Семеновичем, Малаховым Логином Семеновичем, и за Малаховым Титом Семеновичем крестьян и бобылей нет.
- №387. За Алпеевым Лазарем Агафоновичем крестьян и бобылей нет.
- Сведения о поселении в тексте с 67л. об. по 69 л. об., №№ 369-387.

Всего в поселении 23 владельца поместных наделов, из которых 21 сын боярский и 2 недоросля, а за ними в деревне числятся 19 помещичьих дворов.

Деревня Копцова

№388. За Кузьминым Федором Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№389. За Зиновьевым Родионом Ивановичем и за Зиновьевым Сидором Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№390. За Елисеевым Василием Назаровичем крестьян и бобылей нет.

№391. За Зиновьевым Евтифием Игнатовичем, за Зиновьевым Ермолаем Игнатовичем и за Зиновьевым Константином Игнатовичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 70 л. по 70 л. об., №№ 388-391.

По невыясненной причине в списке владельцев поместья, ранее принадлежавшего отцу братьев Зиновьевых Ивану, переписчики не указали старшего – Зиновьева Алексея Ивановича. Вероятно, в поселении всего 3 сына боярских и 4 недоросля, а за ними в деревне числится 4 помещичьих двора.

Деревня Верхняя Ольшаница

№392. За Андреевым Нифонтом Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

№393. За Шатским Федором Тихоновичем и за его племянниками – за Шатским Яковом Нестеровичем, Шатским Матвеем Нестеровичем, за Шатским Осипом Нестеровичем, за Шатским Андреем Нестеровичем и за Шатским Дмитрием Нестеровыми крестьян и бобылей нет.

№394. За Некрасовым Саввой Макаровичем крестьян и бобылей нет.

№395. За Шахов (Шеховцовым) Прокопием Васильевичем и за Шаховым (Шеховцовым) Аксеном Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№396. За Некрасовым Василием Сидоровичем крестьян и бобылей нет.

№397. За Захаровым Романом Ильичем и за Захаровым Иваном Ильичем крестьян и бобылей нет.

№398. За Захаровым Семеном Федоровичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 70 л. об. по 71 л. об., №№ 392-398.

При сравнении материалов «Переписной» и «Писцовой» книг было обнаружено, что переписчики не указали невестку Ф.Т. Шатского Авдотью (№393), а Шеховцовых записали Шаховыми (№395). Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в деревне 14 владельцев поместных наделов – 10 детей боярских и 4 недоросля, за ними 7 помещичьих дворов.

Починок Подымов

№399. За Овсянниковым Андреем Силычем крестьян и бобылей нет.

№400. За Меньшиковым Федором Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№401. За вдовой Хромцовой Авдотьей и за ее детьми – за Хромцовым Степаном Алексеевичем и за Хромцовым Василием Алексеевичем крестьян и бобылей нет.

№402. За Курбатовым Понкратом Харламовичем, за Курбатовым Севостьяном Харламовичем и за Курбатовым Василием Харламовичем крестьян и бобылей нет.

№403. За Полянским Тимофеем Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№404. За Сапелкиным Парфеном Андреевичем крестьян и бобылей нет.

№405. За Еремеевым Федором Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 72 л. по 73 л., №№ 399-405.

За вдовой Авдотьей Хромцовой переписчики зарегистрировали еще одного ее сына – Василия (№401). Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в починке 11 владельцев поместных наделов – 8 детей боярских, 2 недоросля и вдова, а за ними 7 помещичьих дворов.

Деревня Нижняя Ольшаница

№406. За вдовою Хорошевой Аксиньей и за ее детьми – за Хорошевым Фирсом Андреевичем, за Хорошевым Иваном Андреевичем, и за Хорошевым Мелентием Андреевичем крестьян и бобылей нет.

№407. За Бородиным Ефимом Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№408. За Монаковым Иваном Родионовичем крестьян и бобылей нет.

№409. За Грязновым (Грязных) Игнатом Максимовичем, за Грязновым (Грязных) Иваном Максимовичем, и за Грязновым (Грязных) Матвеем Максимовичем крестьян и бобылей нет.

№410. За Базаровым Осипом Матвеевичем крестьян и бобылей нет.

№411. За Захаровым Григорием Ивановичем и за Захаровым Кузьмой Ивановичем крестьян и бобылей нет.

№412. За Евдокимовым Григорием Лазаревичем крестьян и бобылей нет.

№413. За Некрасовым Лазарем Дмитриевичем и за Некрасовым Игнатом Дмитриевичем двор бобыля Лазарева Федора.

№414. За вдовой Долженковой Феклой и за ее детьми – за Долженковым Леонтием Леонтиевичем, за Долженковым Мелентием Леонтиевичем, за Долженковым Андреем Леонтиевичем, за Долженковым Григорием Леонтиевичем и за Долженковым Иваном Леонтиевичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 73 л. по 75 л., №№ 406-414.

В документе переписчиками не указаны дети Долженковой Феклы, вдовы Долженкова Леонтия Константиновича – Сафон, Наум и один из Иванов (№414). Иных изменений в поселении не обнаружено. Всего в деревне 21 владелец поместных наделов – 17 детей боярских, 2 недоросля и 2 вдовы, а за ними 10 помещичьих дворов и двор бобыля (1 человек).

Починок Терновой

№415. За Алистратовым Калиною Сазоновичем крестьян и бобылей нет.

№416. За Игнатовым Никитой Григорьевичем крестьян и бобылей нет.

№417. За Долженковым Моисеем Константиновичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 75 л. по 75 л. об., №№ 415-417.
Всего в починке Терновом: помещиков детей боярских 3 человека и 3 помещичьих жилых двора.

Починок Мокрищев

№418. За Симоновым Афанасием Никитичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 75 л. об. по 76 л., №418.

Всего в починке один сын боярский и помещичий двор.

И всего в Орлицком стане один крестьянский двор и семь дворов бобылей, а людей в них 10 человек.

Всего в Орлицком стане отмечено 12 населенных пунктов: 2 села, 6 деревень и 4 починка. Владельцев поместных наделов в поселениях 193 человека: 153 сына боярских, 30 недорослей и 10 вдов. Следует отметить, что 124 владельца получили свои наделы «по наследству», всего 9 человек владели поместьями со времени первого «дозора», 60 человек получили поместные наделы выбывших владельцев или пустующих земель. Жилых дворов в стане 129 единиц: 122 помещичьих, один крестьянский двор (три человека мужского пола), 7 дворов бобылей (семь человек мужского пола) и 2 двора священнослужителей (три человека).

Монастырские крестьяне и бобыли

№ 419. За Троицким – Тюляфтина пустынь монастырем:

Двор бобыля Кузового Дементий Арефьевича и трех его сыновей – Кузового Игната Дементиевича, Кузового Василия Дементиевича и Кузового Федора Дементиевича.

Двор бобыля Тарарьева Афанасия Анкудиновича, его брата Тарарьева Прокопия Анкудиновича, сына Тарарьева Клина Прокопьевича и племянника Филиппова Давыда.

Двор бобыля Хомутникова Ермолая Кондратьевича, его братьев – Хомутникова Никиты Кондратьевича и Хомутникова Саввы Кон-

дратьевича, а также его сыновей – Хомутникова Фатьяна Ермолаевича, Хомутникова Кузьмы Ермолаевича и Хомутникова Михаила Ермолаевича.

Двор бобыля Шевелева Евтифия Тимофеевича и его зятя Евсеева Фомы.

Двор бобылей Серых Ивана Васильевича и Серых Василия Васильевича.

Двор бобыля Сулатова Кузьмы Григорьевича.

Двор бобыля Шебышев Ульяна Ивановича сын, его брата Шебышева Артема (Артамона) Ивановича и сына Шебышева Максима Ульяновича.

Двор бобыля Фиришина Измаила Сидоровича и двух его сыновей – Фиришина Василия Измаиловича и Фиришина Исаия Измаиловича.

Двор бобыля Суекшина Григория Алексеевича.

Двор пустой Иванова Григория, взятого в плен.

Двор вдовы бобыля Давыдовой Федоры и ее сына Давыдова Никифора.

Двор бобыля Дворяшина Фрола Павловича и его сыновей – Дворяшина Власа Фроловича и Дворяшина Фирса Фроловича.

Двор бобыля Евсеева Парфена, сына Евсеева Василия Парфеновича и четырех пасынков – Саввы, Семена, Михаила и Карпа.

Двор бобыля Шевердя Григория Петровича и его сыновей – Шевердя Василия Григорьевича и Шевердя Фатьяна Григорьевича.

Двор пустой умершего Филиппова Никиты.

Двор бобыля Початкова Карпа Мартыновича и трех его сыновей – Початкова Архипа Карповича, Початкова Мамона Карповича и Початкова Никиты Карповича.

Двор пустой умершего Ивана Лучника.

Двор бобыля Масленникова Петра Пиминовича и его сына Масленникова Михаила Петровича.

Двор бобыля Яковлев Анисима и его сыновей – Яковлева Петра Анисимовича и Яковлева Тимофея Анисимовича.

Двор бобыля Рыжых Федора Федоровича и его сыновей – Рыжих Максима Федоровича и Рыжих Ивана Федоровича.

Двор вдовы бобыля Аксиньи и ее сына Петра.

Двор крестьянина Сапожникова Степана Никитича и трех его сыновей – Сапожникова Демьяна Степановича, Сапожникова Анд-

рея Степановича и Сапожникова Дмитрия Степановича, а также зятя Токмачева Андрея Ермоловича.

Двор бобыля Матвеева Анофрия, его брата Матвеева Агафона и сына Матвеева Тимофея Анофриевича.

И всего за Троицким монастырем один крестьянский двор, девятнадцать дворов бобылей и три пустых двора. Всего дворохозяев и членов их семей – пятьдесят два человека и две вдовы.

*№420 Холковский Николаевский монастырь,
а за игуменом Лаврентием с монахами дворы бобылей:*

Двор бобыля Ермолая.

Двор бобыля Афанасия.

Двор бобыля Иванова Семена, его сына Иванова Тихона Семеновича и зятя Карпова Алексея.

И всего три двора бобыльских, а в них пять человек мужского пола.

Сведения о монастырских крестьянах и бобылях в тексте с 76 л. об. по 81 л., №№ 419-420.

Если сравнивать с материалами переписи 1643 года, то расхождения довольно значительные. По прежней переписи за Троицким монастырем значилось 3 двора «монастырских детенышей» и 2 двора бобылей. В «Переписной книге» 1646 года писцы отметили 19 дворов бобылей и один крестьянский двор. Монастырские детеныши Тарарьевы зарегистрированы бобылями, как и их племянники Хомутниковы. Бобылями записаны братья Серых и Чебышев. Племянник монастырских кожевников Никиты и Архипа Дементий по прозвищу «Кузовок» теперь именуется Кузовым, владеет бобыльским двором и имеет трех сыновей. Всего монастырских бобыльских и крестьянских дворов 20 единиц: один крестьянский двор, а в нем пять человек мужского пола и 19 дворов бобылей, в которых зафиксировано 53 человека мужского пола и 2 вдовы.

За Холковским Николаевским монастырем значатся три двора бобылей, а в них пять человек мужского пола. Однако также не зарегистрированы монастырские детеныши и почти полное несоответствие имен и фамилий бобылей.

Всего на Осколе: 27 посадских дворов, а людей в них 64 человека; 9 дворов, живущих на посаде, вольных людей (16 человек); 14 дворов крестьян и бобылей городских священнослужителей (41 человек).

В уезде за помещиками и монастырями: 36 крестьянских дворов и 63 двора бобылей, а в них 83 человека.

Итого на Осколе, на посаде и в уезде 139 дворов крестьян и бобылей, а в них 308 человек.

Итоговые сведения в тексте с 81 л. по 81 л. об.

За монастырскими, городскими, и уездными священнослужителями по нашим расчетам зафиксировано 14 крестьянских дворов, а в них 44 человека мужского пола и 24 двора бобылей – 60 человек мужского пола и 3 вдовы. Всего за священнослужителями 38 дворов крестьян и бобылей, а в них 104 человека мужского пола и 3 вдовы.

За владельцами поместных наделов в пригородных слободах и поселениях уезда отмечено 33 крестьянских двора, а в них 76 человек мужского пола и вдова, а также 28 дворов бобылей – 33 человека мужского пола. Всего владельческих крестьянских и бобыльских дворов 61, в них 109 человек мужского пола и вдова.

Учитывая, что в новую систему налогообложения по дворам включались посадские люди, общий итог по городу, посаду и уезду составил 134 двора, в которых 295 человек мужского пола и 5 вдов. Небольшое несоответствие цифр, вероятно, связано с тем, что в итог не включены 8 дворников, также следует учесть небольшие ошибки писцов, о которых упоминалось ранее.

Поселения на Холани

По указу царя Михаила Федоровича от 3 апреля 1644 года, посланного из Поместного приказа за подписью дьяка Строева Андрея, поместные наделы и поселения по речке Холань были отписаны к Яблоновскому уезду. Но в «Переписной книге» 1646 года поселения по-прежнему фигурируют. Также продолжается последовательная нумерация владельцев поместных наделов. Однако переписчики отнесли к именованию данных владельцев довольно небрежно. Вероятно, их более интересовало наличие крестьянских и бобыльских дворов.

Село Холань

В селе храм во имя Александрийских Чудотворцев Афанасия и Кирилла. По данным 1643 года, в поселении располагался двор священника Федорова Филиппа.

№421. За Жилиным Астафием Исаевичем, за Жилиным Петром Исаевичем и за Жилиным Акимом Исаевичем крестьян и бобылей нет.

№422. За Збитневым Василием Игнатъевичем, за Збитневым Иваном Игнатъевичем и за Збитневым Мартыном Игнатъевичем крестьян и бобылей нет.

№423. За Тимоновым Никитой Федоровичем крестьян и бобылей нет.

№424. За Севостьяновым Максимом Кузьмичем крестьян и бобылей нет.

№425. За вдовою Наталиной-Збитневой Марией крестьян и бобылей нет.

№426. За Домановым Никитой (Никифором) Игнатовичем с племянниками Домановым Иваном с братьями крестьян и бобылей нет.

№? За Жилиным Гаврилом Максимовичем крестьян и бобылей нет.

№427. За Скуратовым Лукой Васильевичем и за его внуками – за Скуратовым Филиппом Михайловичем и за Скуратовым Сергеем Михайловичем крестьян и бобылей нет.

№428. За Головиным Киреем Фроловичем крестьян и бобылей нет.

№429. За Юшиным Михаилом Васильевичем и Юшиным Елизаром (по прозвищу «Кручинка») Васильевичем крестьян и бобылей нет.

№430. За Архиповым Евсеем Осиповичем крестьян и бобылей нет.

№431. За Збитневым Игнатом Михайловичем и за Збитневым Иудой Михайловичем крестьян и бобылей нет.

№432. За Лошаковым (Лощеным) Иваном Семеновичем и за Лошаковым (Лощеным) Тимофеем Семеновичем крестьян и бобылей нет.

№433. За Лощеным Милентием Сафоновичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 81 л. об. по 83 л. об., №№ 421-433.

В переписи 1643 года поместным наделом владел Тимонов Дмитрий Федорович, а в переписи 1646 года – Тимонов Никита Федоро-

вич (№ 423). За Натальиной-Збитневой Марией (№ 425), вдовой Натальина-Збитнева Якова Севостьяновича, в переписи 1643 года были указаны ее сыновья – Алексей, Иван и Ефрем. Не указан в «Переписной книге» владелец поместья Сизов Дмитрий Игнатович. С владельцами поместных наделов Домановыми (№ 426) много неясностей. В переписи 1643 года Доманов Никифор Игнатович записан десятилетним недорослем, как и его братья – четырехлетний Константин и трехлетний Дмитрий. Они-то и являлись племянниками Доманова Ивана Тимофеевича с братьями Евтифием, Андреем и Мартыном. Не указан номер владельца Жилина Гаврилы Максимовича, который в переписи 1643 года указан как Максим Гаврилович.

Поместными земельными наделами по переписи 1643 года наделены были Натальяина Матрена, вдова Натальяина Михаила, ее сын Натальяин Иуда Михайлович, пасынок Натальяин Игнат Михайлович и племянник Иуды и Игната Натальяиных Илья Феактистович. Кроме того, земельные наделы зарегистрированы в селе Короваеве-Геросим Окологородного стана, в деревне Прилепы на р. Холони и поляне Портни. По данным переписей 1615 и 1627 годов, поместные наделы числились за Натальяиным Иваном Яковлевичем, Натальяиным Дмитрием Ивановичем, Збитневым Михаилом и Натальяиным Михаилом. В «Переписной книге» 1646 года указаны владельцами Збитнев Игнат Михайлович и Збитнев Иуда Михайлович (№ 431). Такое переплетение родственных связей определяется, вероятно, двойной фамилией детей боярских – Натальяины-Збинева. Иных изменений в поселении не обнаружено.

Всего в селе зарегистрировано писцами 27 владельцев поместных наделов: вероятно, 22 сына боярских, 4 недоросля и вдова, а за ними 21 помещичий двор.

Деревня Ковыльная

№434. За Андреевым Иваном Савельевичем крестьян и бобылей нет.

№435. За оскольским помещиком за Лукьяновым Олфером Терентьевичем крестьян и бобылей нет.

№436. За Корпачевым Лукой крестьян и бобылей нет.

№437. За Дряхлым (Дряхлых) Антоном (Селивановичем) с племянником с Вавиловым Иваном крестьян и бобылей нет.

№438. За Анненковым Григорием (Исаевичем) крестьян и бобылей нет.

№439. За Паниным Саввой (Савелием Васильевичем) крестьян и бобылей нет.

№440. За Гнездиловым Иваном Анофриевичем крестьян и бобылей нет.

№441. За Косовым Антоном Ферапонтовым крестьян и бобылей нет. №442. За Толмачевым Степаном Яковлевичем крестьян и бобылей нет.

№443. За Селиным Василием Меркуловичем крестьян и бобылей нет.

№444. За Пахомовым Тимофеем Никитичем крестьян и бобылей нет.

№445.

Сведения о поселении в тексте с 83 л. об. по 85 л., №№ 434-445.

В сравнении с прежней переписью, в поселении отмечены некоторые изменения. Ранее не был зафиксирован помещик Корпачев Лука (Лукьян) №436, но в тексте сын боярский Корпачев Лукьян Тимофеевич встречается дважды: в деревне Комаревцево Дубенского стана за № 280 и в починке Фатеев-Алпеев Орлицкого стана за №326. В переписи 1643 года он значился холанским помещиком, имел помещичий двор в починке Фатеев и поместные наделы в трех населенных пунктах, в частности земельный надел из поместья своего отца Корпачева Тимофея Агафоновича в деревне Ковыльной.

У помещика Дряхлых (№437) в прежней переписи были указаны два племянника – Дряхлых Олфер Григорьевич и Дряхлых Кондратий Григорьевич, а ныне – Вавилов Иван.

Переписчики не указали поместных владельцев – недоросля Баландина Данилу Ивановича и сына боярского Пахомова Петра Никитовича, а также пропущена фамилия владельца поместья за № 445.

Всего в поселении 12 владельцев поместных наделов – 11 человек детей боярских и, вероятно, один недоросль. За ними в деревне 10 помещичьих дворов.

Деревня Прилепы

- №446. За Монаковым Яковом Семеновичем крестьян и бобылей нет.
№447. За Зябреевым Иудой Михайловичем крестьян и бобылей нет.
№448. За Пилюгиным Киреем Ефимовичем крестьян и бобылей нет.
№449. За Масалытиновым Иваном Федоровичем крестьян и бобылей нет.
№450. За Курцовым Петром Ивановичем крестьян и бобылей нет.
№451. За Найденовым Третьяком Андреевичем крестьян и бобылей нет.
№452. За Кирилловым Игнатом Даниловичем крестьян и бобылей нет.
№453. За Старосельцевым Фатьяном Васильевичем крестьян и бобылей нет.
№454. За Гревцовым Яковом Гурьевичем крестьян и бобылей нет.
№455. За Захаровым Михаилом Максимовичем крестьян и бобылей нет.
№456. За Гревцовым Изотом Григорьевичем крестьян и бобылей нет.
№457. За Архиповым Филимоном Осиповичем крестьян и бобылей нет.
№458. За Гуциным Максимом Родионовичем крестьян и бобылей нет.
№459. За Троякуровым Федором Нестеровичем и за Сизым Иваном Осиповичем крестьян и бобылей нет.
№460. За Трубицыным Кирьяном Семеновичем крестьян и бобылей нет.
№461. За Шеховцовым Евтифием Пахомовичем крестьян и бобылей нет.
№462. За Шелевым Федором Фомичем крестьян и бобылей нет.

Сведения о поселении в тексте с 85 л. по 87 л. об., №№ 446-462.

В тексте особых изменений не обнаружено. Надо отметить, что писцы не утруждали себя написанием отчеств владельцев поместных наделов, поэтому в комментариях они были воссозданы согласно переписи 1643 года и по сведениям иных архивных документов. Кроме того, переписчики не указали братьев Гревцова Изота Григорьевича (№456) – Панкрата, Карпа и Еремея, братьев Сизова Ивана Осипови-

ча (№459) – Самойла, Иллариона и Емельяна, а также сына боярского Селютина Ивана Федоровича.

Всего в поселении писцами зафиксировано 18 владельцев поместных наделов – 17 детей боярских и недоросль, а также 18 помещичьих дворов.

Итого в документе указано три поселения по речке Холань, которые были отписаны к Яблоновскому уезду – село и 2 деревни. В них 57 владельцев поместных наделов – 50 детей боярских, 6 недорослей и вдова. По дворовому числу – 49 помещичьих дворов и двор священнослужителя. Из 57 владельцев поместных наделов 35 человек получили наделы из земель дедов, отцов и иных родственников, 10 человек владели поместьями со времени основания поселений.

По указу царя Алексея Михайловича до сентября 1646 года думный дьяк Елизаров Федор сверил материалы о крестьянах и бобылях по Оскольским книгам, и данные с подлинником и существующем в приказе перечнем сошлись. «Справил» Ушаков Тихон.

Запись о сверке в тексте – 87 л. об.-88 л. об.

16 декабря 1646 года по указу царя Алексея Михайловича писец Бобарыкин Афанасий Федорович и подьячий Гаврилов Иван провели досмотр наличия дворов крестьян и бобылей и иных слоев податного населения на владельческих, церковных и монастырских землях, с целью выявления таковых сверх прежних сведений, поданных владельцами. Кроме того, выявлялись сведения о наличии дворов родственников и иных категорий населения на землях владельцев поместий, а также вновь верстанных детей боярских.

Запись о досмотре в тексте – 89 л. -90 л.

№463. За Холковским Никольским монастырем выявлено:

Двор крестьянина Аксентьева Лукьяна и четырех его сыновей – Аксентьева Игната Минаевича, Аксентьева Юшки Минаевича, Аксентьева Дмитрия Минаевича и Аксентьева Ивана Минаевича.

Двор крестьянина Герасимова Михаила и двух его сыновей – Герасимова Свирида Михайловича и Герасимова Григория Михайловича.

Двор крестьянина Мартынова Дмитрия, его сына Мартынова Анкудина Дмитриевича и брата Мартынова Сергея.

Двор крестьянина Петрова Дружины и четырех его сыновей – Петрова Михаила Дружиновича, Петрова Ефрема Дружиновича, Петрова Панки Дружиновича и Петрова Иева Дружиновича.

Двор крестьянина Никитина Ивана и его брата Никитина Семена.

Двор крестьянина Лоценого Сидора Петровича и двух его сыновей – Лоценого Дмитрия Сидоровича и Лоценого Василия Сидоровича.

Двор крестьянина Ермолина Афанасия.

Двор крестьянина Игнатова Ивана и двух его сыновей – Игнатова Григория Ивановича и Игнатова Агапа Ивановича.

Двор крестьянина Кондратьева Иллариона и двух его братьев – Кондратьева Степана и Кондратьева Гурьяна.

Двор крестьянин Лукьянова Семена, двух его сыновей – Лукьянова Тихона Семеновича, Лукьянова Марка Семеновича и зятя Первого Алексея.

Двор крестьянина Шабышева Луньки Федоровича и его сына Шабышева Карпа.

Двор крестьянина Шемякина Ивана Петровича.

Двор крестьянина Федорова Ивана, его сына Федорова Акима Ивановича, внука Федорова Терентия Акимовича и зятя Васильева Андрея.

Двор крестьянина Ключанского Ивана Никитича и двух его сыновей – Ключанского Григория Ивановича и Ключанского Демьяна Ивановича.

Двор крестьянина Анпилогова Андрея Петровича и его сына Анпилогова Ивана Андреевича.

Двор крестьянина Федорова Федора и трех его сыновей – Федорова Понкрата Федоровича, Федорова Сергея Федоровича и Федорова Григория Федоровича.

Двор крестьянина Овчинникова Прокопия Зиновьевича и двух его сыновей – Овчинникова Прокопия Прокопьевича и Овчинникова Никиты Прокопьевича.

Двор бобыля Журавлева Алексея Андреевича.

Двор крестьянина Гарасимова Ивана и его брата Герасимова Трофима.

Двор крестьянина Швец Леонтия Юрьевича и его сына Швец Семена Леонтьевича.

Двор вдовы крестьянина Семеновой Акулины и ее сына Семенова Ульяна.

Двор крестьянина Иванова Ивана и его сына Иванова Афанасия Ивановича.

Двор крестьянина Артемьева Ермолая.

Двор крестьянина Терентьева Леонтия и его брата Терентия Дмитрия.

Двор крестьянина Иванова Алексея.

Двор бобыля Кондратьева Бориса.

№464. В селе Хмелевом Орлицкого стана за сыном боярским за Щетининым Иваном Григорьевичем двор бобыля Федорова Мартына; за (Евдокимовым) Лукьяном Акуловичем двор бобыля Иванова Василия и двух его сыновей – Иванова Антипа Васильевича и Иванова Степана Антиповича.

№465. В деревне Яблоновой (село Яблоновое Орлицкого стана) за Страховым Куприяном Михайловичем двор Авдотьи вдовы бобыля и трех ее сыновей – Василия, Филиппа и Митрофана.

№466. В Дубенском стане в деревне Дурневой за Дурневым Нифонтом Ивановичем и за Дурневым Григорием Ивановичем двор брата Дурнева Никиты; за Грязных Аристархом Степановичем двор бобыля Богданова Перши, который поселился после переписи 1643 года.

№467. В починке Бекетово Дубенского стана за Логачевым Сафоновом Фомичем двор бобыля Сапронова Антипа, который поселился после переписи 1643 года.

№468. В деревне Волоконской поляне (починок Бекетов) Дубенского стана за Симоновым Родионом Кондратьевичем двор крестьянина Антонова Степана и двух его сыновей – Еремея и Михаила.

№469. В деревне Долгой поляне Чуфичевского стана за Прокудиным Иваном Михайловичем двор крестьянина Смыгунова Григория и трех его сыновей – Игната, Терентия и Леонтия; двор крестьянина Афанасьева Дмитрия и двух его сыновей – Василия и Абакума.

№470. В деревне Долгой поляне Чуфичевского стана за Монаковым Антоном (Антипом) Саввовичем двор бобыля Деева Ильи и его брата Деева Ивана.

№471. В деревне Долгой поляне Чуфичевского стана за Котеневым Петром Герасимовичем двор крестьянина Артемьев Афанасия и двух его сыновей – Панкрата и Смирного; двор крестьянина Никитина Никиты и его брата Никитина Никифора.

№472. В деревне Великом Перевозе Чуфичевского стана за Стрельниковым Степаном Игнатовичем двор крестьянина Наумова Константина; двор крестьянина Григорьев Мирона.

№473. В деревне Великом Перевозе Чуфичевского стана за Юриним-Куколовым Родионом Семеновичем двор бобыля Богданова Федора.

№474. В деревне Великом Перевозе Чуфичевского стана за вдовой Андреевой Фетиньей двор бобыля Осипова Кирияна.

№475. В деревне Нижнее Чуфичево Чуфичевского стана за Григоровым Никитой Прокофьевичем двор бобыля Болдыря Осипа Семеновича.

№476. В починке Сапрыкине Чуфичевского стана за Сапрыкиным Анцифером Ивановичем двор бобыля Семенова Иллариона, который поселился после переписи 1643 года.

№477. В деревне Сорокине Ублинского стана за Левыкиным Иваном Яковлевичем двор бобыля Решетника Федота.

№478. В деревне Вислой (починок Подвислый) Ублинского стана за Татарченковым Никифором Никитовичем двор бобыля Сергеева Ивана.

И всего в Оскольском уезде за помещики за детьми боярскими сыскано сверх их прежних сказок: семь дворов крестьянских, а людей в них семнадцать человек, девять дворов бобыльских, а людей в них семнадцать человек, три двора бобылей поселились после прежнего письма.

За Никольским монастырем Холковой пустыни сыскано сверх их прежней сказки двадцать четыре двора крестьянских и два двора бобылей, а людей в них шестьдесят четыре человека.

Сведения о досмотре крестьянских и бобыльских дворов в тексте
с 90 л. по 96 л. об., №№ 463-478.

За Холковским Никольским монастырем по записи действительно зафиксировано наличие 24-х крестьянских дворов, в них 61 человек мужского пола (23 крестьянина, 28 их сыновей, 6 братьев, 2 внука и 2 зятя) и одна вдова крестьянина, а также 2 двора бобылей (2 человека м.п.).

В четырех станах уезда, в 15 поселениях (2 селах, 11 деревнях и 2 починках) у 17 владельцев поместий (одна вдова) выявлено 19 дворов владельческих крестьян и бобылей: 7 дворов крестьян и в них 17 человек мужского пола, а также 12 дворов бобылей – 17 человек мужского пола и вдова. Трудно определить, к какой категории отнести брата двух владельцев поместных наделов (№ 466).

Всего выявлено 45 монастырских и владельческих дворов крестьян и бобылей – 31 крестьянский двор и в них 64 человека (одна вдова), а также 14 дворов бобылей, а в них 20 человек (одна вдова).

В Оскольском уезде за детьми боярскими живут на их землях дядя, братья, племянники, сами и дети их.

№? В селе Верхнее Чуфичево Чуфичевского стана за Толмачевым Андреем Григорьевичем двор его сына Толмачева Дмитрия Андреевича; за Золотых Акимом Захаровичем двор его брата Золотых Сергея Захаровича.

№479. В деревне (Дурнева) Дубенского стана за Ровенским Григорием Ефремовичем два двора его детей – Ровенского Сергея Григорьевича и Ровенского Анисима Григорьевича.

№480. В селе Успенском Дубенского стана за Ледовским Иваном Богдановичем и за Ледовским Никифором Федоровичем дворы их племянников – Ледовского Якова Петровича и Ледовского Моисея Петровича.

№481. В селе Успенском Дубенского стана за Ларионовым Григорием Алферовичем и Ларионовым Дмитрием Алферовичем двор их дяди Ларионова Федора Даниловича.

№482. В селе Успенском Дубенского стана за Дашиным Никитой Марковичем и его племянником Дашиным Федором Ивановичем двор другого племянника Никиты – Дашина Сидора Семеновича.

№483. В деревне Малаховой Дубенского стана за Малаховым Алексеем Карповичем двор брата его Малахова Никифора Карповича.

№484. В деревне Комаревцево Дубенского стана за Дурневым Леонтием Прокофьевичем двор его дяди Дурнева Астахах Ивановича.

№485. В селе Хмелевом Орлицкого стана за братьями Рудневым Михаилом Ивановичем и Рудневым Фомой Ивановичем двор их дяди Руднева Семена Ивановича.

№486. В деревне Нижней Ольшанице Орлицкого стана за Бородиным Ефимом Васильевичем двор его зятя Богданова Тимофея.

№487. В деревне Дурнева Дубенского стана за братьями Дурневым Нифонтом Ивановичем и Дурневым Григорием Ивановичем двор их брата Дурнева Никиты.

№488. В селе Успенском Дубенского стана за Жиленковым Иваном Богдановичем двор его брата Жиленкова Семена Богдановича.

№489. В деревне Долгая Поляна Чуфичевского стана за братьями Митрофановым Аристархом Максимовичем и Митрофановым Кондратием Максимовичем двор их зятя Полтинина Ивана Семеновича.

№490. В починке Захарова Поляна (Околенский) за Токмачевым (Копначевым) Митрофаном Дорофеевичем двор его шурина Барбошина Никиты

№491. В селе Нижнем Чюфичеве Чуфичевского стана за Росщупкиным Григорием Сидоровичем двор его сына Росщупкина Севостьяна Григорьевича.

№492. В деревне Нижней Атаманской Чуфичевского стана за казаком Горожанкиным Тихоном Дементьевичем двор его зятя Иванова Ивана.

№493. В деревне Нижней Атаманской Чуфичевского стана за сыном боярским Ряполовым Тимофеем Романовичем двор его зятя Яковлева Петра.

№494. В деревне Нижней Атаманской Чуфичевского стана за Стрельниковым Венедиктом Яковлевичем двор его дяди Стрельникова Фомы Григорьевича.

В деревне Нижней Атаманской Чуфичевского стана поселились дети боярские после переписи 1643 года:

Ряполов Михаил Романович,
Лихачев Евсей Никитович,
Савин Яков Константинович,
Ряполов Самсон Осипович,

Стрельников Кондратий Яковлевич, а на его земле двор дяди Стрельникова Фомы Григорьевича.

В деревне Сорокино Ублинского стана поселились дети боярские после переписи 1643 года:

двор Сорокина Степана Яковлевича;

двор Комаревцова Андрея Григорьевича;

двор Полникова Евдокима Кондратьевича.

В деревне Котово Ублинского стана за Емельяновым Евдокимом Ивановичем двор его зятя Иванова Петра

В деревне Котово Ублинского стана за Четверкиным Григорием Ивановичем двор его зятя Константинова Валилия.

В деревне Котово Ублинского стана поселились дети боярские после переписи 1643 года:

Рудаков Понкрат Иванович,

Рудаков Илларион Иванович,

Рудаков Григорий Иванович.

В деревне Вислой поселился сын боярский Рязанцев Василий Тимофеевич.

Сведения о досмотре крестьянских и бобыльских дворов в тексте с 96 л. об. по 102 л., №№ 478-494.

И всего в Оскольском уезде за детьми боярскими на их землях живут дяди, братья, племянники и зятья – двадцать один человек.

Дети боярские, которые поселились после переписи 1643 года – десять человек.

Выявление дворов родственников на землях помещиков детей боярских в прежних переписях не практиковалось. Возможно, предполагалось обложить данную категорию населения государственными налогами, наравне с крестьянами и бобылями. Но переход на налогооблагаемое дворовое число произошел лишь в конце 70-х годов. Однако данная практика имеет для исследователей большое значение.

Если же говорить о цифровом соответствии сведений о дворах родственников и новопоселенных детях боярских, то их можно считать верными, несмотря на некоторые текстовые расхождения. Всего выявлен 21 двор родственников детей боярских: 4 двора сыновей, 3

двора братьев, 3 двора дядей, 3 двора племянников, 7 дворов зятьев и один двор шурина. В тексте писцы отметили 10 детей боярских, которые поселились в уезде после переписи 1643 года. Переписчики не указали дворы помещиков Соковой слободы, хотя их фамилии не встречались в прошлых переписях. Вполне возможно, что они поселились до переписи 1643 года.

Вероятно, необходимо напомнить, что основное направление переписи 1646 года – это обнаружение налогооблагаемой базы по дворовому числу. При этом первостепенной задачей являлось выявление дворов крестьян и бобылей. Если судить по записи, что «по выкладке подлинник с перечнем сошелся», то работа была выполнена успешно. Всего выявлено 139 налогооблагаемых дворов, а в них 303 человека мужского пола и 5 женского (вдовы). После «досмотра» обнаружено 45 монастырских и владельческих дворов крестьян и бобылей, а в них 84 человека мужского пола и две вдовы. Таким образом, общий объем предполагаемой налогооблагаемой базы по дворовому числу к концу 1646 года по городу Оскол и Оскольскому уезду составил 184 двора и 394 человека в них.

Если провести сравнительный анализ материалов переписей первой половины XVII столетия по наличию крестьянских и бобыльских подворий, то проявляется следующая картина: 1615 год – 11 дворов, 1627 год – 247 дворов, 1643 год – 84 двора, 1646 год – 142 двора (исключая посадских и торговых людей). При этом количество владельческих крестьян и бобылей в сравнении с 1643 годом несколько уменьшилось, тогда как монастырских дворов увеличилось больше чем вдвое.

III. Обобщенный комментарий

к текстам переписей первой половины XVII столетия

1. Географическая характеристика местности.

При характеристике местности в основном использованы данные писцовых описаний, с включением сведений из иных архивных источников. Рассматриваемая территория занимала верхнее течение реки Оскол и ее северных притоков. Существует устойчивое мнение, что основные водотоки Белгородчины, частично и современной Курской области, берут свое начало в пределах Скороднянской возвышенности – Северский Донец, Оскол, Короча, Сейм, Тим, Кшень и др. Архивные источники подтверждают данную версию. Высшая точка над уровнем моря в границах Оскольского края в районе села Истобное ныне Губкинского района.

Принято считать, что исток реки Оскол локализуется на севере в пределах села Рогового. Местные же жители соседнего поселения Пузачи считают, что река Оскол берет начало у их села. Мнение сельчан не лишено основания, ибо на «топографических» картах XVIII столетия «дол» именовался «Оскольским». И в том и другом случаях в котловинах у населенных пунктов «бьют» родники. Однако дебит водотока у села Роговое более значителен, и находится родник севернее Пузачей, следовательно, более правомерен Роговской исток реки.

В верховьях с левой стороны впадает в Оскол речка Дорожня, а справа – речка Стужень. Еще один большой северный приток – речка Осколец (в архивных документах первой четверти XVII в. он чаще упоминается как Малый Осколец) – впадает в реку Оскол у самого города. Начало второй по значимости водной артерии территории находится в районе современного населенного пункта с одноименным названием – Осколец. Другой левый приток Оскола – речка Геросим с притоком р. Апочкой – впадал в реку примерно в 15 километрах на север от города. Южнее города в Оскол впадает левый приток – речка Убля, а на северо-востоке протекала речка Ровенка. Последним левым притоком Оскола является речка Котел, которая в устье разделялась на два рукава – Живой Котел и Гнилой Котел. Сама речка имела в то время два истока: один на северо-востоке, а другой на юго-востоке. Сливаясь в районе современного села Городище

единым руслом, направлялась на северо-запад и впадала в реку Оскол. Остальные притоки в пределах территории с правой стороны: р. Чуфичка, р. Дубна (Дубенка), р. Орлик, р. Ольшанка, р. Холань и р. Холук. Кроме названных притоков Оскола, местность изобиловала множеством речушек и ручьев, некоторые из которых указаны в архивных документах: Березовая плота, Гренивый колодезь, Красный колодезь, Куньи колодезь, Молодежников колодезь, Окунь колодезь, Пониковец колодезь, Ржавец, Сенькин колодезь, Сторожевой колодезь, Стуженек, Тростенец, Черемошный колодезь и др. В писцовых материалах упомянуты несколько озер: Большое, Большое Белое, Гнилое, Долгое, Меловое, Подгорное, Чмутово.

Приграничная территория в тот период имела значительное количество лесов. Недалеко от места будущего города-крепости, почти окружая его, располагался Большой лес. В переписях он именуется Большим городским лесом. Между речкой Геросим и речкой Ровенкой находился Ровный (Ровенской) лес. Чуфичевский, Ублинский, Котельский, Дубенский, Орлицкий, Ольшанский, Холанский и Холковский леса находились по берегам рек, от которых получили свое название. Истобной лес был расположен по течению р. Оскол между реками Чуфичкой и Дубенкой, а на западе от него находился Околенский лес. В среднем течении р. Убли на Правобережье располагался Вислый лес. На правом берегу р. Оскол у устья р. Стужень находился Борковский лес. В верховьях речки Дубенка располагался лес Юшковы бояраки. В актовых материалах упоминаются также Дегтярный, Долгий, Донской, Лошкин, Мокрый, Плоский, Присынковский, Свиной, Сторожевой, Теплинский лески. При межевании переписчики перечисляли многочисленные дубравы и липяги (небольшие рощи на возвышенности): Глухая дубрава, Долгая дубрава, Казачья дубрава, Малиновая дубрава, Федцова дубрава, Вислый липяг, Вороновский липяг, Лошкин липяг, Отскачный липяг и др. При таком изобилии строительного и «дровяного» лесного материала, используемого для возведения оборонительных сооружений, жилья, хозяйственных построек, отопления и иных нужд, часто упоминаемый в научной литературе термин «степная окраина», по крайней мере, не применим к территории Оскольского края. Естественно, существовали и небольшие степные участки, некоторые из них в настоящее время являются заповедными.

Относительно ровное безлесное пространство именуется в документах поляной (полянкой) – Бобрищева поляна, Воротникова поляна, Долгая поляна, Захарова поляна, Косинова поляна, Мокрая поляна, Молодовая полянка, Отводная поляна, Огибная поляна, Окольная поляна, Песковатая поляна, Подгородная поляна, Репная поляна, Терновая поляна, Товолжанная поляна, Тюляфтина поляна, Хмелевая поляна, Шельдяева поляна, Яблонная поляна. Ассоциировать старый термин «поляна» с современным, пожалуй, не стоит, хотя и в том и другом случаях – это открытое пространство, окруженное лесом. Даже относительно открытые участки имели сложный рельеф, который изобиловал множеством больших и малых долин («дол»), логов («верх», «вершок», «отвершек»), оврагов («рог», «изрог», «отрог»), неглубоко врезанных оврагов («боярак»), затопаемых низин («мокрый»), болот. При наличии большой массы рельефных образований не имеет смысла их перечислять, хотя многие имели отличительные признаки. Однако при подробном изучении материалов и осведомленности о топографических терминах того периода возможно представить географическую картину территории.

Из наиболее значимых, на наш взгляд, характеристик местности следует отметить ее значительную пересеченность и труднопроходимость. Выделение этих отличительных черт связано с прохождением по территории «Изюмской, Муравской и Кальмиусской сакм» – это основные направления движения степняков в Центральные районы Московского царства. Термин «сакма» не определяет ни дорогу, ни шлях, ни какой-либо иной транспортный путь с переправами, гатями, местами отдыха и/или сменой лошадей. В нашем случае «сакма» – это след, который оставляет конный отряд «крымцев» или «нагайцев», продвигавшийся в определенном направлении. Чем крупнее отряд, тем явственнее след («сакма бита до черна»), не говоря уже о массовом проходе больших сил. Татары избегали лесов, глубоководных переправ и разыскивали наиболее удобные места проникновения. Так и возникли основные сакмы.

Направление «Изюмской сакмы» – с юга на север, по западным окраинам Холковского и Холанского лесов. В верховьях рек Донецкая Сеймица и Короча Изюмская и Муравская направления объединялись и, минуя притоки р. Сейм (Семь) – Колтубанскую Сейм (Семь) и Пузатую Сейм (Семь), у верховьев рек Оскол, Тим и Кшень

устремлялись на север к реке Быстрая Сосна. К 1579 году степняки нашли новый путь проникновения. Это обстоятельство привело к усилению роли общероссийской сторожи – Усть-Ублинского острожка, ибо «на Осколе усть Убли без стоялых голов бытии немочно, крымские и ногайские люди ходят на государевы украины новою Кальмиусскою дорогою»⁴¹. «Кальмиусская сакма» проходила по левобережью реки Оскол, затем между речками Котел и Потудань (Боровая Потудань) и далее в верховьях рек Убля, Котел, Девица, Олым, Грайворонка, соединялась с Муравской сакмой и направлялась на север к реке Быстрая Сосна. По сути, исследуемая территория располагалась как бы в кольце основных направлений. Однако до конца столетия местность незаселенного Поосколья не интересовала ни тех ни других, но учитывалась в планах московского двора.

2. Заселение территории и особенности размещения населения Оскольского уезда

Чтобы обезопасить Московское государство от вторжений с юга, правительство принимает решение вместо общерусских сторож возвести на окраинах города-крепости, заселить их и прилегающие местности служилыми людьми, которые предупреждали бы центр о возможном нападении. В летописи за 1584 год указано, что царь Федор Иванович приказывает «боярину своему и слуге, конюшему Борису Федоровичу Годунову, да дьяку ближнему своему Андрею Щелканову города ставити на поли и в Сивере, и к Астрахани, которая за много лет запустевша от безбожных агарян и от межусобные брани: елецки князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Валуйка, Белогория, Самара, Кромы, Монастырев, и иные многие польские и сиверские»⁴². По «Новому летописцу» в 1593 г. служилые люди на южных рубежах «поставища на степи города: Белгород, Оскол и Валуйку и иные города, а до тех городов поставища на украине города: Воронеж, Ливны, Куреск, Кромы»⁴³. О датах возведения городов-крепостей и поныне продолжаются научные споры. Не станем снова вступать в дискуссию, а остановимся на общепринятом летописном исчислении. Началом освоения Оскольской территории в период Московского царства будем считать 1692/93 год. «В прошлом сотом году блаженной памяти при Государе, Царе и Великом Князе Федоре Ивановиче всеа Руси сведены отцы наши и мы, холопы твои, в Ос-

кольской город в твою государеву службу из разных городов»⁴⁴. В Разрядном приказе указание на поселение служилых людей в Осколе в «сотом» году не вызвало возражений, поскольку в те времена «прошлым» называли не только год, непосредственно предшествующий текущему, но и любой из предыдущих годов, а летоисчисление вели «от сотворения мира». Таким образом, «прошлым сотым», а точнее 7100-м годом, был 1592/93 год по современному летоисчислению.

Решение было принято, город устроили и заселили служилыми людьми, главной обязанностью которых являлось «смотреть сакмы». По существу, сохранялись прежние условия, как и при Усть-Ублинском острожке, но заселенном не «прибылыми людьми», а постоянно проживающим служилым населением. Располагался город-крепость на высоком меловом мысу у слияния рек Оскол и Осколец. По существующим в те времена правилам и как отмечала правительственная комиссия: «Место крепко и угодно, мочно городу быть». Место расположения крепости по-своему уникально. Находясь на возвышенности, а в некоторых местах с довольно крутыми склонами, город в радиусе до пяти километров с некоторых сторон хорошо просматривался с ближайших высот. Однако его котловинное положение, наличие двух водных преград и большого «горнева» лесного массива обеспечивало относительную неприступность.

Оборонительные сооружения, размещение городского и пригородного населения требуют внимательного рассмотрения. Прежде всего, термины – «крепость», «город», «острог». Степень соответствия жизненных явлений зависит, прежде всего, от социальной, профессиональной и иных позиций авторов, составлявших документ того периода. Ни в меньшей мере те же принципы необходимы современному исследователю и рядовому читателю. Например, возьмём «Отписку» оскольского воеводы Данилы Моисеевича Яблочкова: «...И я, холоп твой, приехал на Оскол писал тебе, прежде всего во 136(1628) году марта в 15 день с Мартинкой Подкопаевым, что *города* на Осколе нет. А где был *город* и в том месте поставлен *острог*, а около *острогу крепостей* – ров, а кровати и котки погнили, а тарасов из *острогу* не зарублено и башни не покрыты. А иных никаких *крепостей* нет...»⁴⁵. Противоречиво выглядит выражение, что города на Осколе нет, а вместо него устроен острог. В данном эпизоде речь

идет о «городе» как определенного типа оборонительном сооружении, а не о военно-административном центре. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что основное отличие «города» от «ostroга» заключается в конструкции стен. Устройство башен и в том и в другом случаях одинаково – это квадратные венцово-рубленные сооружения. Однако возведение стен разное: острожная внешняя стена представляла собой конструкцию из вертикально установленных бревен (условно «тын стоячий»), а городовая устраивалась прямоугольными венцово-рубленными «городнями» (условно «тын лежачий»). При возведении и обустройстве целостного единого оборонительного сооружения существовало множество типов соединения участков стен и башен. Что же касается термина «крепость», то в актах приемки, годовых отчетах, отписках и иных документах он употреблялся в обозначении как основных, так и вспомогательных укреплений – «...много крепостей поделал...», «...а иных крепостей нет...» и т.д.

Однако вернемся к писцовым материалам. В начале «Дозорной книги» отмечено: «Город Оскол на реке Осколе, на крымской стороне, рублен, дубовой, обмазван глиною»⁴⁶. Далее идет описание восьми башен и артиллерийского вооружения на них. Две башни были с «проезжие ворота» – центральные Курские и боковые Спасские. Писцы не утруждали себя информацией о размерах и иных «крепостях», при этом скрупулёзно описывая поименный состав населения и его состояние внутри Большого и Малого острогов. Называя «город» Малым острогом, писцы, вероятно, не соблюдали архитектурную терминологию того периода, да и задачи у них были иные, но при описании в качестве ориентиров упоминались некоторые сооружения Большого острога. Среди них следует отметить три башни с проезжими воротами – передние Русские и от реки Оскол: Покровские и Стрелецкие водяные. Сведения о размерах оборонительных сооружений и объемах острожных территорий встречались во множестве материалов, но, пожалуй, самыми убедительными они сохранились в отчете 1639 года оскольского воеводы Ивана Акинфиевича Ржевского⁴⁷. При описательной реконструкции использовались, как и в прежние времена, предметные ориентиры, а не ориентация по сторонам света. При этом обуславливалась точка ориентации, что по-

звояло устанавливать направления и раскрывать именованя некоторых предметов.

Все-таки в начале выявим, сколько и когда вновь возводилось оборонительных конструкций, естественно, с учетом их типов: «город ставлен острогом», «город устроен в две стены в клетки». Первоначальная конструкция была типа город в городе, т.е. Малый «город» и Большой «острог». В 1617 году городские укрепления и постройки были сожжены. Данный факт отражен в материалах исследователей и опубликованных источниках, но воспользуемся подлинником. В документе от 23 июля 1619 года, отправленном в Москву оскольским воеводой Андреем Наумовым, указано: «...как в прошлом во 125 году литовские люди полковник черкасский Михалка Пырской имал Аскол город и уезд воевал, и что в полон взято осколен...»⁴⁸. Далее следует список членов семей и иных родственников, проживавших во дворах оскольских служилых людей и угнанных в плен. В опубликованном источнике отмечено: «...А литовские люди, быв у Курска, пошли к Осколу, и пришед изгоном Оскол взяли, и город и острог сожгли, и пошли с Оскола к Белгороду...»; «И князь Иван [Хаванский] из Курска отпустил на Оскол Дмитрия Скуратова, а с ним детей боярских и казаков, а велел на Осколе на Оскольском городище поставить острог и быть на Осколе до государеву указу...»; «...Острог всеми крепостями укрепил...»⁴⁹. Следовательно, вторая оборонительная конструкция была «устроена острогом» на прежнем месте. Количество башен, а также то, какие из них были с проезжими воротами, нами не выявлено, но длина стен и башен по внешнему периметру составляла 125 сажен (270 метров). В дальнейшем «город был ставлен острогом» дважды: в 1624 году (сгорел при неосторожном обращении с огнем в 1628 г.) и в 1630 году. В обоих случаях по периметру 540 метров, по 8 башен – по 2 с проезжими воротами. По указу 1676 года еще Алексея Михайловича оскольский воевода Харитон Арнаутов уже при Федоре Алексеевиче начал подготовку к строительству новых укреплений. С 18 мая 1677 года воевода пытался заставить оскольских служилых людей возить заготовленный лес, но лишь 25 июля он сообщал в Москву, что «...лес взят, и город строить начали»⁵⁰. Строительство закончили к осени 1677 года, но согласно сентябрьскому счету в документах прошлого указан 186 (1786) год. «...Город Оскол устроен в прошлом во 186 году вновь на

том же месте у реки Оскола с правой стороны усть реки Малого Оскола, рублен в дубовом лесу в две стены в клетки («городом»), да прибавлено к тому же городу 128 сажень с полусаженью. Рублен вверх до облатов две сажени, облатов два венца. По городу 10 башен – 2 башни с проезжими воротами, 8 башен глухих. По мере около города и з башнями 300 сажень с полусаженью (650 м.)»⁵¹. Это было последнее, вновь построенное городское оборонительное сооружение, а впоследствии только перестройки и ремонт. Естественно, на «государево строение» существовали чертежи и подробные описания – «Строильные книги». В 1728 году 16 января оскольский воевода полковник Михаил Моисеевич Толстой «передал город Старый Оскол и городовые и острожные ключи» поручику Андрею Артемьевичу Полибину. В акте приемки среди бумаг канцелярии, в частности, указаны: «Книги строильные городу Осколу, что строил Василий Корабын в 138(1630) году. Книги строильные городу Осколу, что строил Никита Мотовилов в 133 (1624) году»⁵². К сожалению, ни этих книг, ни иных с конца XVI столетия не обнаружено. В материалах 40-х годов XVII столетия лишь однажды натолкнулись на упоминание о чертежах. Таким образом, вплоть до конца XVIII века в Осколе (Старом Осколе) пять раз устраивались *вновь* деревянные оборонительные конструкции обоих типов.

Из анализа описаний было установлено место и направления – «у реки Оскола с правой стороны, на устье речки Малого Оскольца с левой стороны». В соответствии с современной местной терминологией – это нижняя площадь старого города по направлению снизу вверх. При этом оскольские воеводы или иные официальные лица начинали описание от центральных ворот вправо далее по периметру и оканчивали ими же. Для определения городской территории вернемся к писцовым описаниям и другим материалам. От центральной башни с Курскими проездными воротами вправо «башня наугольная против храма Никиты Мученика»⁵³. В Дозорной книге отмечено, что «в Большом остроге в Стрелецкой слободе храм Стратотерпца Никиты»⁵⁴. Следовательно, ориентиром для угловой башни «города» от реки Оскол служил храм Большого острога. Далее вправо глухая и угловая башни «от реки Оскола». От угловой башни «башня отводная на водяных воротях..., да меж отводные башни и наугольные тайник к Осколу»⁵⁵. В свое время автор выдвинул не совсем проду-

манную теорию о том, что водяные ворота представляли собой приспособления наподобие устройств для регулирования потока воды на плотинах. Однако при более подробном анализе архивных материалов было установлено, что термин «водяные» означал предназначение, а не тип устройства. Что же касается тайника, то подробных описаний не выявлено. Все источники указывают на исходную точку (отводную башню) и конечную (родник у реки Оскол), но размеры различаются. Например, в 1631 году воевода Андрей Наумов так описывал сооружение: «А тайник из городу к реке Осколу рублен трубно в четыре углы и засыпан землею. А длина трубу от тайниковой башни к реке Осколу до колодезя – сорок сажень. А тот колодезь по конец тайникового труба старой вычищен, а от реки Оскола до того колодезя – три сажени. А тот колодезь вычищен до больших ключей и вставлен труб дубовой, а в нем воды сажень. А от воды таво труба вверх касова сажени. Да над тем же колодезем ставлен труб дубовой поперек три сажени, а от земли таво труба вверх полторы сажени равно с тайниковым трубом и землею засыпан»⁵⁶. От отводной башни городская стена вела к угловой от реки Осколец, а затем к Спасским воротам. В данном случае наименование связано с ориентиром, расположенным напротив ворот на противоположной стороне – это «соборная церковь Преображенья Господня, Господа Спасителя нашего Иисуса Христа ... а в храме божие милосердие образ местной Преображение Спасово...»⁵⁷. Последней угловой была Никольская башня, где ориентиром служил храм во имя Великого Чудотворца Николы, который находился в Малом остроге рядом с башней. Указателем для передней башни Большого острога также служил храм – «за большим острогом у Руских ворот храм во имя Архистратига Михаила»⁵⁸. Наименование Покровских ворот связано с находящимся рядом храмом во имя Покрова Святые Богородицы, а Стрелецкие водяные – с располагавшейся вблизи слободой стрельцов.

В 1638 году по распоряжению окольного князя Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского и дьяка Каллистрата Акинфиева стали укреплять острог постройки 1630 года. Как указано в документе, «в приход крымских царевичей» и, в частности, «... копать ров поперек сажень с четвертью, а в глубину тож (234 см.)». Однако основные усилия по обустройству выпали на долю оскольского воеводы

И.А. Ржевского. Ему поручалось также продумать вопрос о возможном возрождении Большого острога. Подробные описания воеводы предоставили условия для выявления первоначальной территории города и сравнительной реконструкции оборонительных сооружений в соответствии с современной городской топографией и древнейшими приемами предметной ориентации.

Первого марта 1644 года новый оскольский воевода Дмитрий Иванович Плещеев отослал в Москву акт приемки города, в котором подробно в метраже описывал принятый острог⁵⁹. Но так как сооружение было возведено на месте первоначального Малого острога, то можно сопоставить сведения по старым и современным ориентирам. Длина передней стены составляла 131 сажень (283 м.). Средняя башня со стороны квадрата в 3,5 сажени имела проездные ворота, угловые башни трехсаженные (казенная строительная сажень XVII в. равнялась 216 см.). Следующая острожная стена от реки Оскол с двумя угловыми и одной глухой трехсаженными башнями имела протяженность в 132 сажени (285 м.). Противоположная передней с четырьмя трехсаженными башнями была длиной в 149 сажень (322 метра). Четвертая же протяженностью в 131 сажень (283 м.) имела три башни, из них средняя в 3,5 сажени с проезжими водяными воротами. Площадь прежнего Малого острога была, вероятно, немного больше. По «Дозорной книге» для двух угловых башен передней стены ориентирами служили храмы, располагавшиеся рядом, – Никитский в стрелецкой слободе Большого острога и Никольский в Малом остроге. В 1617 оба храма сгорели, а восстановлен на прежнем месте только Никольский, месторасположение которого сохранялось вплоть до первой четверти XIX в. Он же служил ориентиром для угловой башни в акте за 1644 год, но располагался за пределами острога. Противоположная же угловая башня была устроена на прежнем месте, напротив стрелецкой слободы. Однако расположение некоторых элементов конструкции оставалось неизменным по крайней мере до середины семнадцатого столетия. Например, Д.И. Плещеев писал: «А вода в городе – два колодезя, да озеро обрублено срубом. А тайник до реки Оскола, подле реки копан колодезь, и тайник во многих местах обвалился и без подделки быть немочно»⁶⁰. Отводная башня и тайник постоянно фигурируют во многих материалах. Воевода Афанасий Тургенев в 1631 году отослал в Приказ роспись людей по баш-

ням и стенам для осадного времени, где отмечал, что «...город мал, в длину 56 сажений (121 м.), а поперек 62 сажени... (134 м.)»⁶¹. Размер указан по внутреннему периметру, но полагаем, что длина не превышала 126-127 метров. Спасо-Приображенский собор сгорел, но на его месте возвели соборную церковь во имя Рождества Пречистой Богородицы и проезжие ворота на противоположной стороне уже не именовались Спасскими. Ранее они являлись основными выездными воротами по направлению через реку Осколец к Новой Посольской или Валуйской дороге. К 1644 году их назначение изменилось, а ориентиром уже служил не Осколец, а впервые упомянутая Рыльская слобода. Можно и дальше в метраже выяснять расположение объектов внутри острога, но это далеко уведет от решения задач комментария. По крайней мере, есть возможность определить месторасположение «Малого города» и последующих острожных и городских конструкций. Угловая башня от реки Оскол располагалась в районе зданий №14 и №14^a по ул. Володарского, следующая в районе ограды исправительного учреждения. Передняя угловая башня от реки Осколец находилась в зоне дома №12/12 по ул. Ленина, а противоположная угловая в районе домов №4 и №6 по ул. Ленина. Передние ворота располагались на линии ул. Володарского напротив современного памятника основателям города. Учитывая равную длину городских стен от рек Оскол и Осколец, можно предположить, что Спасские ворота размещались в пределах 65 метров между угловыми башнями. Отводная же башня и начало тайника находились между домами №3 и №5 по ул. Ленина.

В описи за 1644 год также сказано: «А что бывал старой острог до литовсково разорения, и около тово острожнова места по мере, где были башни и меж башен, по пряслон – девятьсот тритцать сажен. И как литовские люди и город Оскол, и острог взяли, и сожгли, и после тово на Осколе острогу нет, и никакие крепости по старому острогу нет жа, только окола тово старова острожнова места ров»⁶². Воевода Д.И. Плещеев без сомнения говорил о габаритах старых оборонительных сооружений. Тем не менее, ему не поступило указаний о возведении укреплений по старому острожному месту, а только о принятии обычных в таких случаях мерах безопасности. Из отчета же 1639 года воеводы И.А. Ржевского видно, что ему, наоборот, указывали на принятия мер по возрождению первоначальных городских

конструкций. Вероятно, он имел в наличии сведения о прежних укреплениях, но не обладал возможностью их возрождения. Никто не отменял инструктивных предписаний об обустройстве принятого им города и уезда, а потому отчет вышел объемным и не совсем согласованным. Однако на основе сопоставления фактов из разных источников вырисовывается довольно объективная картина. «По старому острожному месту, где был наперед всего острог, – пишет воевода, – было промеж 7 башен, под башнями по 3 сажени, да 10 башен глухих, под башнями по пол трети сажени, да под стенами 974 сажени, обоиво под башнями и под стенами 1010 сажений (2182 метра)». В 1638 году, как сообщалось выше, был выкопан ров перед передней стеной острога 1630 года постройки. В связи с этим воевода отмечает: «Всево старого и нового острожного рву, что делал в приход царевичей, 704 сажени (1521 м.), оприч 5 воротам да 15 башням глухим...». Далее И.А. Ржевский пишет: «А будет, Государь, укажет зделати острог новом по нынешнему месту оприч, что было раньше, надобно ... лесу на острог и на ворота, и на башни, и на тарасы, и на иглы – 17 950 бревна». Административные, церковные и бытовые постройки сооружались в Оскольском крае до 60-х годов XVIII столетия из дерева. Строительство оборонительных сооружений как острожного, так городского типов осуществлялось дубовыми бревнами «трех сажен (приблизительно 6,5 метров), в отрубе пять вершков (диаметром в среднем 22-23 см.)». Высота стен до обломов как в варианте «острога», так и «города» – две сажени. При этом бревна острожной стены на два метра вкапывались в землю, а городовые венцово-рубленные части стен («в две стены в клетки») и башни ставились на грунт. «Венец» – это угловое соединение трех бревен, в нашем случае примерно 45 см. Высота квадратных башен («глухих, наугольных и с проезжие ворота») до обломов в среднем составляла 16-17 венцов (более 7 метров), а участок шестиметровой стены высотой в 9-10 венцов, т.е. более четырех метров. Обламы устраивались в 2-4 венца, не считая четырехскатной башенной кровли и двускатной стен. На возведение первоначальной острожно-городовой конструкции при наличии 20 башен и протяженностью стен в 2182 метра потребовалось 18 тысяч бревен, в перерасчете на трехсаженное бревно. Такой перерасчет необходим, чтобы не вдаваться в подробности о количестве материала разной длины и диаметра элементов конструк-

ции: «оламов», «воротных притворов», «игл», «крюков», «желобов», «катков», стропильных систем, кровельных тесин, мостов через ров, «надолбов», «частика» и т.д. Воевода И.А. Ржевский в своем отчете довольно подробно перечислял некоторые элементы, но упускал многие размеры, менял ориентиры и направления. Возьмем, например, двадцать башен, которые, естественно, были неравны по высоте и стороне квадрата. В его описании из общего количества строительного материала, в частности, зафиксировано: «...Да на 3 ворота 500 бревен в 3 сажени, да на 2 ворота да на 15 глухих башен 3400 бревна по 3 сажени». Из писцовых описаний и иных архивных выписей известно о восьми башнях «Малого острога» и только о трех башнях с проезжими воротами «Большого острога», что явно недостаточно для выяснения городской территории. Допустим, что из 9 неизвестных башен две угловые на передней стене острога, а оставшиеся семь равномерно устраивались по трем стенам. Располагая сведениями о размерах ячейки стены, несложно определить их местоположение.

Остается определить контуры «Большого острога». Направления указаны воеводой: «От городовые от наугольные башни вниз по Осколу реке по косоугору по меловой горе, да вверх по Малому Осколку и с косоугору меловые горы подле казацкие слободы». Описывает он в метраже и противоположные стороны острога: «А от Покровских ворот до Стрелецких водяных ворот, что над Осколом рекою, верхом по мере от Голдаива городища до Стрелецких ворот 260 сажень. И та сторона, в приход воинских людей место приступил, в осадное время *была поворотом* и по башням и по стенам 750 человек с пищальми и с рогатины... От Стрелецких водяных ворот по косоугору к городу вниз по Осколу реке до городской наугольной башни 67 сажени с полусаженью. В приход воинских людей 100 человек, потому что острог будет по горе»; «Да по косоугору от Малова Оскола гора круче большая меловая крепка, той стороны 352 сажени. А по стенам и по башням осадных людей 465 человек с пищальми и с рогатины». Следовательно, длина стен от реки Оскола и «Голдаива городища» составляла 903 метра, а защищать ее должны были 850 человек. Острожную стену от реки Осколец длиною в 760 метров обороняли бы 465 человек. Кроме того, Иван Акинфиевич отмечал, что «...в осадное время по стенам, и по воротам, и по башням надобно

1618 человек с пищалями и рогатины». Таким образом, для обороны стен, ворот и башен «Малого острога» потребовалось бы 303 человека.

Другим важным оборонительным элементом являлся ров, который без «новоприбавленного» был протяженностью примерно 1386 метров. Учитывая ориентиры и габариты, полагаю, что он пролегал по современной улице Пролетарской с поворотом на ул. Революционную до ее пересечения с улицами Демократической и Первомайской. По источникам более позднего времени стало известно, что ров использовался в качестве дороги по выезду из города в Белгородском, Курском и Московском направлениях. При работе с отчетом воеводы автор обратил внимание на весьма любопытное суждение: «А убавлено старого острогу от Курских ворот направо до реки Оскола 275 сажени, да воротных да башенных мест 13 сажений, потому как на острог надо 5410 бревен 4 сажений бревно в отрубе 5 вершков». Зачем для тыновой ограды от реки Оскол потребовались почти девятиметровые бревна? Выяснилось это позднее из писцовых материалов 1686 года: «...Под городом за *земляным валом* на реке на Большом Осколе слобода Ездошная. Да в *земляном валу* церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, попов и церковных причетников двory. Да места их же помещиковы осадных дворов. По выписи с приправочных книг письма и дозору Осипа Секирина 123-го году написана слобода была станичных ездоков в Большом остроге»⁶³. Вероятно, земляной вал был насыпан для выравнивания острога по горизонту на более пологой стороне. К сожалению, ни высоты вала, ни его протяженности выяснить не удалось. От угловой башни, которая располагалась примерно в районе дома №39 по ул. Революционной, тыновая стена по валу пролегла до Стрелецких ворот и далее по косогору к Никитской башне Малого острога. Стена же от реки Осколец от угловой башни в районе театра шла также по косогору до Никольской башни.

Принимая во внимание ров и земляной вал, появляется возможность определить местоположение трех проездных ворот «Большого острога». В писцовых описаниях Осипа Секирина есть существенные замечания по этому поводу: «В Большом остроге храм во имя Стратотерптца Христова Еоргея да предел Офонасия и Кирила Александрийских Чудотворцев...А усада в Казачей слободе против церкви

Стратотерпца Христова Еоргея, от Курских ворот по большой дороге к *водяным воротам* – в длину тритцать сажен (65 м.), поперец дватцать пять сажен (54 м.). Да за ним же церковного усаде казачьи места пустые Трошки Смычникова да Ивашка Летова для тесноты под кельи на усады, которые идучи подле понамори да дьячкова двора переулком прямо, *да налево переулком к водяным воротем*»⁶⁴. Сопоставляя известные размеры, можно предположить, что Стрелецкие ворота размещались неподалёку от пересечения ул. Пролетарской и ул. Октябрьской на окраине территории школы №5. Во фрагменте Дозорной книги упомянута большая дорога, которая, вероятно, являлась главным московским направлением. В отчете И.А. Ржевского, в частности, сообщается, «что в осадное время осада и у их людей дворам было бережно и крепко ведет ров потому, что старого острожного места *ставить неким*, а острог был до Московской дороги меж дву косогоров в логу». В соответствии даже с современной городской топографией упомянутая дорога через «Горней лес» (Горняшка) должна была проходить по логу за территорией старого кладбища и бывшей туббольницы. Следовательно, большие Русские проездные ворота располагались по линии ул. Революционной напротив здания «Сбербанка». Покровские же ворота находились недалеко от перекрестка улиц Пролетарской и Комсомольской в районе памятника Александру Невскому.

Таким образом была определена условная граница городской территории. Почему же условная? Дело в том, что термин «город» означал не только конструктивную систему, но и территорию городского поселения, ограниченную межевыми линиями. Однако конкретного документа, где бы имелись данные о таком межевании, не выявлено. Впервые только в годы правления Екатерины II официально утверждаются границы территории с межевыми знаками и градусами поворотов. До этого времени, по крайней мере в первой половине XVII века, границы города условно определялись рубежами первоначальных оборонительных сооружений.

Заселение осуществлялось в основном приборными служилыми людьми по принципу слобод (о социальном статусе населения поговорим в следующей главе). Согласно писцовым описаниям, в «Большом остроге» на стороне от реки Оскол разместились: Слобода станичных ездоков – 111 дворов; тридцать один осадный вожевский

двор; Стрелецкая слобода – 96 дворов и четыре дворовых места. На стороне от реки Осколец: Казацкая слобода – 168 дворов и пять дворовых мест; Пушкарская слобода – 50 дворов и два двора кузнеца и плотника. Кроме того, на церковной земле четырех храмов расположилось 15 дворов священнослужителей. В остроге функционировали 54 торговые точки, владельцами которых были служилые люди слобод. Однако по переписи 12 лавок числились за торговыми людьми, которые, вероятно, тоже владели дворами. В «Малом» же остроге – двory воеводы, земского подьячего, двух станичных атаманов и девять дворов священнослужителей двух храмов. По-видимому, существовали немногие неучтенные дворы иных социальных групп, а также административные и хозяйственные постройки. Тем не менее, особого влияния данный факт на исходное положение слободского заселения не оказывал.

За пределами ограниченной территории располагались пригородные слободы и монастырская земля. Ближайшей от реки Оскол была Беломестная слобода – 46 казачьих дворов и четыре двора священнослужителей храма во имя Козьмы и Домиана. За рекой Осколец заселены две слободы: Ямская слобода – 19 дворов «ямских охотников» и три двора священнослужителей Воскресенского храма; Соковая слобода «вожей» – 33 двора. В писцовых материалах монастырская территория называлась то монастырской слободкой, то Троицкой слободкой по храму во имя Живоначальной Троицы. Но чаще всего территория именовалась Тюляфтиной поляной и служила ближайшим ориентиром при описании городских построек, а монастырь имел двойное название – мужской Троицкий – Тюляфтина пустынь. Кроме двупрестольного храма имелись кельи настоятеля, двух черных священников, пяти старцев, шесть дворов «монастырских детенышей», три двора бобылей и семь пустых крестьянских дворов. Не совсем ясен статус поселения городских воротников, которое располагалось в восьми верстах от города и называлось «Воротничья Поляна на речки на Убли» – всего семь дворов.

Принцип военно-служилого заселения городских слобод соблюдался до 1617 года, но был нарушен после сожжения города. С этого момента все городские слободы постепенно выселились за пределы границ поселения, «а дворы, которые продали, разобрали и к себе на займища и гумно, и вновь построили». До середины XVII столетия

правительство пыталось вернуть людей на прежние жилые места, посылая грозные указы «ослушников бить батогами и сажать в тюрьму». В ответ в столицу полетели челобитные с обоснованием причин выселения. Компромисс был найден в 1652 году при воеводе Иване Языкове, при котором на прежней территории обустроивали осадную избу с клетью на пять служилых дворов. Тем не менее, практически все воеводы отмечали негативную сторону отселения, которая нарушала условия выполнения прямых воинских обязанностей, в частности «на караулы опаздывают». Все чаще правительство требовало отчета «...как далеко живут люди от города, и когда, и при каком воеводе отселились...». Выход слобод за границы городской территории не был одноразовым процессом и, естественно, численность отселившихся служилых людей в отчетах была разная. Так, к концу 30-х годов столетия она составила 295 человек. Жилые и хозяйственные постройки обустроивались «по гумнам и по займищам» выделенных земель. Девяносто станичных ездовых обосновались «в трех верстах и больше» по направлению к «Сведенской поляне» у храма во имя Явления Святой Богородицы Одигитрии (район у современной Ильинской церкви), при этом долгое время оставаясь прихожанами Покровской церкви. Сорок два стрельца и 25 пушкарей «живут от города версты по две и больше». Служилые люди этих двух слобод, которые ранее проживали рядом в «Большом остроге» и посещали совместный Никитский приходской храм, построили жилые дворы за рекой Оскол у своих полей и возвели Ильинский храм. Этот район соответствует современному топониму «Пушкарка» и привокзальной территории. Нынешний же топоним «Стрелецкая» имел отношение к монастырской Троицкой слободке, которая находилась «в версте от города». Восемьдесят пять казаков городской слободы также обустроились «от города версты по две и больше», но вверх по речке Осколец по правому берегу. Казацкие земли были смежными с полями станичных ездовых, где приметными ориентирами служили «Крутой лог» в «Горнем лесу» и Курская дорога по направлению к речке Стужень. В отчете отмечалось также об отселении 15-ти станичных атаманов и 8-ми воротников (по нашему мнению, не обосновано). Но, пожалуй, итогом являлось нарушение профессионального первоначального принципа обустройства слобод,

которые к тому же перестают быть городскими, однако продолжая быть служилыми.

Вероятно, первой городской слободой не приборных, а служилых людей «по отечеству» стала «горная Рыльская слобода», которая была упомянута в отчете воеводы Дмитрия Плещеева. Со временем она стала основой вначале Николаевского, а затем Благовещенского приходов. Гораздо позднее городскими становятся еще две слободы – Панская (бывшая Беломестная) и Холостая. Пригородная слобода Ламска» возникла на землях городских приходских священнослужителей за рекой Оскол и вверх по течению. Впервые наименование слободы встречается в материалах за 1636 год. Тем не менее, к середине семнадцатого столетия городских слобод, по сути, не было, а границы города определялись рубежами первоначальных оборонительных сооружений.

Первыми жителями города, несмотря на дискуссии о дате его основания, следует считать приборных служилых людей – ездовых, казаков, стрельцов, пушкарей, немногочисленной группы станичных атаманов и вожей, а также администрацию и часть священнослужителей. Пригородная Ямская слобода была заселена в 1600 году при воеводе Богдане Собурове на месте Соковой слободы, которая переместилась вверх по левому берегу речки Осколец на «Соковую поляну»⁶⁵. Нет ясности в сроках заселения Беломестной слободы. В писцовых материалах отмечено наличие в ней терских и беломестных казаков. Однако терские казаки были пожалованы земельными угодьями в Оскольском уезде «за битву с литовскими людьми с Пожарским и Трубецким»⁶⁶, т.е. не раньше 1611-12 годов. Не обнаружено конкретных материалов об основании монастыря в Тюляфтинке поляне. В Дозорной книге упоминается о его вотчинных землях от устья речки Холук вверх по Осколу до устья речки «Куньи колодизи». Участок реки и по десятине земли по обеим сторонам были предназначены для рыбной ловли, охоты и иной промысловой деятельности. «А на ту вотчину дана грамота под Москвою при боярех во 121-ом году (1612 г.) за приписью дьяка Ивана Шевырева»⁶⁷. Не выявлено документов о вотчинных землях монастырской слободки, на которую, несомненно, была выдана грамота либо при царе Федоре Ивановиче, либо при Борисе Годунове. Таковы в общих чертах

обобщённые сведения об устройстве и заселении города и пригородных земель.

Оскольский же уезд до середины XVII столетия делился на пять административно-территориальных единиц – станов: Окологородный, Ублинский, Чуфичевский, Дубенский и Орлицкий. По мнению Ю.Г. Готье, посвятившего этой теме отдельную главу своего труда о Замосковском крае, границы станов были «шатки и неопределенны», что «как уезд, так и мелкие деления его не представляли чего-либо прочного и навсегда установившегося»⁶⁸. Но поскольку Оскольский уезд – это военно-административный округ, который имеет центр – город и объединяет населенные пункты, то он должен иметь свою территорию и границы, хотя бы и довольно условные. Пограничными ориентирами служили ближайшие сторожи. Так, первая «сторожа на рогу усть речки Апочки, от Оскола 15 верст»; вторая «сторожа на реке Убля на старой дороге, от города 7 верст»; третья «сторожа верх Котла и Потудони под Присынком, от города 30 верст»; четвертая «сторожа на Казачей прости по другу сторону Оскола с крымской стороны, от города 15 верст»; пятая «сторожа верх Орлика, от города 30 верст, стерегут Изюмскую и Муравскую сакмы»⁶⁹. Поместные владения оскольчан редко выходили за пределы этих условных границ, но иногда на свой страх и риск они устраивали покосы за рекой Оскол и ее притоками. Площадь некоторых пашенных земель и сенокосных угодий была внесена в поместный оклад. Правительство не имело четкого представления о территории уезда и отдавало распоряжения без учета исторически сложившихся связей между внутренними административными единицами и отдельными поселениями. Таким образом, Оскольский уезд вначале занимал площадь примерно в 3920 кв. км. В связи с активным строительством Белгородской черты с 30-х годов столетия и возведением на южной окраине новых городов-крепостей с уездами наш край постепенно потерял незначительную часть южной территории. Но она существенно расширилась в направлении запад-северо-запад, восток-северо-восток. К 90-м годам XVII в. площадь Старооскольского уезда увеличилась до 9461 кв. км. Необходимо отметить особенность внутриуездного административного деления. Поскольку основную массу населения составляли служилые люди, то устраивался и воинский принцип организации станов. В составе поместного войска и иных воинских подразде-

лений служилые люди составляли сотни. Этот принцип формирования сохранялся и по месту жительства.

Выяснив характер изменений территории уезда и его границ, особенности внутриуездного деления, обратимся к вопросу расселения. Опираясь на данные писцовых описаний и других статистических источников, проследим динамику этого процесса по территориальному и хронологическому принципу.

Если городская и пригородная территории заселялись *слободами*, то уезд имел иные типы поселений. Самым малым населенным пунктом считался *починок* (от слова «почин» – начало) в один-два двора. Более крупный населенный пункт без церкви – *деревня*. Поскольку служилые Оскольского края в подавляющем большинстве своем были людьми православными, починок и деревня являлись приходом того или иного храма в поселении, именуемом *селом* или *сельцом*. Кроме того, фигурирует термин «*пустошь*», который фиксируется как бывшее поселение («пустошь, что была деревня», «пустошь, что был починок»), или как будущий населенный пункт, отмечая наличие дворовых мест, или «пустошь дикое поле». Указаны типы только тех поселений, которые зарегистрированы в писцовых и иных официальных материалах. При этом автор не акцентирует внимания на определении и критериях терминов, ибо значение и смысл именуемого объекта в рассуждениях людей того периода может во многом не совпадать с современной трактовкой.

Окологородный стан – эта административная территория в 1615 году представлена только одним населенным пунктом – «*Село Караваево, а Горосим тож* на реке на Осколе, усть речки Горосим». Его местоположение и двойное название за первое полугодие XVII века не изменилось. Топоним «Геросим», связанный с одноименной рекой, фигурирует и в последующих столетиях. По начальной переписи в селе числится 23 двора, а по последней – 36 дворов. Ранее в поселении была церковь во имя Рождества Богородицы, но она была разорена еще в 1612 году. Данный факт подтверждает челобитная жителей села от 1 ноября 1644 года с просьбой выслать царские двери и на престольное евангелие для нового храма⁷⁰. Однако церковь так и не была возведена, раз в переписи вновь отмечено лишь «место церковное». Тем не менее, поселение по-прежнему именовали селом. Выявить конкретную дату основания не удалось, как, впрочем, и

иных первоначальных населенных пунктов стана. Опираясь на немногочисленные архивные свидетельства и ряд косвенных фактов, автор предполагает, что обустройство и заселение происходило за период с конца XVI века до 1604 года. Запустили же они с 1612 по 1619 год, и зафиксированы в переписях пустошами, что были сельцом и деревнями.

Деревня Сторожевая была устроена на р. Геросим, недалеко от устья ее правого притока речки Апочки. Топоним поселения можно объяснять по-разному: возможно, по располагающейся неподалеку сторожи, или Сторожевого леса, а может статься, по фамилии одного из первопоселенцев – Сторожева Богдана Кузьмича. В деревне было семь дворохозяев: двое до 1615 года переселились в другие станы уезда, двое умерли в 1614-15 годах и трое захвачены татарами в 1614, 1615 и 1619 годах. Во второй половине столетия поселение было возрождено под именем Нижняя Апочка-Сторожевая. Вверх по реке Геросим по левой стороне были основаны еще два поселения – *сельцо Пятницкое*, получившее название по храму во имя Парасковей Нарисаемые Пятницы. Поселение насчитывало 7 помещичьих жилых дворов и один церковный двор священника Степанова Тимофея. Церковь была разорена, часть служилых людей погибла, а остальных с женами и детьми в 1612 и в 1617 годах угнали в плен татары и воровские черкасы; *деревня Бекетова* по имени первопоселенца Михаила Бекетова в четыре двора, жители которой были захвачены татарами в 1612 году. Старые населенные пункты также были воссозданы во второй половине XVII века с теми же названиями – Бекетово и Пятницкое-Черкасское. Поместные земли, которые ранее принадлежали помещикам сельца, достались приезжим черкасам атамана Фатьяна Донского.

В 1640 году в устье правого притока Оскола речки Стужень основан *починок Рогожников*, единственным хозяином которого был Рогожников Савелий Ермолаевич.

Таким образом, в начальный период заселения в Окологодном стане были основаны четыре поселения: село – 23 двора, сельцо – 8 дворов и две деревни – 11 дворов. К концу первой половины столетия зарегистрированы два поселения – село в 36 жилых дворов и починок в один жилой двор.

Ублинский стан занимал пространство вдоль берегов речки Убля, а также вниз по реке Оскол к его последнему левому притоку речки Котел. Повествуя о ранней стадии заселения стана, как, впрочем, и о населенных пунктах других станов уезда, автор вновь (учитывая отсутствие конкретных архивных материалов) вынужден прибегать к гипотезе, правда, на основе анализа немногочисленных фактов.

Деревня Подгорная Поляна-Сорокино на правом берегу Оскола и по правую сторону склона, выступающего к реке мыса. В различных документах XVII столетия при описаниях рельефа возвышенности часто назывались «горой». При этом поселения или иные объекты по месту их нахождения именовались «подгорнее» или «горнее». Второй топоним, который со временем стал преобладающим, связан с семейством *Сорокиных* – Иваном Емельяновичем, Дмитрием Емельяновичем и Степаном Емельяновичем. Возможно, название поселения связано с именем Дмитрия Сорокина, потому что в «Дозорной книге» поселение значится Подгорной поляной, хотя первым в списке поселенцев указан Иван Сорокин. Он, вероятно, погиб или умер, наследников не было, и поместье перешло к Якову Левыкину не позднее 1627 года, а затем к его сыну Ивану Яковлевичу Левыкину. Дмитрий же Емельянович получил поместье при воеводе Иване Еропкине согласно выписи от 8 мая 1628 года. В среде служилых людей уезда, вероятно, слыл человеком уважаемым, участвовал от региона в работе Земского собора, и в «Писцовой книге» 1643 года населенный пункт зафиксирован как «Деревня Погорная Поляна, а Сорокина тож». Позже всех был верстан Степан, а его помещичий двор располагался в соседней деревне Подмокрая Поляна. Что же касается даты основания деревни, то и здесь нет однозначного мнения. Косвенным фактом обустройства поселения до «дозора» может являться смерть первопоселенца Василия Федоровича Прокудина в 1613 году, а также наличие по переписи 1615 года за вдовою Ивана Мишустина Февроньей с сыном Владимиром помещичьего и крестьянского двора. Всего же было зарегистрировано пять дворов – четыре помещичьих и один крестьянский. До середины столетия происходили колебания численности дворов, в основном за счет крестьянских и бобыльских. Однако по последней переписи в деревне шесть дворов – пять помещичьих и один бобыльский.

Починок Подкопаев, принадлежавший Мартыну Максимовичу Подкопаеву, располагался по левую сторону мыса, как бы на острове между ериком и основным руслом реки. Основан починок при воеводе Григории Давыдове в 1615 году, прекратил свое существование до 1628 года.

Деревня Помокрая Поляна – поселение на правом берегу р. Оскол рядом с деревней Сорокино у затона и «мокрого» луга. Географическое положение деревни определяло ее название. Какого-либо даже косвенного факта, который указывал бы на дату основания, в писцовых материалах не обнаружено, но, несомненно, это произошло раньше 1615 года. Вначале населенный пункт имел в наличии четыре помещичьих двора, а к середине столетия – три.

Деревня Бударная была основана в 1634 году в устье лога Бударный, который вышел из «Большого Городского леса», на правобережье Оскола напротив устья речки Убля. Поселение насчитывало три помещичьих двора и во второй половине XVII века прекратило свое существование.

Сельцо Ублинское-Никольское располагалось в устье речки Убля, что, вероятно, и определило его название. Второе же связано с храмом во имя святого Николая Чудотворца. Возможно, поселение ранее было зафиксировано почином, ибо первопоселенец Савва Лукьянович Фефилов получил поместье по царской грамоте за подписью дьяка Герасима Мартемьянова в 120 (1611/12) году, а Никольская же церковь в «Дозорной книге» 1615 года отмечена как «ставлена новью». Таким образом, по начальной переписи в наличии один помещичий жилой двор и четыре двора священнослужителей. В последующие десятилетия происходила как прибыль, так и убыль населения. Сельцо уже значится селом в шесть дворов – три помещичьих, два крестьянских и один священнослужителя.

Починок Чернышев под Ублинским лесом – это неопределенное указание о местонахождении поселения. Как, впрочем, и о названии населенного пункта, ибо хозяином помещичьего двора был Яков Леонтьевич Сысоева, но не Чернышев. Можно предположить, что починок располагался между сельцом Никольским и почином Верховым, поскольку в поселении у Белого озера зафиксирована «усада» Якова и часть его поместного надела. В 1633 году во время службы в разъездной станице Я. Сысоев был захвачен татарами. Починок, по

сути, прекратил существование, но фигурировал в переписях как пустошь. В сентябре 1643 года по грамоте из Поместного приказа Тимофею Яковлевичу Сысоеву отошло поместное владение его отца. Вновь поверстанный сын боярский владел двором в селе Никольское и земельными наделами отца – бывшим почином Чернышев и почином Верховой-Крыгин.

Починок Поляна Боровая-Одоевское располагался неподалеку от сельца Никольское между рекой Оскол и речкой Убля. В переписи 1615 года значится только один двор Ивана Афанасьевича Сонины, которого в 1617 году убили «черкасы», а его сына Григория в 1641 году взяли в плен татары. Однако переписи 1626 и 1643 годов утверждают, что в починке был еще один помещичий двор Саввы Одоевского, который в 1618 году выбыл в неизвестном направлении. Его поместье было передано Василию Артемовичу Дашину (Даньшину), а тот скончался в 1621 году. За его малолетними детьми Филимоном и Степаном сохранялось помещичье дворовое место, а поместный надел в 100 чети был разделен поровну. Хотя починок прекратил свое существование, судьба к нему была более благосклонна, чем к некоторым близлежащим поселениям. На его месте был обустроен населенный пункт *Бор*, топоним которого указывает на наличие сонового бора.

Починок Березовый на р. Убля у Березового леска за Савелием Федоровичем Кормазовым. Возможно, семьи у помещика не было, и после его гибели в 1617 году починок запустел.

Деревня Песковатая Поляна на правом берегу речки Убля. Основано поселение в 1634 году «на поле Воротниковой поляны в Ублинском лесу». В названии поселения отмечен часто встречаемый термин «поляна», а также местности расположения деревни – «земля песковатая, худая». До середины столетия в населенном пункте два помещичьих двора и одно дворовое место.

Починок Отводная Поляна-Незнамово в один двор основан в 1639 году Лукьяном Емельяновичем Незнамовым.

Деревня Котово на левобережье р. Убля основана в 1634 году. Топоним поселения не определен. В деревне семь помещичьих дворов.

Починок Подвислый-Чернышев на правом берегу р. Убля под мысом, на котором находился лесной массив – «Вислый лес». Данный

географический фактор и определил название поселения. Со вторым топонимом, вероятно, произошло недоразумение. В «Писцовой книге» отмечено, что в переписи 1615 года «тот починок Подвислый прописан». Дозорная книга Осипа Секирина действительно указывает на наличие починка, но на левобережье ближе к устью с названием Чернышев. Однако принадлежал он Якову Сысоеву. Эта нестыковка исторических материалов в некоторых регионах страны доходила до 30%. При внимательном анализе документов было установлено, что владевшему двором в починке Никифору Никитовичу Татарченкову действительно принадлежала часть поместных земель *Никиты Григорьевича Чернышева*. Вторая же половина его поместья принадлежала Науму Ушакову из сельца Лапыгино, получившего ее в 1632 году. Другая нестыковка связана с фамилией Карманского Семена Артемовича, якобы жителя починка. Но сам помещик, а затем его вдова Прасковья проживали в деревне Курской. Тем не менее, поселение существует и по сей день под названием *Вислое*. Основано оно, вероятно, в 1628 году, имело в 30-е годы семь дворов – четыре помещичьих и три крестьянских, а к середине века пять дворов – четыре помещичьих и один бобыльский.

Деревня Курская «под Ровным лесом на колодезе». Если ранее описанные поселения ориентировочно были связаны с «Городским» и «Ублинским» лесами, то эта деревня открывает связь населенных пунктов стана с «Ровным (Ровеньским)» лесом. Название лесного массива, очевидно, связано с речкой Ровенка (Ровенька) – правый приток р. Убля. В последующих столетиях деревня имела иное название – «Подровное». Что же касается основного топонима, то вполне допустимо, что населенный пункт осваивали выходцы из Курского уезда. Сама же деревня располагалась на правом берегу большой протяженности лога Ржавец с одноименным ручьем. Термин «ржавый» довольно часто встречается в описаниях, указывая, вероятно, на прозрачность воды. Дата основания поселения не выявлена, но это произошло до 1615 года, хотя бы потому, что упомянутый ранее Семен Корманской получил поместный надел своего брата. В начальный период деревня насчитывала 4 двора, а к середине века 21 двор – 19 помещичьих и 2 бобыльских.

При работе с писцовыми материалами автор обратил внимание на наличие в них описаний пустующих поместий или их доли («жере-

бья)), часть которых каким-то образом связана с возникновением того или иного типа поселения. Особенно это касается неопределенного термина «усада». Например, в деревне Курской проживал Бочаров Семен Иванович, который получил поместный надел в 60 га. Часть этого надела – «усада» располагалась в устье лога Ржавец «под Ублинским лесом вверх речки Убли». В 1623 году Семен погиб в стычке с татарами. Однако по переписям 1627, 1643 и 1646 года эта часть Семеновского поместья была зарегистрирована за его сыном Бочаровым Еремеем Семеновичем. Позднее на месте надела возникло поселение *Бочаровка*. Вполне возможно, что мы имеем дело с прототипом, получившим широкое распространение с XVIII века, населенного пункта – *хутом*.

Сельцо Лапыгино располагалось выше и левее деревни Курской под Ровным лесом. До 1615 года в поселении проживало пять помещиков – Иван Коханов, Иуда Анисимов, Евдоким Редькин, Клементий Куприянов и Степан Лапыгин. Последний был старшим, судя по количеству надельной земли, и, очевидно, поселение зафиксировано по его фамилии – *деревня Лапыгина*. Из перечисленного списка дворохозяев к 1615 году остались трое первых, при этом в «Дозорной книге» вместо Ивана значится его сын Максим. После смерти Анисимова и Редькина Максим Иванович Коханов стал старшим, при нем была возведена церковь во имя Василия Кесарийского, возможно, в 1627-28 году, а деревня зафиксирована сельцом. К середине XVII века в поселении 10 дворов – семь помещичьих, два священнослужителей и один бобыльский.

Деревня Кладовая под Ровным лесом вверх по левой стороне лога Ржавец. Бытует версия, что название поселения связано с первопоселенцем по фамилии Кладов. Однако автор склонен к другому варианту, который связан с термином «кладезь» – родник или ручей, речушка родникового происхождения, поскольку деревня располагалась на «отвершке» ближе к истоку Ржавца. К тому же в регионе и поныне существует ряд поселений, где в топониме доминирует данный географический фактор. Дата основания населенного пункта так же оказалась в зоне нестыковок писцовых материалов, но косвенно подтверждающих заселение деревни до 1615 года. «Дозорная книга» утверждает о наличии в Кладовой двух владельцев дворов – Козловского Григория Петровича и Кондаурова Гордея Гавриловича. Дети

Козловского унаследовали поместье отца, но часть надела отошла в 1636 году к Ивану Щербинину, ибо Григорий незаконно владел поместьем своего брата Мартына Петровича. Дети Кондаурова также владели поместьем отца, но помещику Степану Ивановичу Дуракову отошел надел Улана Гавриловича Кондаурова. Старший брат Степана Меркул Иванович Дураков, ссылаясь на перечневый список Осипа Секирина, утверждает, что владеет старым своим поместьем. О том же говорят Петр Дементьевич Кладов и его племянник Иван, получивший поместье своего отца Семена Дементьевича Кладова. В «Писцовой книге» 1643 года фигурирует житель деревни Емельян Артемович Мишуров, который, как и многие, отмечает наличие поместья, доставшееся ему от отца. К середине столетия в поселении насчитывалось девять жилых дворов.

Деревня Роговая в Ровном лесу «запустела от татарские войны» в 1612-14 годах. В названии деревни четко прослеживается географический фактор – «рог» (овраг). В регионе несколько поселений с характерным признаком местности. Один из старейших населенных пунктов Ублинского стана вначале насчитывал 11 дворов детей боярских. В 1607 году «сошли безвестно» четверо помещиков с семьями. Четверо были захвачены татарами в 1612-14 годах, а остальные переселились в другие станы уезда. В этом районе позднее были обустроены три одноименных поселения – Старое Роговое, Новое Роговое и Роговое на Геросиме.

Починок Прилепы в Ровном лесу основан осенью 1627 года рядом с бывшей деревней Роговая. При описаниях поселений, земельных наделов и иных объектов территории в материалах семнадцатого столетия обязательно использовались ориентиры. В частности, при нахождении малого предмета у объекта большего объема употреблялся термин «присынок», а для близлежащего – «прилепы». По мнению автора, починок Прилепы стал впоследствии деревней Новая Роговая. К середине столетия в поселении три жилых помещичьих двора.

Починок Верховой-Крыгин был основан в верховье лога Пониновец, который простирался до реки Оскол к устью речки Котел. Починок открывает связь по местоположению ряда поселений с логом и Котельским лесом. Его двойной топоним несложно объяснить, ибо находился починок в верховье лога, а единственным его поселенцем

был Крыгин Парфен Петрович. Необходимо отметить еще один естественный ориентир – большое Белое озеро, очевидно, карстового происхождения. На берегу этого озера обустроил двор Парфен Крыгин, а затем Григорий Бесхмельницын. После их кончины в починке проживали сын Парфена Кузьма и вдова Григория Ульяна с двумя детьми.

Починок Русанов основан в 1622 году также у Белого озера, где возвел двор Ждан Русанов и трое его сыновей – два Ивана и Савелий. В 1641 году отмечено наличие дворовых мест помещиков Глатких, Коротких, Есиповых, Митрофановых, Шакаловых. Во второй половине столетия два починка вокруг Белого озера – Крыгин и Русанов – слились в одно поселение – *деревню Озеро*.

Деревня Яблоновая-Меньшая Поляна (Черниково) располагалась на Яблоновой поляне под Котельским лесом вниз по логу Пониковоц. По «Дозорной книге» в поселении зарегистрировано шесть дворов – четыре помещичьих и два бобыльских. При анализе писцовых материалов автор обратил внимание, что при описании надельных земель имеются ссылки 1604 года о работе в Оскольском уезде писца Юрия Ловчикова и подьячего Афанасия Лебедева. Первыми поселенцами были Иван Черников, Петр Фефилов, Илларион Игнатов и Селиван Бесхмельницын, последний получил поместье Степана Ивановича Тучкова. Вполне вероятно, что Селиван был связан какими-то родственными отношениями с Григорием Бесхмельницыным из починка Верховой-Крыгин, владения которого отмечены межевыми знаками писца Василия Сараева и подьячего Ивана Борисова, очевидно, более раннего происхождения. Что же касается топонима *Черниково*, который со второй половины столетия стал основным, то он связан с фамилией Черникова Иван Ивановича и его рода. К середине века в поселении 6 жилых дворов – 5 помещичьих и один крестьянский.

Деревня Выползова находилась в низовьях лога Пониковоц. Со стороны Котельского леса пролегал отвершек Ржавец с ручьем Ржавец. В верховье этого отвершка располагалась деревня. В начальной переписи ее так и именовали – «деревня на Ржавом» или «деревня под Котельским лесом». Поселение насчитывало четыре двора, но в 1617 году было разорено. Далее оно фиксировалось как «Починок, что была деревня Выползова» или «Пустошь, что была деревня Вы-

ползова». Когда возник устоявшийся топоним и что он означает неизвестно, хотя в регионе встречались поселения с таким же названием и схожими признаками местности. Поместные земли и дворовые места в деревне отошли в основном детям первопоселенцев, но жилые дворы стали обустраивать только со второй половины столетия.

Починок Болоцкий на реке Оскол в устье речки Котел зарегистрирован за Игнатом Тимофеевичем Болоцким, а затем за его детьми Андреем и Борисом.

Починок Елистратовский располагался вниз по течению Оскола «меж Живого и Гнилого Котла». В нем значатся четыре помещичьих двора. В перечневом списке Осипа Секирина первым отмечен Елистрат Трофимович Колесников, имя которого, возможно, стало топонимом поселения. К середине столетия в починке по-прежнему четыре двора, в двух из которых проживали дети первопоселенцев, в том числе и Елистрата Колесникова.

Подводя итог по Ублинскому стану, следует предположить, что основная масса поселений была обустроена до первой переписи 1615 года: одно сельцо, семь деревень и семь починков, а в них 36 дворов служилых людей. К середине столетия в стане 17 населенных пунктов: село – 1, сельцо – 1, деревень – 8, починков – 7, но уже 80 единиц жилых помещичьих дворов. Необходимо отметить наличие трех дворов священнослужителей и десяти крестьянских.

Чуфичевский стан назван по водотоку – правому притоку реки Оскол речки Чуфичевка, устье которой находилось напротив левого притока речки Котел. Однако поселения стана были тесно привязаны к лесным массивам – Чуфичевскому, Городскому, Истобному, Околенскому, Юшковым бояракам.

Деревня Нижняя Атаманская «на реке на Осколе и на устье речки Чуфичевки под Большим Городским лесом». В устье над рекой Оскол возвышался меловой мыс, который в источниках именовался «Подолом». На левой стороне мыса под «горним» Городским лесом размещались восемь дворов станичных атаманов. Военно-служилый термин – «атаман» и расположение поселения определили основной топоним деревни. К середине столетия зафиксировано 15 дворов – 10 атаманских, один помещичий и 4 бобыльских.

Деревня Верхняя Атаманская располагалась на левобережье речки Чуфичевка, но вверх по течению под Большим Городским лесом.

В поселении обустроили двory двенадцать станичных атаманов. Название деревни определили те же признаки, что и первой. Заселялись оба поселения, по мнению автора, со времени основания города, ибо разбросанные земельные угодья использовались совместно с вожами, и некоторые служилые люди покинули уезд еще в «смутное время». К середине века в деревне 20 дворов – 10 атаманских, 2 помещичьих и 8 крестьянских.

Село Нижнее Чуфичево-Архангельское помещалось на правобережье Чуфичевки у ее устья. Заселение происходило, так сказать, по классическому типу. Сыну боярскому в Приказе на поместье выдавалась «Государева ввозная грамота» за подписью приказного дьяка, а на месте по указу воеводы производился отвод земельного надела и определялось дворовое место в поселении. Самые ранние по времени грамоты обозначены маем 1613 и июнем 1614 года. В «Дозорной книге» зафиксировано 14 дворов, и поселение считается селом, хотя никакого храма не отмечено. В 1616 году была возведена деревянная церковь во имя Архангела Михаила, но в более поздних источниках она почему-то значится церковным собором. Кроме того, именуется поселение как «Село Архангельское, что было сельцо Ряполово, а Розщупкино и Нижнее Чуфичево тож». В перечне Осипа Секирина обозначены двое помещиков Ряполовых и двое Рощупкиных, один из которых – Григорий Рощупкин – участвовал в отводе 1624 года при воеводе Данииле Яблочкове. Однако устойчивым оказался топоним Нижнее Чуфичево, где доминантным был географический фактор. К середине столетия в селе 34 двора – 21 помещичий, 11 крестьянских и два двора священнослужителей.

Село Верхнее Чуфичево-Никольское помещалось также на правом берегу речки напротив деревни Верхняя Атаманская. В поселении храм во имя Великого Чудотворца Николы и четыре двора священнослужителей. Автор связывает заселение населенного пункта со временем вхождения на престол Михаила Федоровича Романова. Например, хозяин двора Рогинин Тимофей Андреевич имел в разных местах уезда надельные земли, а право на их владение определено царской грамотой 1613 года при воеводе Григории Довыдове. За почти сорокалетний период проходила смена поколений, прибытие и убытие владельцев, но численность дворов в поселении оставалась в пределах 20 единиц.

Починок Сорокодумов располагался вверх по течению р. Чуфичевки, в нем обустроил двор Сорокодумов Филимон Клементьевич. В 1616 году Филимон скончался, не оставив наследников. С 1621 года в починке новые жильцы, а к концу сороковых годов уже в *деревне* Сорокодумова пять владельцев поместий в трех дворах. Однако остается много вопросов о времени заселения. В частности, в «Писцовой книге» 1643 года всплыла фамилия Ремизова Василия Лукьяновича – стрелецкого сотника, который, вероятно, владел не только земельным наделом, но и двором в поселении. Часть владений Василия отошла к Даниилу Дюкареву, а затем к Андрею Каширину. Зять Андрея Бурцев Иван Фролович владел поместьем своего тестя и имел двор в деревне. В перечневом списке стрелецким сотником значится Иван Прокудин, но при описании земельных площадей стрельцов и пушкарей имеется свидетельство о самовольном использовании 50-ти гектаров надела под Ровным лесом стрелецкого сотника Василия Ремизова и подьячего Алексея Малахова. По свидетельству писцовых же описаний, Василий Ремизов «в смутное время, покиня то поместье, с Оскола сшел, а Данилу Дюкореву во 125-м году убили черкасы».

Деревня Великий Перевоз располагалась на правом берегу реки Оскол в устье лога, верховье которого упиралось в Долгую поляну. Из района поляны с множеством мелко врезанных оврагов («боярки») к долинам рек Оскол, Чуфичевка, Дубенка уходили «верхи с отвершками» (лога) и некоторые с «колодезями» (ручьями, речушками). Основные леса для хозяйственных нужд – Истобной и Околенский. Название «Великий Перевоз» окончательно не определено. Термин «перевоз», несомненно, означает переправу через водную преграду, с ним постоянно встречаешься при работе с архивным материалом. Однако описаний систем переправ автор так и не обнаружил. Тем не менее, в писцовых книгах четко обозначен ориентир – «деревня Великий Перевоз на реке на Осколе против Великого Перевозу». Заселение проходило поэтапно, вероятно, со времен правления Бориса Годунова. Мы исходили от объема обработанной земли: из пяти владельцев поместий только у одного пашня составляла 2,5 га, у остальных она не превышала 0,16 га, а Родион Юрин-Куколов, получивший «ввозную грамоту» в 1613 году, вообще не имел своей пашни. К середине столетия в деревне восемь помещичьих дворов.

Деревня Казачья Прость находилась на правом берегу Оскола вниз по течению от деревни Великий Перевоз. Предельно ясного ориентира в материалах не указано – «под Истобным лесом на реке на Осколе у Сторожевого колодезя». Просматривая топографические карты разных времен, межевые книги и иные материалы, обращаешь внимание на своеобразии ландшафта. Долина Оскола в этом районе имеет серповидный вид с высоким правым берегом, который прорезают лога и овраги. В долине Подгорное озеро, из середины которого выходил (входил) проток в реку Оскол, а ее основное русло находилось ближе к левому берегу. Термин «Сторожевой колодезь» объясняется образованным в этом районе сторожевым пунктом – «четвертая сторожа на Казачей Прости по другу сторону Оскола с крымской стороны, от города 15 верст». Однако все наши усилия так и не позволили найти объяснение названию деревни. Каких-либо признаков автор не обнаружил ни на правом берегу «с крымской стороны», ни на левом берегу «за рекой за Большим Осколом на ногайской стороне». Нет ясности и по дате основания поселения. В списке 1615 года указаны шесть помещичьих дворов. Два из них принадлежали Рогинину Тимофею Андреевичу и Котеневу Роману Полуэктовичу, которые получили поместья по царской грамоте 1613 года. Тем не менее, обработанной земли за Тимофеем 0,125 га, а за Романом – 0,06 га, тогда как за четырьмя другими пашни от полутора до трех гектаров. Еще одно замечание касается Федора Афанасьевича Губина. В Дубенском стане зафиксирован починок Ивана Афанасьевича Губина. С большой долей вероятности можно утверждать, что это братья. Один из жителей починка Михаил Григорьевич Селин при опросе отметил, что «здал ему то поместье сын боярской Иван Офонасьев сын Губин в прошлом во 112(1604)-ом году при царе Борисе, а ему, Михаилу, с тово своиво поместья Государю, Царю и Великому Князю Всеа Русии службу служить». В середине столетия в деревне по-прежнему шесть дворов.

Починок Сенков основал в 1613 году Богдан Кузьмич Сторожев из разоренной деревни Сторожевой Окологородного стана «на колодезе на Сенкове, на озере у реки Оскола». К середине столетия в починке два двора детей Богдана Сторожева.

Починок Токмачева основан до 1627 года Токмачевым Иваном Михайловичем, а с 1632 года к нему присоединился Федос Севостьянов. В поселении три двора – два помещичьих и один крестьянский.

Деревня Чмутово основана в 1633 в лощине между деревнями Великий Перевоз и Казачья Прость «против Чмутова озера от реки Оскола в Истобном лесу». В поселении девять помещичьих дворов.

Починок Правороть-Ладыгин основал в 1613-14 году Радион Петрович *Ладыгин при повороте* вершины лога к Валуйской дороге и Чуфичевскому логу. Починок зафиксирован только в «Дозорной книге», а в остальных переписях не упоминался.

Починок Монаков основал, вероятно, не раньше 1613 года Лукьян Семенович Монаков в верховье лога, идущего к речке Чуфичевка. Начало лога у Долгой поляны, а ниже в восточном направлении отходил отвершек, в верховье которого (в источнике назван островом) расположился двор семейства Монаковых. Лукьян Семенович, очевидно, имел младшего брата Герасима, ибо к середине столетия в двух дворах починка проживали Ненаш Лукьянович и трое его племянников – Владимир, Марк и Сидор – дети Герасима Монакова.

Деревня Прокудина в Долгой Поляне основана Иваном Михайловичем Прокудиным, очевидно, в 1604 году. В «Дозорной книге» Иван Михайлович обозначен стрелецким сотником с «дачей» в 200 четвертей и добавлением в поместный оклад еще двухсот четвертей. При этом отмечено, что «на то поместье положить выпись с писцовых книг Афанасия Лебедева 112(1604)-го году». В деревне три двора – Ивана, его брата Василия и бобыля Дружины Иванова. К середине столетия в поселении 7 дворов – три помещичьих и четыре крестьянских.

Деревня Котенева-Долгая Поляна – двойной топоним поселения постараемся объяснить. Из восьми дворов деревни списка Осипа Секирина один принадлежал Котеневу Никите Клементьевичу, в связи с чем можно предположить, что первый топоним образован от фамилии поселенца. В другом названии, ставшим основным на столетия, несомненно, отражен географический фактор. Ранее уже говорилось о том, что от Долгой поляны в разных направлениях к долинам рек тянулись несколько логов. К долине р. Дубенка пролегал лог Пониковец с множеством ответвлений, а в его верховье находилась деревня Прокудина. Искомое же поселение располагалось по левой сторо-

не лога у ответвления в сторону Чуфичевского лога на окраине Долгой поляны. В писцовых материалах указаний о возможной дате основания населенного пункта не обнаружено, но можно предположить, что это случилось раньше 1615 года, если судить по объемам распаханых земель – от 0,16 га до 5-6 га. К середине столетия в деревне девять дворов – семь жилых помещичьих дворов и 2 двора бобылей.

Починок Сопрыкин основан Анцифером Ивановичем Сопрыкиным на правой стороне лога Пониковец недалеко от деревни Прокудина. Вполне вероятно, что поместье и дворовое место Анциферу Ивановичу было определено до 1615 года, но ввозная грамота датирована 22-м августа 1623 года. К середине столетия в поселении помещичий двор и двор бобыля.

Починок Околенский за Дорофеем Пахомовичем Копначевым в Околенском лесу на Захарове поляне и на левой стороне лога Пониковец недалеко от деревни Долгая Поляна. Основан он в 1613 году по грамоте царя Михаила Федоровича за подписью приказного дьяка Герасима Мортимьянова. По «Переписной книге» 1646 года в починке двор сына помещика Митрофана Дорофеевича Копначева.

В Чуфичевском стане 1615 года зафиксировано наличие 13 поселений: село – 1, деревень – 7, починков – 5. По дворовому числу: 55 помещичьих дворов, 20 дворов станичных атаманов, 4 двора священнослужителей и один двор бобыля, всего 80 дворов. По обобщенным сведениям переписей, к середине столетия в стане 15 поселений: сел – 2, деревень – 8, починков – 5. По дворовому числу: помещичьих дворов – 77, дворов станичных атаманов – 20; двор помещичьего казацкого есаула, три двора священнослужителей, крестьянских дворов – 22, бобыльских дворов – 11, всего 134 двора.

Дубенский стан назван по правому притоку реки Оскол речке Дубенка, по берегам которой произрастали Околенский и Дубенский леса, а в верховье – лес Юшковы бояраки.

Деревня Полянка Руская Пlesa - Коростовая и Лощина тож располагалась на левобережье Дубенки на реке Оскол. Термин «плесо» означал прямой и широкий участок реки со спокойным течением, а также прибрежную площадь земель вдоль реки. В описаниях левобережье Оскола именовали «нагайской стороной», а правобережье «крымской стороной», но иногда «русской». Кроме того, русла рек

при впадении в Оскол обладали не одним притоком. Например, речка Убля имела приток «Гнилая Убля», Котел – «Гнилой Котел», Дубенка – «Гнилая Дубна». От района у деревни Казачья Прость и почти до устья Дубенки участок Оскола относительно прямой со спокойным течением, на правом берегу и размещалось искомое поселение. Однако в названии деревни укрепился термин «Коростово», более или менее внятного объяснения которого автор не нашел. В «дозоре» отмечено наличие трех помещичьих дворов. При описании поместных окладов Козюлькина Никиты Тимофеевича и Анофриева Наума Васильевича вновь всплывает имя оскольского воеводы 1614-15 годов Григория Никифоровича Довыдова. В материалах «Писцовой книги» 1643 года при описании пустоши деревни Роговая Ублинского стана отмечено, что Никита Козюлкин и Наум Анофриев переселились в деревню Русская Поляна Дубенского стана в 1613-14 году. К середине столетия в поселении пять дворов – четыре помещичьих и один бобыльский.

Починок Окольная Поляна – Бекетов на левобережье Дубенки «в Окольной поляне под Околенским лесом», основателем которого был Михаил Осипович Бекетов в 1613/14 году. К середине века в поселении три двора.

Починок Беляев располагался на левобережье между деревней Русское плесо Дубенского стана и починком Токмачева Чуфичевского стана. Его основал в 1636 году Беляев Иван Киреевич.

Село Егорьевское -Успенское размещалось в устье лога Пониковец на левобережье Дубенки. В «Писцовой книге» поселение именовалось также село Дубенское-Большая Поляна. До 1615 года был возведен храм во имя «Стратотерпца Христова Егоргия», вероятно, усилиями священника Ильи Павлова с прихожанами. Прихожанами же Дубенского стана во главе со священником Михаилом Григорьевым была устроена церковь Успения Пресвятой Богородицы с Егорьевским приделом. По первой переписи в селе двенадцать помещичьих дворов и четыре двора священнослужителей. Объем обработанных земель трех помещиков составил от 7 до 9 га, что предполагает основание поселения до «смутного времени». К середине столетия в селе 15 дворов.

Починок Ендовище располагался на левом берегу р. Дубна вверх по течению от села Успенское. По терминологии семнадцатого века

«ендовище» означало впалую поляну или луговину, обширную плоскую впадину. В починке три двора помещиков. Объем пашни в пределах 6-7 гектаров, что также предполагает устройство поселения в начальный период заселения края.

Починок Сапрыкин находился на правом берегу реки Дубенка, напротив починка Ендовище. В Чуфичевском стане в верхове лога Пониковоц также зафиксирован одноименный починок, но назван он по имени Сапрыкина Анцифера Ивановича, тогда как в искомом поселении первопоселенец Сапрыкин Иван Филиппович. Возможно, между ними существовала родственная связь. В «Дозорной книге» отмечено наличие выписи воеводы Григория Давыдова, а также писца Юрия Ловчикова. В поселении два двора, второй за Головиным Андросом Петровичем. К середине столетия оба поселения фиксируются как одно – починок Ендовище-Сапрыкин в пять дворов и семнадцать дворовых мест.

Деревня Дурнева располагалась на правом берегу Дубенки вниз по течению от починка Сапрыкин меж двух логов. Основал поселение Иван Дурнев. По переписи 1615 года в деревне пять дворов, но только Дурнев Федор Иванович имел около полутора гектаров пашни. Однако в «Писцовой книге» 1643 года братья Нифонт и Григорий Дурневы утверждали, что получили поместье своего отца Ивана. Возможно, писцы или автор в свое время допустили ошибку. К тому же за братьями числились три двора крестьян, 7,5 га помещичьей и крестьянской пашни и 11,5 га перелога. К середине столетия в деревне шесть дворов.

Починок Губин основал до 1604 года Иван Афанасьевич Губин. По выписи оскольского воеводы Наумова Андрея Федоровича (управлял городом и уездом с октября 1619 г. по март 1621 г.) от 8 февраля 1620 года половина починка была отписана за Улыбышевым Никифором Степановичем. Очевидно, с этого времени поселение стало именоваться *деревня Губина-Улыбышева*. По первой переписи в починке пять дворов, а к середине столетия в деревне четыре двора.

Деревня Молахова-Большая Поляна на правом берегу Дубенки напротив села Успенского. Основали поселение братья Молаховы – Азар и Карп Яковлевичи по ввозной царской грамоте за подписью приказного дьяка Третьяка Корсакова от 23 июля 1623 года. К середине столетия в поселении четыре двора.

Деревня Комаревцева располагалась на правом берегу речки Дубенка вниз по течению от деревни Малахова. Топоним не определен, с фамилией Комаревцева автор столкнулся только однажды во время работы с материалами «Переписной книги» 1646 года. В переписи обозначен двор сына боярского Комаревцева Андрея Григорьевича, который поселился в деревне Сорокино Чуфичевского стана после 1643 года. Однако искомая деревня не могла быть основана позднее 1614 года. В начальной переписи в поселении четыре двора, а к середине столетия одиннадцать дворов – шесть помещичьих, а также пять крестьянских и бобыльских.

В Дубенском стане по переписи 1615 года зафиксировано восемь поселений: одно село, три деревни, четыре починка, итого в них 34 помещичьих двора. По данным середины столетия, в стане 9 населенных пунктов: село, пять деревень, три починка и 56 дворов – 49 помещичьих, по три крестьянских и бобыльских, один церковный двор.

Орлицкий стан – эта южная административно-территориальная единица Оскольского уезда названа по правому притоку р. Оскол речке Орлик. Кроме нее, южнее в Оскол впадали р. Ольшанка, р. Холань и пограничный приток р. Холок. С 1635-36 гг. началось строительство участка Белгородской засечной черты, а в конце 30-х – 40-х годов на «линии» были устроены города-крепости с уездами – Усерд и Царев-Алексеев, которые перекрывали Кальмиусскую сакму, а Яблонев и Короча – Изюмскую сакму. Участок Белгородской черты находился в зоне влияния Оскольского уезда, а оскольские служилые люди принимали непосредственное участие в обустройстве засечной линии. Естественно, что грандиозное строительство сказалось и на заселении края.

Деревня Сараева Поляна-Завалишина – поселение на левобережье Орлика у реки Оскол. По мнению автора, название Сараева Поляна связана с именем писца Василия Сараева, а другой топоним с именем первопоселенца Завалишина Софона Семеновича. Эти фамилии дают основание предполагать, что деревня основана в первые годы заселения края. Возможно, ранее было несколько дворов, если в переписи 1615 года указан тип поселения – деревня при наличии всего одного жителя, имеющего, к тому же, около восьми гектаров обработанной

земли. К середине столетия в деревне двор детей Софона Семеновича – Емельяна, Василия и Никиты.

Село Яблоновое располагалось на правом берегу р. Орлик «на Яблоновой поляне». В 1615 году прихожанами во главе со священником Саввою Филипповым была возведена Воскресенская церковь с пределом во имя Николая Чудотворца. В поселении 21 жилой двор – семнадцать помещичьих и четыре двора священнослужителей. Основано поселение, вероятно, до «смутного времени». В писцовых материалах есть свидетельство о некоем Гавриле Шпиневе, который в 1607 году взял поместье, но не заселился, а сошел в Орел. К середине столетия в селе 32 двора – 29 помещичьих, два крестьянских и двор священника.

Починок Фатеев-Алпеев находился на правом берегу р. Орлик вверх по течению от села Яблоновое и основан до 1615 года. Первый топоним связан с первопоселенцем Фатеем Логвиновичем Сотниковым, а второй с Никитой Даниловичем Алпеевым. В перечневом списке Осипа Секирина в починке три двора, а к середине столетия пять помещичьих дворов.

Деревня Хмелевая располагалась выше Алпеевского починка на правом берегу Орлика «на Хмелевой поляне у Хмелевого леска». Самая ранняя ввозная грамота Михаила Федоровича за подписью приказного дьяка Герасима Мартемьянова датирована 23 апреля 1613 года. В 1630/31 году прихожанами во главе со священником Иваном Ивановым была возведена Пятницкая церковь с пределом Василия Кесарийского. Поселение стало именоваться *селом*, но по-прежнему *Хмелевое*. В деревне насчитывалось семь помещичьих дворов, а в селе к середине столетия шестнадцать дворов: одиннадцать помещичьих, четыре бобыльских и один церковный двор.

Деревня Волкова размещалась также на правом берегу выше Хмелевого. В названии поселения отражена, вероятно, фамилия поселенца Волкова Андрея Григорьевича. Заселялось поселение, возможно, с начала столетия поэтапно, в Писцовой книге переписчики именовали деревню Приезжей поляной. К тому же, у пяти владельцев к 1615 году объем обработанной земли составлял от 3-х до 6-ти гектаров. В поселении две вдовы с малолетними детьми и пасынками. В списке Осипа Секирина 14 дворов, а в Переписной книге Афанасия Боборыкина – 26 дворов.

Деревня Копцова была основана в 1633 году на левобережье Орлика. Напротив деревни Волкова в реку впадал лог, а в его верховье напротив починка Сопрыкин на Дубне было обустроено искомое поселение. Топоним поселения не определен, владелец с такой фамилией в деревне не упомянут. Только однажды некий сын боярский Михаил Копцов участвовал в досмотре новых земель помещика ФEFIлова Саввы Лукьяновича из села Никольское Ублинского стана по ввозной грамоте от 5 февраля 1643 года. Всего в деревне четыре двора.

Починок Мокрищев – данное поселение располагалось в устье р. Ольшанка «на Мокрищевой поляне», что и обусловило название починка. Основал его, очевидно, в 1614 году Романов Артем Андреевич, а с конца 20-х годов в нем обосновался Симонов Афанасий Никитич.

Деревня Ольшанец была основана, вероятно, в начальный период царствования Михаила Федоровича. Находилось поселение на правом берегу р. Ольшанка в устье лога в 3-4 километрах от реки Оскол. После 1616 года стала именоваться *деревней Нижней Ольшаницей*. По списку Осипа Секирина, в деревне девять дворов, а к середине столетия десять помещичьих дворов и двор бобыля.

Починок Подымов располагался на левом берегу Ольшанки под Орлицким лесом. Заселен починок «после письма и дозору Осипа Секирина», по-видимому, в 1617 году. Название поселения связано с фамилией Подымова. Хотя в списке жителей поселения данной фамилии нет, но в «Писцовой книге» 1643 года зарегистрирован починок без двух жеребьев, «а те жеребии писаны в деревне Яблонове за Федором Драниным и Ларею Подымовым». Действительно, среди жителей села Яблоновое упоминается фамилия Иллариона Беляевича Подымова. Часть поместного надела (жеребий) на месте починка ранее принадлежала его погибшему или умершему отцу Беляю, а затем отошла к Тимофею Рогинину в 1613 году. После смерти Тимофея в 1617 году поместье было закреплено за Илларионом – «а на иво жеребей место дворовое помещиково подле Ондрушки Овсянникова». Всего в починке семь помещичьих дворов.

Деревня Верхняя Ольшаница расположилась на правом берегу речки Ольшанка вверх по течению от деревни Нижняя Ольшаница. Данный фактор лег в основу названия поселения. В писцовых мате-

риалах дата основания поселения заключена в сложно объяснимой фразе «стала после письма и дозору Осипа Секирина». В 1643 году в поселении семь дворов детей боярских, в поместьях которых отмечена «деревня без трех жеребьев, а те жеребьи писаны в селе, что была деревня Хмелевая, за Ивашком да за Михалком Савенковыми, да в деревне Нижней Альшанице за Игнатом з братьями Грязново, да в порозжих землях». Поселение имело и другое название – «Савенков починок тож». Однако Иван и Михаил Савенковы владели помещьем своего отца Митрофана, в том числе его долей деревни Верхней Ольшаницы. Можно предположить, что поселение возникло после 1616 года.

Починок Терновой основан в 1634 году на левом берегу Ольшанки «в Терновой поляне». К концу столетия в поселении три помещичьих двора.

Деревня Огибная Поляна была основана в 1641 году па левобережье Ольшанки. Река на западе имела два истока, которые в 2-3 километрах выше деревни Верхняя Ольшаница соединились в единое русло. К северному истоку проходил лог, у разветвленного верховья которого на поляне по конец Орлицкого леса обосновалась деревня. К середине столетия в ней 19 помещичьих дворов.

Деревня Холань обосновалась «на реке на Осколе и на усть речки Холани». В 1615 году по грамоте митрополита Сорского и Подонского Ионны священник Филипп Федоров с помещиками деревни возвел церковь во имя Афанасия и Кирилла, и поселение стало именоваться *селом Холань-Афанасьевское*. Однако в названии поселения закрепился географический топоним. Самая ранняя ввозная царская грамота датируется 1614-м годом. По списку Осипа Секирина в деревне одиннадцать дворов, а к середине столетия – 21 помещичий двор и двор священника.

Деревня Ковыльная основана вверх по течению р. Холань в то же время, что и одноименная деревня. В названии поселения наличествует географический фактор, другой топоним – «а Поляна тож». В 1615 году в деревне четыре двора, а по данным 1646 года – десять жилых дворов.

Деревня Прилеты основана после 1615 года верх по течению речки от деревни Ковыльная. Топоним не определен, возможно, привя-

зан к какому-то ориентиру. К середине столетия в поселении 18 помещичьих дворов.

Сельцо Голубино располагалось на правом берегу реки Оскол вниз по течению от устья речки Холок. Названо поселение по Голубинскому лесу с левой стороны сельца, не исключен и противоположный вариант. Устройство поселения совершилось, вероятно, до «смутного времени». В «Дозорной книге» населенный пункт именуется и селом, и сельцом. Однако нет ни единого намека на церковь и дворы или дворовые места священнослужителей, которые фиксировались до 1615 года. При описании надельных земель упоминается царь Борис. По первоначальной описи в сельце двадцать три двора.

Починок Тростинец назван по левому притоку Холка речке Тростинец. К владениям Троицкого-Холковского монастыря, основанному в 1619 году (сведения об обители в следующей главе), писцы Владимир Племянников и Михаил Лукин в 1627 году прибавили более 25 гектаров земли и сенные покосы от устья вверх по течению по обе стороны речки Тростинец. Однако в 1639 году эти земли писцы города Яблонов Максим Ладыженский и Михаил Ключеров «отписали и отмежевали от Оскольского уезда к новому городу Яблонову, к починку Тростенцу к поместным землям». Вероятно, более приемлемые сведения о времени возникновения поселения следует искать в материалах соседнего уезда.

Таким образом, в Орлицком стане по переписи 1615 года десять поселений: одно село, одно сельцо, семь деревень и два починка. Жилых дворов в поселениях – девяносто одна единица. К середине же столетия в стане зафиксировано 12 населенных пунктов: 2 села, 6 деревень и 4 починка. Жилых дворов в стане 129 единиц: 122 помещичьих, один крестьянский, 7 дворов бобылей и 2 двора священнослужителей. По царскому указу от 3-го апреля 1644 года к новому городу Яблонов отписаны как старые, так и вновь обустроенные поселения – Холань, Ковыльная, Прилепы, Голубино, Тростинец.

Заселение края во временном диапазоне, по мнению автора, происходило в несколько этапов. Первый связан со временем основания города Оскол и до «смутного времени» – это 1592-1606 годы. В дальнейшем правительство, по сути, теряет контроль над территорией. Поддержка самозванства, непринятие воевод, невыполнение слу-

жебных обязанностей – характерные черты периода «смуты». Второй этап охватывает временной промежуток с 1611-12 года до середины 30-х годов. Он характеризуется установлением контроля правительства над территорией, осуществлением двух «переписей» – Осипа Секирина 1615 года и Владимира Племянникова 1627 года (к сожалению, подлинник второй не обнаружен, но имеются ссылки в последующих писцовых материалах), возникновением новых поселений. Следует отметить также восстановление и упрочение охранной деятельности в крае, налаживание устойчивой связи с центром и соседними регионами. Временной интервал третьего этапа – с середины 30-х годов до середины столетия, – несомненно, связан со строительством Белгородской черты. Начинаются структурные изменения в управлении южным регионом – это первая попытка образования на юге государства административно-территориальной единицы Белгородского разряда и воинского формирования нового типа – Белгородского полка, попытка реформирования налогооблагаемой базы и т.д. Естественно, что все эти преобразования нашли отражение в повседневной жизни Оскольского края. Однако заселение продолжалось. Хотя некоторые поселения были отписаны к новым южным уездам, но наметилась тенденция расширения территории края в других направлениях.

Таким образом, первый этап заселения Оскольского края характерен для многих районов южной окраины России. Он предполагает возведение оборонительных сооружений, обустройство городских и пригородных слобод и выполнение прямых обязательств по охране границ государства. Поэтапно осуществляется формирование и заселение Оскольского уезда. Опираясь на писцовые свидетельства, предполагаю, что до «смутного времени» было основано 19 поселений: четыре в Окологородном стане; четыре в Ублинском стане; пять в Чуфичевском стане; два в Дубенском стане; четыре в Орлицком стане. Из общего числа запустело четыре поселения. На втором этапе появилось 48 поселений, при этом к переписи 1615 года 35 населенных пунктов, а после – 13 поселений. Запустело за этот период семь поселений. Во временном промежутке четвертого этапа всего четыре поселения. И всего в Оскольском уезде в пяти станах по сводной ведомости Осипа Секирина 48 поселений: пять сел, два сельца, двадцать две деревни и девятнадцать починков. К середине же столетия

55 поселений: семь сел, одно сельцо, двадцать семь деревень и двадцать починок. Все-таки по числу населенных пунктов сложно представить плотность заселения.

Как правило, плотность заселения рассчитывается числом жителей на квадратный километр, но четырехсотлетний временной барьер не позволяет однозначно решить эту проблему. Тем не менее, в нашем распоряжении имеются данные о численности жилых дворов, что немаловажно в решении поставленной задачи. Так, средний показатель по типу поселения к 1615 году в Оскольском уезде составил: на село – 18,6 двора, на сельцо – 14,5 двора, на деревню – 5,9 двора, на починок – 1,6 двора. Средний размер поселения – 5,5 двора. К середине столетия больших изменений не произошло: село – 21,5 двора, сельцо – 10 дворов, деревня – 9,3 двора, починок – 2,4 двора. Средний размер поселения – 8,5 двора. Различия между типами поселений Оскольского уезда несколько размыты. Конечно, среди поселений встречаются относительно крупные села, но все же основная масса поселений состояла не более чем из 5–7 дворов. В системе расселения на одно село или сельцо приходится в среднем по 3 деревни и 3 починок. Городские и пригородные же слободы по количеству дворов, несомненно, превосходили сельские поселения (пять городских и четыре пригородных), но не занимаемая слободами территория. Дворовое число в них колебалось от 170 до 7 единиц. Средний показатель населенности – 62,2 двора.

Даже с учетом изменчивой плотности заселения на один квадратный километр приходилась около трети двора. Отсюда необходимо дать объяснение термину «двор», его социальному составу, средней населенности, чем, конечно, займемся в последующих главах работы. Однако вначале необходимо выявить районы прибытия населения в Оскольский край и установить факторы, воздействующие на характер размещения.

В исследованиях по освоению территорий юга России постоянно присутствуют неизменные фразы – «правительственная колонизация» и «народная колонизация». По Оскольскому краю их необходимо наполнить конкретным содержанием. В писцовых материалах свидетельств о точках выхода явно недостаточно. Однако в продвижении населения на южные рубежи государства прослеживается определенная закономерность. Еще в период существования Усть-

Ублинского острожка правительство направляло на охрану границ служилых людей попеременно из разных городов. Так, в 1571 году «на Осколе усть Убли с головою быти людям с Дедилова: детей боярских девять человек, да казаков двадцать человек с Дедилова и с Крапивны, из Данкова детей боярских десять человек, из Новосили детей боярских шесть человек да казаков десять человек, из Мценска детей боярских десять человек, из Орла детей боярских десять человек да казаков двадцать человек, и всего детей боярских сорок шесть человек, да казаков шестьдесят человек, и обоего сто шесть человек»⁷¹. В 1576/77 г. приказано быть «головам и детям боярским» с Тулы, Епифани, Венева, Мценска, Болхова, Одоева, а «казакам быти с Дедилова да с Крапивны»⁷². Летом 1579 г. была открыта Кальмиусская дорога, поменялись станицы, сторожи, головы, но «стояти на Осколе головам усть Убли *тульским станицам*, переменяясь по месяцем»⁷³. Эти тульские станицы собирались в основном из городов Тульской засечной черты и южнее ее. Река Ока берет свое начало на юге, примерно в районе правого истока Сейма Пузатой Семи, и устремляется на север. В районе Калуги поворачивает на восток и впадает в Волгу. На юго-западном участке Оки и ее притоков южнее Тулы были обустроены города-крепости с уездами. Некоторые города, такие как Дедилов, Данков, Лебедянь, возникли в верховьях Дона.

Вернемся к летописным сведениям об оборонительной стратегии Московского царства. Основные направления – «города ставити на поли и в Сивере, и к Астрахани, которая за много лет запустевша от безбожных агарян и от межусобные брани». «Поле» – это южное направление. Первые города после принятия правительством решения в 1584 году – Воронеж, Ливны, Елец. Первый – на Дону, два других – на его правом притоке реке Быстрая Сосна. При этом Сосна берет начало примерно в том же районе, что и Ока, повторяя ее конфигурацию, только южнее. На следующем этапе Оскол, Белгород, Валуйки, при этом Оскол наиболее важен в перекрытии Кальмиусской сакмы. Далее на «линии» Усерд, Яблонов, Короча, Царев-Алексеев (Новый Оскол). «В Сивере» – это юго-западное направление, бывшие северские земли. Здесь следует отметить город Кромы на Оке южнее Орла и Курск на Сейме. «К Астрахани» – это юго-восточное направление, волжский город Самара и Койса на Тереке, названный,

вероятно, по его притоку реке Койса. В летописях соблюдается временная последовательность возведения городов.

На первом этапе заселения Оскольского края в писцовых материалах упомянуты места выхода – Тула, Дедилов, Данков, Орел. На последующих этапах география прихода мигрантов расширена – Болхов, Венев, Мценск, Чернь, Путивль, Новосиль, Лебедянь, Рязань, Ярославль и многие другие. Естественно, служилые люди перемещались также из недавно основанных городов, таких как Кромы и Курск, Воронеж, Ливны и Елец. Основная масса переселенцев направлялась из центральных уездов. С 30-х годов семнадцатого столетия уже оскольские жители переводятся в города на «линии» и за ней. Таким образом, город Оскол и его уезд стал составной частью стратегической оборонной инициативы Московского царства и «правительственной колонизации». Разумеется, не исключается возможность «народной колонизации», но это предыстория. Имеются свидетельства, что в Поосколье и «на Семи» вольно существовали определенные группы населения. В оскольских писцовых материалах упоминаются неизвестные именные названия природных объектов, и даже конкретные ориентиры, например «севрючья изба Агея Голенищева». Однако это эпизоды, и в освоении юга России преобладала «правительственная колонизация».

В целом можно констатировать, что в рассматриваемое время процесс размещения населения как в Оскольском уезде, так и на южной окраине России имел общие черты. Обуславливали систему расселения, по представлению автора, три фактора: служба на основе землепользования, безопасность и экономическая составляющая. Соответствующие центральные органы управления – Приказы распределяли и направляли различные группы служилых людей в определенный район. Властные структуры на местах определяли места заселения, согласуя действия с обязанностями и правами служилого человека той или иной категории. Среди основных прав, несомненно, было предоставление земельного надела. Таким образом, служба на местах играла значительную роль в размещении населения.

Архивные документы сохранили многочисленные свидетельства появления кочевников в рассматриваемом регионе. Служилым людям регулярно приходилось отбивать атаки татар и других «воровских» групп. Результаты их проникновения на территорию уезда

просматриваются и при анализе писцовых материалов. Однако в задачу исследования не входят вопросы истории противодействия оскольчан угрозам извне, которые являлась составной частью их службы, но неразрывно связаны с вопросами внутренней безопасности. При образовании поселений фактор безопасности учитывался как правительством, так и поселенцами, а недобросовестные отношения к данному фактору оборачивались людскими жертвами и материальными потерями. В актовых материалах описание станов и размещение населения с точки зрения безопасности встречаются часто. В наказах воеводам больше говорится о необходимых мерах по обороне города-крепости, но также и о системе мер защиты сельских поселений: «... А у города, острогу худых мест, которым без поделки быть не мочно, поделать тотчас до прихода воинских людей заранее всеми людьми осколянами. А в Оскольском уезде, в селах и деревнях, слать вестовщиков, чтобы они жен и детей своих и всякие животины везли в город, а осадный хлеб развозили по лесам, а сами уездные люди жили с бережением»⁷⁴. Анализируя межевые книги уезда, исследователь обратил внимание на характер расположения населенных пунктов, которые имели с двух-трех сторон естественные препятствия – лес, река, овраг. В случае необходимости устраивались искусственные препятствия. Между ближайшими поселениями жители прокладывали тайные «стешки». Проникновение по ним неприятеля было возможным только в случае предательства.

В отчетах воевод часто дается характеристика системы расселения: «... А Оскольский уезд вниз по реке по Осколу, ниже города села и деревни сядят по речкам.

По Чуфичевке по обе стороны сакмы, около деревень леса небольшие.

По речке, по Дубне, под большим под Дубенским лесом с одной стороны, и большим Орлицким лесом с Изюмской сакмы. А по той речке крепости по обе стороны – тростник и болота на два на две десятины. Мосты через тростник и болота, приход воинских людей мосты переметывают, и воинским людям к тем селам и деревням перейти немочно.

И по речке по Ольшанице вверх и вниз, по обе стороны под Ольшанским и Орлицким лесом, приходы воинских людей бывали с Изюмской сакмы.

По речке по Холани вверх на 150 сажен по смете воинских людей не было, что речка топка и прорезиста, около нее тростник и болота. С другой стороны той речки лес большой Холанский, и за теми за всеми селы и деревни. На Изюмской сакме поставлен Яблоновский острог и надолбы, к Оскольскому уезду защита великая. А когда не было острога воинские люди хаживали.

В Оскольском же уезде Холковский монастырь, устье речки Холка, речка идет камышом, приход воинских людей бывает с Изюмской сакмы и монастырю опасность большая.

Село Голубино на реке на Осколе под большим Холанским лесом, от города от Оскола 50 верст. А крепости тому лесу: с одной стороны река Оскол, с другой стороны речка Холка, с третьей стороны лес большой Голубинский. В прошлые годы в село Голубино прихаживали воинские люди, и Голубинские казаки от речки Холка к большому Голубинскому лесу прокопали ров 150 сажен, и надолбы поставлены, и лес Голубинский засекали, и воинским людям на село пройти немочно. А село Голубино стало за Яблоновым с крымской стороны.

Стан Ублинской с нагайской стороны от Кальмиусской сакмы, деревни стоят в розни по небольшим лескам, и крепостей никаких не поделано. За рекой за большим Осколом от Кальмиусской сакмы, в верстах в пяти, лесов больших и тростников у речек нет. От Усерда помощь не велика. Опасность с этой стороны великая, и посацким полям с Кальмиусской сакмы опасность большая.

Окологородный стан по Московской дороге к Ливнам от Кальмиусской сакмы и в приход воинских людей убережь нечем. Сидит за рекой за большим Осколом, от города верстах в семи»⁷⁵.

В подобных отчетах по вопросу безопасного существования заметна инициатива местного населения сел и деревень, основанная на практической повседневности. Принимались и общеуездные меры безопасности по возведению разного типа «крепостей». Например, устройство оборонительных конструкций по направлениям со стороны Ездочной, Стрелецкой и Пушкарской, Саковой слобод, возведение острожков на Казачьем перевозе и Жестовых горах и т.д.

Другим, не менее важным условием размещения поселений, являлся хозяйственный фактор. Расположение населенных пунктов вдоль рек и лесных массивов обуславливалось не только степенью

безопасности, но и хозяйственными нуждами. Жители поселений сообща пользовались лесом для построек, для отопления, приготовления пищи и др. В указах на поместье обычно дается указание на использование в хозяйственных нуждах конкретного лесного массива – «лес Дубенской вопче со всеми помещики», «лес Чуфичевской вопче со всеми помещики», «лес Котельской и Чуфичевской ямские слободы охотников и всему городе вопче» и т.д. Реки служили не только естественным препятствием, но и транспортными артериями, необходимым условием удовлетворения естественной потребности в воде. В случае непригодности воды для питья использовали родники («кладези»), копали колодцы. На водотоках устраивали мельницы, чаще всего небольшие – «колотовки».

Такова, в общих чертах, характеристика системы расселения в первой половине XVII в.

3. Состав населения Оскольского края

Социальный состав Оскольского уезда до первой половины столетия характерен чрезвычайной дробностью общественного деления. Рядом с основными группами, которые обозначаются в первое время, возникают переходные слои. Все эти мелкие группы на языке тех времен носили название «чинов», каждый из которых обладал определенными правами и нес свою специальную государственную повинность, соответствовавшую его экономическому состоянию. Состав населения Оскольского края может быть представлен различными типологическими группами, выбранными по разным основаниям. Для выяснения численности, удельного веса, размещения социальных категорий использовалась классификация, приводимая в писцовых материалах, поскольку переписчики, несомненно, учитывали различные группы и их место в структуре населения. При анализе документов приходилось, прежде всего, удостовериться, что источниками охвачена вся территория и категории населения. Поэтому использовался и другой вид учета, который осуществлялся Приказами и воеводами на местах, а результаты фиксировались в различных «Списках» и «Росписях».

Чтобы состав населения был упорядочен и легко обозрим, необходимо выделить группы по различным признакам. Существенным признаком для юга России является «служба», обычно военная. Вы-

деление этого признака определено историческим развитием региона. Основную часть жителей составляли различные категории «служилых людей» и, следовательно, население можно распределить по выделенному основанию – «служилое и несслужилое население», а при увеличении содержания на «военно-служилое» и «невоенно-служилое». Причем каждая группа будет рассматриваться отдельно, характеризуясь числом людей и долей этих групп во всем населении. И, разумеется, рассматриваться эти группы будут с учетом экономических, социальных, политических процессов – по отношению к государству, местному сообществу и средствам существования.

В связи с проведением активной внешней политики и расширением границ государства необходимо было увеличивать численность служилых людей на юге России. Термин «служилые люди» отражал крайнюю неоднородность этого состава населения. Структуру служилых людей определил В.О. Ключевский⁷⁶. Отсюда она перешла в различные исторические труды. Характер взаимоотношений между группами был обусловлен близостью к трону, положением в служебной иерархии и земельными владениями. В иерархической структуре взаимоотношения определялись должностью и чином. Возможность перехода в более высокий чин определялась родовитостью и выслугой.

Ряд документов по учету населения Оскольского края начинаются с указания перечислить «...всяких чинов людей прежних и вновь прибывших, московского, церковного, монастырского и приказного чину...». Кроме того, упоминаются представители и других групп чинов, такие как «думные чины» и «городовые чины». К последним имели отношение дворяне выборные, дети боярские дворовые, дети боярские городовые. Перечисленные группы населения относились к категории *«служилых людей по отечеству»*, где служилое состояние передавалось от отца к сыну. *Дети боярские городовые представляли большую часть оскольских уездных людей*. Вместе с тем к служилым людям относились также стрельцы, казаки, пушкарки, затинщики, воротники, ямщики и т.п. группы населения, которые составляли категорию служилых людей *«по прибору»* (по набору), то есть набиралась из различных слоев общества. Решать эту проблему необходимо не только с учетом социального положения, но и с учетом исключительных обстоятельств, складывающихся на юге России. Сословная

структура населения соответствовала той роли, которую играли города и уезды региона – охранять южные рубежи от татарских вторжений.

Первыми из выделенных категорий населения Оскольского края, учитывая сложную иерархию чинов, следует назвать *детей боярских*, занимавших нижнюю ступеньку в лестнице чинов служилых людей по отечеству. Словосочетание «дети боярские» постоянно упоминается в писцовых материалах и иных источниках. При этом в сметных росписях они фигурируют как дети боярские полковые и дети боярские станичные, а в писцовых материалах как помещики и однодворцы. С юридической точки зрения любая государственная служба, в данном случае военная, должна была определяться договором *о правах и обязанностях* сторон. Призыв на службу в те времена обуславливал термин «верстание», в котором сочетались права и обязанности служилого чина по отечеству. Оскольские дети боярские обязаны были обладать профессиональными военными навыками, иметь вооружение, амуницию и средства передвижения («конно и оружно»), что предписывалось им при назначении на службу. Например, воевода Константин Михайлович Пущин в ноябре 1635 г. «верстал осколян в службу с порукою» и велено быть «...на коне простом с пищалью, в саодаке и с саблею..., на коне простом в саодаке и с саблею..., на мерине с пищалью и саблею...»⁷⁷. Станичники к тому же обязаны иметь в разъездной службе «по два коня или конь и мерин добрый...»⁷⁸.

Вид и характер службы детей боярских уездов «полевой окраины» отличались от службы чинов центральных районов России. Термин «полковая служба», часто употребляемый в источниках и литературе, не всегда соответствовали реальному положению дел. И значение терминов в разное время имело иной смысл. Если для детей боярских центральных уездов полковая служба состояла в эпизодических выступлениях в походы «на берег» (к Оке), то в крайних южных уездах, в том числе и в Оскольском, о полковой службе в прямом смысле можно говорить лишь со второй половины XVII столетия. Однако в поместном войске России дети боярские составляли сотни. Сотня – это исходная военная единица, нередко в военных конфликтах сражения велись «сотнями». На практике и сотни действовали более мелкими подразделениями, не говоря уже о столкнове-

ниях на юге страны, где преследование небольшими воинскими группами «крымцев» было делом обычным, к тому же сотни нередко объединяясь со служилыми людьми соседних уездов. В январе 1645 года оскольский воевода Д.И. Плещеев просит прислать «для ратного дела знамена», ибо «старые все избились», а 12 января прислана грамота, что киндячные знамена высылаются с находящимся в Москве «осколянином сыном боярским Ананьевским Федором» для раздачи сотенным головам, которые идут в поход, и воевода в мае месяце «пять знамен киндячных разных цветов конных сотен роздал»⁷⁹. В указе государя Алексея Михайловича от 30 сентября 1650 года присланном в Оскол новому воеводе Языкову Ивану Семеновичу, в частности, было велено «людей расписать в сотни...и к боярину белгородскому воеводе Репнину быть в татарский приход в сходе»⁸⁰. Следовательно, «сотенная служба» в какой-то мере дает объяснение существующему в отчетах воевод термину «дети боярские полковые».

Тем не менее, до комплектования Белгородского полка оскольские дети боярские выполняли широкий спектр служебных обязанностей.

Например, в отчете от 7 сентября 1639 года указано, что из 351 сына боярского: 75 человек «на Валуйках для посольской размены ходили»; в близлежащие города – Белгород, Валуйки, Курск и Ливны «по вестям» посылались по 4 человека; на каждой из 6 сторож на границах уезда и наиболее опасных направлениях по 4 сына боярских, при этом служилые люди по росписи меняются через каждые две недели⁸¹. В связи со строительством Белгородской черты и возведением новых городов-крепостей на ней оскольские дети боярские «по вестям» направлялись по 4 человека также в Усерд, Яблонов, Воронеж, «а как татары приходят на Русь и на вестях живут на Ливнах по 6 человек»⁸².

Одним из основных видов государственной службы детей боярских была служба сторожевая и станичная. В период «смуты» общегосударственная система защиты южных рубежей пришла в упадок, но к 20-м годам XVII столетия она была восстановлена. Сторожи – это пункт наблюдения, состоящий из нескольких всадников, которые должны были ездить по небольшому, заранее намеченному участку, вперед и назад, поперек основных татарских направлений. Патрулирование шло попеременно, со сменой служилых людей на стороже

через одну-две недели, в зависимости от расстояния и сложности службы. Ближайшая сторожа в районе современного пригорода Соковое – 5 верст, дальняя у Каменного брода на р. Тихая Сосна – 150 верст. Количество сторож также было различно и определялось сложностью обстановки, т.е. в период массовых набегов татарских отрядов увеличивалось, и наоборот уменьшалось в период временно-затишья. В начале изучаемого периода вокруг г. Оскол и Оскольского уезда было организовано 6 сторож, в 1623 году воевода Данила Яблочков добавил еще семь – всего 13 оскольских сторож⁸³. В конце 30-х годов, как сообщалось выше, число сторож вновь сократилось до шести, ибо с началом строительства Белгородской черты южные границы уезда были прикрыты, в том числе и сторожами из новых городов-крепостей – Яблонов и Короча. В 40-е годы произошли изменения в сторожевой службе в связи со строительством Белгородской черты. В 1643 году оскольчане «по государеву указу устроили за рекой Осколом, на нижней Жестовой горе, под лесом на Жестовской сакме, на третьей основной горе острог...служат 10 детей боярских...перемнясь по две недели»⁸⁴. В 1645 году был устроен Казачий острожек «от Оскола в 15 верстах у Казачей сторожи на реке на Осколе на татарском перелазе, которым местом прихаживали в Оскольский уезд в Чуфичевский стан воинские люди татаровя...и быти заставою по десяти человек детей боярских, да четыре человека сторожат, а по вестям с прибавкою»⁸⁵.

Дети боярские выполняли и станичную службу. Станица представляла собой дозорный подвижной отряд, выезжающий в степь по заранее установленному маршруту. Для оскольских станичников этот маршрут проходил «в урочище усть Тихой Сосны и до Дону: на Ублинскую сторожу, да на Присынковскую сторожу вверх Котла и Потудани, и от Присынковской сторожи к Тихой Сосне через Грязную Потудань к Каменному броду, через Ольшанку и через речку Тростенецку, через Марьинов Колодезь до устья Тихой Сосны, до Дону»⁸⁶. Таким образом, Оскольская станица переезжала все разветвления Кальмиусской сакмы. В Осколе было сформировано 20 станиц (число их в разные периоды колебалось от 20 до 15 и даже 10 станиц) и ездили по указанному маршруту «с весны с Благовещения в Иванов день и ранее, до больших снегов»⁸⁷. Возглавлял станицу сын боярский – станичный голова, в подчинении которого находи-

лись его помощник – станичный атаман, 6 рядовых ездоков и 2 вожа. Каждая станица находилась в пути «...одну неделю, а дома живут по пять недель»⁸⁸. Чтобы окончательно убедиться в том, что именно дети боярские возглавляли станицы, решено было сравнить ряд документов, содержащих сведения о станичных головах. В апреле 1636 года по грамоте из Разрядного приказа за подписью дьяка Ларионова Григория оскольскому воеводе Пушину Константину «велено собрать оскольских станичников, и список составить, и станицы расписать, ...я в съезжей избе все расписал, и послал 3 апреля, и послал тот список разрядному думному дьяку Гавреневу Ивану и Ларионову Григорию»⁸⁹. В списке указано двадцать станиц и соответственно двадцать станичных голов: Фефилов Савва Лукьянович, Захаров Семен Федорович, Головин Трофим Григорьевич, Бурцев Фотий Федорович, Ледовской Иван Фетисович, Корпачев Тимофей Агафонович, Мишустин Кузьма Тарасович, Руднев Семен Иванович, Кондауров Федор Деевич, Ряполов Кузьма Семенович, Шатский Михаил Аникеевич, Тетерев Иван Нефедович, Логачев Родион Фомич, Рошупкин Григорий Сидорович, Кондауров Родион Деевич, Васютин Алфер Иванович, Токмачев Митрофан Дорофеевич, Васютин Смирной Иванович, Алпеев Исай Осипович, Прончаков Иван Родионович⁹⁰. Данные «Писцовой книги» 1643 г. подтверждают, что именно дети боярские возглавляли разъездные станицы, а станичные головы назначались от каждого из пяти станов уезда⁹¹. К апрелю 1645 года число станиц сократилось до 15, но по-прежнему их возглавляли дети боярские, а трое из них сохранили должность станичных голов со времени апрельского разбора 1636 года⁹². К середине XVII века с постройкой Белгородской черты организация станичной службы из Оскола теряла смысл.

Служебный признак, определяющий, прежде всего, государственную повинность чина, не может гарантировать правильность рассуждений о нем без учета прав. «Существенным и наиболее обязательным признаком сословного деления, – утверждал В.О. Ключевский, – служит различие прав, а не обязанностей»⁹³.

Первым признаком статуса сына боярского является верстание поместным и денежным окладом. Государева служба являлась основной повинностью разряда служилых людей. Но эта повинность также была соединена с правом землевладения. Сообразно с прежней

службой и степенью боевой готовности назначались служилым людям разных чинов различные размеры земельных окладов. Но так как к земельным владениям в подспорье назначались еще и оклады денежного жалования, то, благодаря различным комбинациям земельных и денежных окладов, каждый чин распадался на несколько статей. Право владения землей каждого сына боярского и размер его оклада подтверждались документами – в этом состояла важная особенность сословной принадлежности. Основным документом являлась «государева грамота», выдаваемая владельцу из Поместного приказа за подписью приказного дьяка. «Дозорная книга» 1615 года отмечает наличие «государевых грамот» только у пяти из 227 владельцев поместий (в том числе 8 вдов и 7 недорослей) – Фефилов С.Л. в сельце Ублинское, Рогинин Т.А. в селе Верхнее Чуфичево, Пахомов Д.К. в починке Околенский-Захарова Поляна, Котенев Р.П. в деревне Казачья Прость, Ильев К.Г. в деревне Холань⁹⁴. Однако в источнике указаны только новые поместья, полученные владельцами по грамотам за подписью дьяков Герасима Мортимьянова (три грамоты), Федора Шушерина и Алексея Малахова в 1613-1614 гг.⁹⁵. По материалам «Писцовой книги» 1643 года выявлено 95 владельцев поместий из 527 (в том числе 20 вдов и 100 недорослей), имевших грамоты из Поместного приказа (подписи 13 приказных дьяков)⁹⁶.

Но не только «государева грамота» служила документом, подтверждающим сословную принадлежность. Для верстания детей боярских поместными окладами и назначения рода службы устраивались смотры или разборы. Смотр служилым людям Старооскольского уезда чаще всего производился воеводами, реже приезжающими «разборщиками». Разбор и верстание служилых людей производился посредством опроса выборных их представителей – «окладчиков». При вступлении в должность они приносили присягу. В каждом уезде окладчиков выбирали, смотря по надобности, в числе 3-5 человек и даже 10 человек. Так, в указе из Поместного приказа за подписью дьяка Григория Ларионова от 31 ноября 1635 года оскольский воевода Константин Михайлович Пущин «верстал осколян детей боярских новиков, выпрашивал *окладчиков*, хто в государеву службу поспел, хто кому службою и отечеством вверсти»⁹⁷. При верстании окладчиками указаны 10 человек – Иван Михайлович Прокудин, Михаил Клементьевич Котенев и др.⁹⁸. Руководствуясь их показаниями, вое-

вода назначал каждому сыну боярскому поместные оклады, составлял список служилых людей уезда, разделял их на чины и чины на статьи, подробно обозначая как оклад, так и род службы каждого человека. Эти списки носили название «десятен». Выписки воевод из таких десятен, а также писцовых, переписных, отказных и отписных книг служили документом, подтверждающим сословную принадлежность. Служилым людям разных чинов назначались различные поместные оклады. К тому же количество четвертей, назначенное в оклад, не всегда было действительным поместным владением служилого человека. Например, возьмем данные за 1615 год. В Оскольском уезде не было «выбора», служили только дети боярские. Поместные оклады и поместные дачи 212 оскольских детей боярских 1615 года: 700 чети – один человек (поместная дача в 267 чети), 400 чети – 1 человек (поместная дача – 200 чети), 300 чети – 1 человек (поместная дача – 200 чети), 200 чети – 10 человек (додать до оклада 1 человеку), 150 чети – 21 человек (додать до оклада 4 служилым людям), 120 чети – 1 человек, 100 чети – 152 человека (полные оклады), 90 чети – 1 человек, 80 чети – 8 человек (додать до оклада одному), 75 чети – 6 человек, 70 чети – 3 человека, 50 чети – 9 человек, 40 чети – 5 человек, 30 чети – 2 человека, 25 чети – 1 человек⁹⁹. Даже учитывая неполноту данных актового материала, в начале изучаемого периода поместная дача оскольских детей боярских на 87% соответствовала поместному окладу. Иное отношение оклада к даче сложилось к середине XVII столетия. Возьмем актовый материал поверстания поместным и денежным окладами в Оскольском уезде за 1643/44 г. и сравним с данными «Писцовой книги» 1643 года. Поместные оклады оскольских служилых людей были от 450 до 400 четей, денежные оклады от 14 до 12 рублей – 3 человека, 350–300 четей и 14-11 рублей – 2 человека, 250 четей и 12-7 рублей – 10 человек, 200 чети и 12-5 рублей – 198 человек, 150 чети и 6 рублей – 6 человек, 100 чети и 6-4 рубля – 154 человека, 70 чети и 3-4 рубля – 13 человек¹⁰⁰. Всего было назначено в оклады служилым людям уезда 61 235 четвертей. По данным «Писцовой книги» «всего за оскольскими помещики за детьми боярскими, и за вдовы, и за недоросли, и за станичными атаманы, и за всеми помещики, оприч халанских помещиков, во всех пяти станех: пашни паханые добрые земли, и перелогу, и дикого поля, и дубровы, и черных лесов, и с поместными порозжими землями,

и с примерными – тридцать девять тысяч четыреста сорок шесть чети с полутретником в поле, а в дву потому ж; а сошного письма в живущем и в пуге – сорок девять сох с четью и пол–полчети сохи, и не дошло в сошное письмо четырех чети без полутретника пашни»¹⁰¹. Если исключить из общего объема земельных владений наделы есаула и поместных атаманов, излишнюю и пустующую землю, то поместная дача составляла 33 274 четверти (с учетом владений вдов и недорослей). Следовательно, оклад относился к даче почти как 2 к 1.

Дети боярские были *помещиками*, ибо владели за службу государю *поместьем*, которое, как правило, по наследству не передавалось. Однако, в частности, в Оскольском крае практиковалось верстание в службу сыновей с правом владения участком своего отца. Верстались юноши на службу с 15 лет, а не достигшие этого возраста («недоросли») получали часть надела. Вдовам погибших или умерших служилых людей также выделялся небольшой надел «на прожиток». Соборное Уложение 1649 года определило порядок получения части надела от 5 до 20 чети со 100 четвертей наделной земли служилого человека жене и дочерям, а между сыновьями надел делился поровну¹⁰². Например, по «Писцовой книге» в уезде числилось 422 «живущих» поместья и 670 владельцев: детей боярских – 527 человек, вдов – 20 человек, недорослей – 100 человек. На 125 поместий из 422 приходилось от 2 до 9 владельцев. Наряду с увеличением численности населения наблюдается сокращение величины земельного надела на одного человека. В 1615 году средний надел сына боярского равнялся 104 четвертям, недоросля – 80 четвертям, вдовы – 50 четвертям. Средний же надел на человека по данным «Писцовой книги» соответственно 58 – 25 – 20 четвертям.

Тем не менее, размер поместного владения не играет существенной роли, ибо сила служилого сословия зависела не столько от величин имеющейся земли, сколько от количества обрабатывающих ее крестьян. Оскольские дети боярские, владея землей за ратную службу, имели также право и на крестьян. «А в Оскольском уезде по Государеву, Цареву и Великого князя Михаила Федоровича указу за оскольскими и халанскими помещики кладно в соху добрые земли по осмисот чети. А в монастырских вотчинах добрые земли по шестисот чети в соху... А положено по Государеву указу за помещики по осми дворов крестьянских, да по четыре двора бобыльских, обоего – по двенатцати дворов крестьянских и бобыльских. А в монастырских вотчинах по шести дворов крестьян-

ских, да по три двора бобыльских, обоего – по девяти дворов крестьянских и бобыльских в четверть»¹⁰³. Однако хозяйства большинства служилых людей не были обеспечены рабочими руками. Эта группа детей боярских обозначалась в документах того времени термином «однодворцы». Регистрируя по чинам служилых людей, чиновники указывали в переписях – «помещики за которыми крестьяне» и «помещики однодворцы». Термин «однодворец» в изучаемый период не нес сословный смысл для обладателя, а лишь констатировал отсутствие у указанного лица крестьян, полагающихся ему по праву поместного землевладельца. Весьма показателен в этом отношении процент обработанной земли. Если в 1615 году обработанная земля составляла 7,5 % всего земельного надела, то в 1643 году – 11,3% (наибольший объем пашни в Чуфичевском стане – 17,1 %) ¹⁰⁴. Просматривая каждое поместное владение, исследователи обратили внимание, что размер пашни в основном составлял порядка 10 % от надела, увеличиваясь при наличии крестьянских подворий. Нормы поместного права, действию которых было подчинено земледелие в крае, обуславливались военной службой. Оскольские служилые люди обрабатывали поля своими силами, т.е. землевладельцы одновременно были и земледельцами. Постоянное отвлечение на военную службу, недостаток рабочих рук, примитивная сельхозтехника не позволяли увеличить размеры пашни.

Обратимся непосредственно к численности детей боярских на основе анализа статистического материала, извлеченного из разных источников.

Численность детей боярских полковых и станичных

Годы	Численность	Годы	Численность
1615	212	1631	229
1616	233	1632	376
1617	160	1633	376
1618	160	1635	376
1619	178	1639	376
1625	173	1643	395
1626	175	1644	446
1627	175	1645	464
1629	175	1646	465
1630	228	1651	664

Количество детей боярских оставалось стабильным только в определенные промежутки времени, а изменения происходили в связи с конкретными военно-политическими событиями на юге России. Уменьшение числа оскольских детей боярских в 1617 году связано с продолжающимися военными конфликтами с Польшей на западных границах России. Крупный воинский отряд «воровских черкас» полковника Михаила Пырского проник в пределы «польских городов», сжег город Оскол и разорил уезд. При анализе данных только пустующих поместий Оскольского уезда установлено, что в период «литовского разорения» погибли 21 человек детей боярских (вероятно, число погибших достигло 40 человек). Обратимся к описанию пустующих поместий, где указаны причины выбытия служилых людей. В Окологородном стане с 1615 по 1643 гг. убиты, умерли и захвачены в плен 4 служилых человека, переместились в пределах уезда 2 человека, выбыли за пределы уезда 3 человека (в Воронеж – 1, в Корочу – 1, на Дон – 1). В Ублинском стане выбыло 14 человек: убиты и умерли 8 человек, в пределах уезда – 2 человека и 4 человека за пределы уезда (Воронеж – 2, Усерд – 1, в неизвестном направлении – 1). В Чуфичевском стане умерло 5 человек, один сошел в Воронеж. В Дубенском стане убитых, умерших и взятых в плен 11 человек, один сошел в Валуйки. В Орлицком стане сошедших 7 человек (двое в Орел), двое умерших. Всего в Оскольском уезде выбывших 46 человек. Из 16 человек, выбывших за пределы уезда детей боярских, большинство определились на службу в города на «черте» – Воронеж, Корочу, Усерд и Валуйки. При этом не отмечено ни одного факта перевода, что для служилых людей «по отечеству» для того периода определялось правом выбора чина, места и рода службы – «взял поместье, а не селился». Двое из выбывших перешли в разряд служилых людей «по прибору». До 30-х годов столетия общая численность детей боярских оставалась неизменной и определялась потребностью в сторожевой и станичной службе, «посольских разменах», службой «по вестям». Активизация татарских вторжений на южные рубежи в период Смоленской войны 1632-1634 гг., начало строительства Белгородской черты и постоянная напряженность на порубежье вынуждали правительство увеличивать численность служилого сословия. Так, в августе 1630 года «поверстано в дети бояр-

ские» 196 человек, из них «новиков» 60 человек¹⁰⁵. Тенденция роста категории служилых людей – детей боярских – продолжалась и в 40-е годы, она также связана с активизацией политики правительства России на Юге страны. При подробном анализе «Писцовой книги» из 615 владельцев поместий было выявлено: 53 человека – это дети боярские, по-прежнему владевшие своими поместьями (8,6%), 263 человека – сыновья прежних владельцев поместий (42,8%), 102 человека – внуки и родственники прежних владельцев (16,6%), 212 служилых людей и их родственников прибыли в Старооскольский уезд после 1615 года (34,5%). Верстание сыновей и прямых родственников в служилые чины было характерным явлением того периода. Например, на 1643/44 г. воевода Прокофий Коробьин верстал детей боярских, среди которых 8 «новиков», 9 человек «с отцовского поместья», а также «недоросли с отцовского поместья по 50 чети 11 человек»¹⁰⁶.

Все рассмотренные документы позволяют утверждать, что «верстание» поместным и денежным окладами являлось признаком изменения социального статуса. Таким образом, *верстание и конная служба* оказываются достаточным основанием для получения в Оскольском уезде статуса сына боярского в первой половине XVII в.

Положение служилых людей по прибору принципиально отличалось от положения служилых по отчеству. За службу они также получали землю и деньги, но порядок наделения их жалованием был совершенно особый. А.А. Новосельский, исследуя этот вопрос, писал: «В отличие от поместья служилого человека «по отчеству» приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами в общей меже»¹⁰⁷. Такой же принцип обустройства приборных людей существовал и в Осколе. Призыв на государеву службу предполагал обязательное выполнение воинских обязанностей и государственных повинностей, в частности некоторые приборные чины обрабатывали «государеву пашню». Приписывались они к определенному городу, обустроивались слободами по военно-служилому чину, находились в подотчетности к определенным Приказам, но по указу могли быть переведены на другое место службы. Приказные люди не владели поместьем, земельный надел каждого служилого человека был меньше, чем у сына боярского, и заранее определялся правительством. Не обладали они и

правом владения крестьянами. Остановимся на каждой категории служилых приборных людей в отдельности.

Первыми среди «приборных людей» следует назвать «станичников», в состав которых входят станичные головы – дети боярские, станичные атаманы, ездоки и вожи. Станичная служба являлась видом постоянной военной деятельности части населения. Кроме г. Оскола выслали станицы «в степь» Белгород, Воронеж, Валуйки. В Осколе было сформировано 20 станиц, о чем уже говорилось выше при анализе группы служилых людей – детей боярских станичников. В составе каждой станицы был один сын боярский (голова), 1 станичный атаман, 6 рядовых станичников-ездоков и 2 вожа.

Численность станичников – станичные атаманы, ездоки и вожи (исключая станичных голов – детей боярских)

Годы	Численность	Годы	Численность	Годы	Численность
1615	164	1627	180	1635	180
1616	180	1628	180	1636	200
1617	157	1629	180	1639	180
1618	157	1630	180	1641	135
1619	144	1631	180	1647	135
1625	160	1632	180	1649	87
1626	180	1633	180	1651	25

Из таблицы видно, что численный состав на протяжении 30 лет существенно не менялся. Изменение числа станичников в 1636 году связано со строительством города Усерда, ибо из «них с весны и на все лето до самых морозов 50 станичников быть на Усерде с Бутурлиным Иваном для станичной службы, и быть им, переменяясь помещаю, а на Осколе станичников 170 человек»¹⁰⁸. После возведения на Белгородской черте города-крепости Яблонов часть оскольских станичников несет службу в этом городе. Численность станичников упала до 135 человек, «из них в Яблонове станичников 25 человек живут, переменяясь по две недели с весны до заморозков»¹⁰⁹. В апреле 1649 года воевода Ловчиков Федор Иванович и подьячий Усов Михаил выдали жалование оскольским станичникам – 10 атаманам и 77 ездокам и жокам¹¹⁰. В росписи, которую воевода Языков Иван Семенович отослал в 1650 году, значатся только 25 ездоков¹¹¹. В по-

следующих росписях о данной категории служилых людей следует краткая запись о том, что «...станичников в Старом Осколе нет, и ни в которые места не посылаютца»¹¹². Оскольская станичная служба к 50-м годам столетия была прекращена и, следовательно, атаманы, ездоки и вожи, как категория служилых людей, меняют род службы и свой социальный статус. Однако следует отметить, что положение этой группы приборных людей весьма неоднозначное.

Станичные атаманы по «Дозорной книге» проживают не в слободе, а в отдельных селениях (восемь в Нижней Атаманской и двенадцать в Верхней Атаманской). Два атамана – Самсон Иванович Подосинный и Роман Васильевич Ряполов из первой деревни владели дворами в административной части города. Однако земельный надел определен группам в общей меже: в Нижней Атаманской сто шестьдесят чети, по тридцать чети человеку («и додавать им до окладу по семидесяти чети человеку»), а в Верхней Атаманской тысяча двести чети, по сто чети человеку («оклады их сполна»). В «Писцовой книге» земельный надел зафиксирован индивидуально по первоначальному окладу, хотя в Нижней по-прежнему он соответствовал помещиной даче в 30 четвертей. К тому же, некоторые станичные атаманы обеих деревень владели земельным наделом совместно с «половинщиками». Необходимо отметить также, что у небольшой части служилых людей писцы отметили наличие в хозяйствах крестьян и бобылей. Таким образом, с одной стороны, станичные атаманы являются помещиками и по правам ближе к детям боярским, а с другой стороны, их набор осуществлялся как «приборных людей», при этом владели они не помещичьими дворами, а атаманскими.

Ездоки составляли основную массу станичников. Переведены они на службу в Оскол из состава казаков городов Данкова – 50 человек и Деилова – 61 человек. Обустроены они были отдельной ездочной слободой в северо-восточной части «Большого острога». Объем земельных угодий на группу ездоков составлял 5900 чети, по 50 четвертей человеку, да сенных покосов 11 800 копен, по 100 копен человеку («копна» – земельная мера в 1/10 десятины). Исправляли в основном станичную службу, а на превышение местной администрацией полномочий следовала коллективная челобитная в центр. Например, в феврале 1629 года группа станичных ездоков «Миляева Макара с товарищи» обратилась к воеводе Даниле Моисеевичу Яб-

лочкову с требованием не посылать их кроме ездовой службы ни в какую другую, но при смене воевод Яблочков челобитную не отослал, тогда ездоки послали челобитную государю. В ней говорится, что кроме ездовой службы «провожают послов, и гонцами на Волуйки и в Ливны, и в поход против татар, и в караулах (на тех же лошадях), а при царе Борисе только станичную»¹¹³. Просьба была удовлетворена при новом воеводе Афанасии Тургенева. Судьба этой группы приборных людей была прослежена более подробно, ибо писцовые материалы второй половины столетия сохранили некоторые сведения. По крайней мере, свыше 60% «верстаных» внуков, правнуков и даже праправнуков именного состава ездовых 1615 года ссылались на их земельные наделы при описании владений начала 90-х годов столетия. Однако социальный статус этих служилых людей к середине столетия также претерпел изменения.

Вожи – неперемные участники разъездных станиц, по два человека в каждой. Автору не удалось найти материалов, которые упоминали бы о месте выхода, но что они были на Осколе в числе первых, сомнений нет. Вожи являлись авангардом станицы, знатоками местности, поэтому можно предположить, что набор данной категории служилых людей осуществлялся из числа старожилов региона. Располагались они в пригородной «вожевской» Соковой слободе, в которую они были переведены в начале века. Объем земельных владений на группу 660 четвертей, по 20 четвертей каждому. Необходимо отметить, что пашня и перелог составляли около 70% надела. В Большом остроге за жожами были закреплены осадные дворы. Сама служба не была безопасной. Например, в разъездных станицах за один только 1618 год были убиты вожи Гуняев Лагутка, Колпаков Григорий, Карпушин Максим, Жемеров Ешка, Сотников Степан, Даровницын Василий, Болдин Олфим, Роцупкин Василий, Зенин Михаил¹¹⁴. Первоначальный именной состав за первое полугодие резко сократился. В частности, значительная часть служилых людей «по прибору» была переведена на новое место службы. Так, «по Государеву указу взяты на жите на Усерд» тринадцать оскольских вожей¹¹⁵. Проследить дальнейшую судьбу оскольских вожей оказалось значительно сложнее.

Казаци – эта тоже группа служилых людей по прибору, которая в Оскольском крае в начальный период была больше других по численно-

сти. Некоторые «казачьи сообщества», возникающие на обширной территории Российской Федерации, «ведут» свою необоснованную историю с глубины веков на основании лишь упоминания термина в каком-либо материале. Термин «казак» неоднозначен, его значение менялось со временем, поэтому некорректно брать за основу социальную структуру Российской империи XIX века, где казаки относились к *полупривилегированному сословию*.

В отчетах воевод и в некоторых писцовых материалах фигурируют до середины столетия две группы казаков – «оскольские полковые казаки» и «оскольские беломестные казаки». Со второй половины XVII в. документы перестают их выделять. Оскольские казаки не составили в крае особую самостоятельную воинскую организацию, как это было, например, на Дону. Правительство России стремилось использовать последних для охраны южных границ, снабжая их «хлебом и зельем». Полковые казаки были переведены в Оскол из центральных городов Московского царства. Термин «полковые», как и у детей боярских, не имел конкретного значения. Основу воинской организации составляла сотня. Управляли казаками голова, пятидесятники и десятники, и некоторые архивные материалы дают нам их поименный состав. Размещались казаки в городе особой слободой. Ее внутренняя организация имела упорядоченную структуру: ко двору десятника примыкали дворы подчиненных ему казаков, к жилью пятидесятника дворы казаков его полусотни и т.д. Выполняли казаки довольно широкий спектр государственной службы (в основном конная): сторожевая, посольская, караульная, передача срочных сообщений, сопровождение важных грузов и др. Служили они *«з земли без денег»*, небольшое денежное жалование получали либо «за лишнее стояние» сверх установленного срока в пограничной охране, либо в длительном походе. Земельный надел в 2970 четвертей был определен на всю слободу в районе вверх по Оскольцу (средний надел на казака 30 чети), пашня в пределах 33-35%. Некоторая часть казаков занималась торговлей и ремеслами, и этот род деятельности впоследствии стал основой их существования.

Если основную массу служилых людей «казачьего чину» Оскола составляли *переведенные* из центральных городов России – «городовые казаки», то небольшие группы «приглашались» на службу. Эта категория казаков получила название «беломестных» (свободных от податей), служащих по договору. Такие группы на первых порах сохраняли свою организацию, своих атаманов, проживали близ городов слободами, иногда представлявшими собой вполне самостоятельные населенные пунк-

ты, хотя и приписанные к городу. В 1615 году на правом берегу реки Оскол на северо-восток от крепостных стен располагалась Беломестная слобода терских казаков Ивана Матвеевича Прасолова¹¹⁶. На юго-восточной границе Оскольского уезда в сельце Голубино проживали беломестные казаки атамана Парфена Андреевича Денюхина («голубинские казаки»)¹¹⁷. В 1639/40 году на службу в Оскол прибыла группа ярославских казаков во главе с атаманом Федором Емельяновым¹¹⁸. В 1644 году в службу на Осколе записано 30 донских казаков Никифора Осиповича Медведева¹¹⁹. Если «полковые казаки» фигурируют в документах по имени городов, в которых служат, или из которых переведены (белгородские, воронежские, данковские, дедиловские, елецкие, ливенские, оскольские, усердские, царев-алексеевские, яблоновские и т.д.), то «беломестные казаки» чаще всего именуется по району выхода (волжские, донецкие, донские, терские, яицкие). Однако вольные казачьи группы поступали все же на государеву службу, отчего утрачивали самостоятельность. Например, ярославские казаки пожаловались в Разряд на самоуправство казачьего головы Севастьяна Протасова и потребовали особого к себе отношения. С головою приказным людям велели разобратся, но по вопросу самостоятельности последовал жесткий ответ «служить с полковыми казаками в ряд». Пожалуй, более благосклонно относились к группе Денюхина, именуя ее «станцией», которая довольно часто самостоятельно выполняла станичные обязанности. Средний земельный надел беломестных казаков был меньше и составлял 10 четвертей на человека, некоторые группы до 20 четвертей (не считая «начальных людей» – атамана и есаула).

Численность полковых и беломестных казаков

Годы	Численность	Годы	Численность
1615	241	1631	159
1616	275	1632	182
1617	148	1633	164
1618	148	1635	182
1619	151	1636	184
1625	156	1639	184
1626	155	1643	144
1627	155	1644	144
1628	155	1645	148
1629	159	1646	144
1630	159	1651	115

Как видно из таблицы, в служилом населении «казачьего чину» наблюдается та же тенденция изменения состава в сторону уменьшения его численности, что и в других категориях служилых людей «по прибору». Эти изменения связаны как с переводом казаков на службу в другие города «на черте» (Усерд, Яблонов, Царев-Алексеев), так и с переходом в иные социальные слои. Первым свидетельством о таком переходе являются материалы о поверстании в детей боярских тех же ярославских казаков. В 1649 году атаман Федор Емельянов «с товарищи», 30 человек, писали, что верстал их боярин Василий Петрович Морозов, окольный Григорий Константинович Волконский и дьяк Потап Внуков, и что служат они в Осколе «с оскольскими полковыми детьми боярскими в ряд», ходят в походы на крымских татар. Но они не получают денежного жалования, как дети боярские, так как не написаны в «оскольский список». На челобитной казаков помета: «157-го(1649) генваря в 22 день. Государь пожаловал, буде верстаны стары и службу служат конную, написать с детьми боярскими и жалование против детей боярских по семи рублев дать на Осколе»¹²⁰. В списке служилых людей с Оскола в полку боярина Василия Васильевича Бутурлина за 1655 год значатся «дети боярские, что бывали ярославские казаки»¹²¹. Во второй половине столетия термин «полковой казак» приобретает конкретное содержание в том случае, если его призывают в Белгородский полк. Остальные же именуются просто казак, т.е. «оскольский городской казак». Однако численность служилых людей «казачьего чину» к концу столетия сходит на нет.

Стрельцы – одна из социальных групп служилых людей по прибору, которая в сметных росписях обычно упоминалась после детей боярских и станичников. Основная воинская обязанность стрельцов – несение городской караульной службы и оборона города в случае нападения противника. Жили они своей слободой и составляли стрельцкую сотню. Управляли ими «голова» из детей боярских, пятидесятники и десятники из стрельцов. В «Росписях служилым людям» чаще всего упоминаются просто «стрельцы» и «стрельцы пешие». Конная служба означала бы изменение их положения и увеличение объема государственных повинностей. Так, в челобитной оскольских стрельцов – пятидесятников, десятников и рядовых от 16 мая 1645 года говорится: «По государеву указу велено служить нам пешую

службу, а мы несем конную в ряд: и по городу, и по надолбам, и крымских послов провожаем, на караулах стоим, и в походы на татары ходим по две, три недели и больши, и от той службы вконец погибаем... Вели служить пешую службу, чтоб в конец не разорились»¹²². Дело было передано в Стрелецкий приказ к боярину Федору Ивановичу Шереметьеву и решено в пользу служилых людей¹²³. Земельные угодья были прописаны стрелецкой сотне в двух верстах от города. Они располагались за рекой Оскол в сторону Ровенского леса и к устью Убли, через межу с оскольскими пушкарями. Объем надела составлял 1000 четвертей (по 10 чети стрельцу), пашня к 1615 году в пределах 40%.

Численность стрельцов

Годы	Численность	Годы	Численность
1615	94	1631	100
1616	100	1632	95
1617	77	1633	100
1618	77	1635	95
1619	76	1636	100
1625	79	1639	100
1626	79	1643	86
1627	79	1644	86
1628	79	1645	93
1629	100	1646	93
1630	100	1651	45

После разорения города жилые дворы стрельцов сосредоточились за рекой по границе своих полей. Оскольская стрелецкая сотня существовала до построения на юго-восточной границы Оскольского уезда нового города-крепости Царева-Алексеева (не считая гибели части стрельцов в период «литовского разорения» 1617 года). Предполагалось переселить из Оскола в новый город «на черте» 50 станичников, 40 стрельцов, 70 казаков, 19 пушкарей и 4 воротника¹²⁴. Кроме оскольчан переведены были служилые люди из Ливен, Ельца, Черни и других городов, но предполагаемой численности населения правительству добиться не удалось, ибо «многие люди сбежали»¹²⁵. Что же касается оскольских стрельцов, то в «дозоре», осуществленном в 1650/51 году Никитой Михайловичем Масоловым и подьячим Алексеем Катуниним, значится «слобода Стрелецкая оскольских веденцев к речке Осколу, выше города,

40 человек)¹²⁶. Следовательно, изменения в численности стрельцов в начале 50-х годов XVII в. связаны с переводом оскольских «приборных» служилых людей в Царев-Алексеев. С этого периода стрелецкая сотня на Осколе перестает существовать и их численность до конца столетия так и не достигнет полусотни.

Пушкари и затинщики – приборные служилые люди, обслуживающие городовые пищали. Владение артиллерийским вооружением требовало специальных знаний, опыта и сноровки. Каждый из пушкарей был закреплен за своим орудием, передавая опыт детям и родственникам. Деление служилых людей на пушкарей и затинщиков определялось калибром орудий, а калибр – весом ядра. Но уже в 50-е годы в «сметных росписях» указываются только пушкари, которые «служат с пушкарского наряду да они же и затинщики»¹²⁷. Многие документы Разрядного приказа говорят об отсутствии в Осколе на протяжении всего исследуемого периода «полного наряду», т.е. был регулярный недобор (по определенной правительством нормой) артиллерийского вооружения. В 1631 году воевода Афанасий Тургенев, распределяя служилых людей «для осадного времени» по башням и стенам вновь построенного острога, отмечал, что «большого наряду и затинных пешалей мало...и всего надо в прибавку большого наряду 23 пищали, 60 затинных пищалей»¹²⁸. В научной литературе сложилось мнение, что максимально численность данной категории служилых людей не превышала одного-двух десятков человек¹²⁹. Однако следует учитывать, что кроме крепостных орудий существовал и «полковой наряд», т.е. артиллерийские орудия, специально подготовленные к походу и ведению боевых стрельб в поле. Например, «воевода Семен Артемьевич Колюбакин взял с собой полковые четыре пушки железные – волконейки в станках на колесах, к тем пушкам пушечных запасов: зелья восемь пуд, 200 ядер железных по полуфунта весом ядро; к полковому подъему двенадцать затинных пищалей,...а к тем пушкам пушкарей по человеку, а к затинным пищалам по человеку»¹³⁰. Следует учитывать также, что Оскол и Валуйки были городами «посольской размены». Для сопровождения послов непременно выделялись орудия, а к ним обслуживающий персонал пушкарского чина. Отсюда и численность пушкарей в два раза превышала «норму» и находилась за весь исследуемый период в пределах 40-50 человек. Кроме обслуживания орудий пушкари постоянно охраняли «зеленую и свинцовую казну», т.е. земляной погреб с запасами пороха и свинца. Обычно порох, ядра и свинцовые пули для пищалей присылались сверху, но иногда встречались сведения о ядрах, произведенных в малом количест-

ве в Осколе. К тому же, в годовых отчетах воевод постоянно упоминается приспособление для литья пуль («фурма в десять гнезд»). Привлекались служилые люди и к другим видам «государевой службы». Так, в материалах «по отводу» в списках лиц по межеванию земельных наделов довольно часто фигурировали фамилии местных пушкарей.

К нестроевому составу служилых людей пушкарского чина относились воротники, казенный кузнец и плотник. *Воротники* несли свою службу у крепостных ворот и обязаны были следить за их состоянием. Численность данной категории служилых людей оставалась практически неизменной – 7-8 человек. *Казенный кузнец и плотник* были прикреплены к «наряду» и занимались ремонтом орудий, изготовлением станков к ним. Привлекались они и к строительству оборонительных сооружений, но отстаивали свое право относиться к категории служилых пушкарского чина. По этому поводу в архивах сохранилась челобитная к государю: «Бьет челом тебе сирота твой Оскольского города Ивашка Наумов сын Дедилов, и Терешка Клейменов сын Юров, и Андрейка Максимов сын Верейкин, работали в переделках в городе твоих житниц летом и всю зиму, в Жестовом острожке башни рубили, и ворота делали, и острог ставили, а жалования не дают ничего. На Осколе городе крыли Соборную церковь, и нам на Осколе не дают пахотной земли, ни дворов, ни усадов. Пожалей и пожалуй нас как прежде указом в ряд с пушкорями и затинщиками»¹³¹. В отчетах воевод в течение всего периода численность казенных кузнецов и плотников не превышала 2-3 человек.

Численность служилых людей пушкарского чина
(пушкари, затинщики, воротники, казенные плотник и кузнец)

Годы	Численность	Годы	Численность
1615	57	1631	59
1616	60	1632	57
1617	53	1633	60
1618	53	1635	57
1619	53	1636	60
1625	59	1639	60
1626	59	1643	60
1627	59	1644	60
1628	59	1645	59
1629	59	1646	59
1630	59	1651	50

Слобода пушкарей располагалась в «Большом остроге» напротив дворов стрельцов, а впоследствии переместилась на конец полей и была объемом в 690 четвертей (по 15 чети пушкарю и 12 чети затинщику), пашня в пределах 43-45%. Земельный надел в 54 четверти воротников (8 чети человеку) и их жилые дворы находились в районе речки Убля на Воротниковой поляне. Изменений социального статуса служилых людей пушкарского чина, по крайней мере до конца столетия, в архивных материалах не обнаружено.

Еще одну категорию приборных служилых людей составляли «ямские охотники», имеющие все необходимое для «гоньбы» – лошадей, подводы, упряжь. Ямщики на добровольных началах заключали с правительством договор на длительный срок «возить на своих подводах служилых людей для государева дела...гонять всякие службы»¹³². В «сметных росписях» сведения о данной категории населения встречаются значительно реже. Но наблюдения над источниками позволяют сделать вывод, что изменений в служебных обязанностях не наблюдается, а численность остается неизменной в пределах 20-30 человек.

Численность ямщиков

Годы	Численность	Годы	Численность
1615	19	1630	20
1616	20	1631	20
1617	18	1632	27
1618	18	1633	27
1619	18	1635	27
1625	20	1636	27
1626	20	1639	27
1627	20	1644	27
1628	20	1645	36
1629	20	1651	20

Ямская слобода была основана в 1600 году за рекой Осколец на жожевских местах. Управлял ямщиками служилый чин из детей боярских. Земельные угодья определены в двух местах: двести четвертей между Осколом и Оскольцом к Ублинскому лесу и двести четвертей в верховьях речки Чуфичевка (по 20 чети ямщику). Данная

группа приборных людей значительно дольше других сохраняла свой социальный статус.

В оскольских материалах упоминаются иноземцы. Людей на западных и юго-западных землях Руси, территория которой попала под власть Польши, именовали «литвинами». Вероятно, данный термин фиксировался по привычке, связанной с существовавшим ранее Русско-Литовским государством. Однако значительно чаще упоминается термин «черкасы». В источниках данная категория населения именовалась, с одной стороны, как «воровские черкасы», а с другой, – как «служилые черкасы». С началом строительства Белгородской черты, потребовавшей увеличения численности военно-служилого сословия на границе, на Осколе появились первые «служилые черкасы». В 1635 году оскольский воевода Константин Пушин сообщает, что «сентября 18 дня отпущены на Оскол на житие выходцы из-за рубежа запорожские черкасы Васька Самойлов, Лукашка Павлов, Яцко Семенов, Гришка Полщенков...»¹³³. В следующем году воевода устроил группу черкас атамана Федора Юркова¹³⁴. По данным ноября 1636 года, в составе оскольских служилых людей зафиксирована группа черкас количеством в 21 человек¹³⁵. Несмотря на фрагментарность сведений, было установлено, что численность служилых черкас в первой половине XVII и позднее была незначительна – 20-30 человек. Привлечение иноземцев на государеву службу давно практиковалось на Руси. Данное явление имело как негативную, так и позитивную сторону, но не оказывало значительного влияния на численный состав населения. В Оскольском крае статус служилого чина черкас размыт. Например, первой группе был определен поместный оклад в 150 четвертей, а денежный – в 5 рублей. Другая же группа обустроена как приборные люди. К тому же опыт привлечения черкас на службу иногда давал отрицательные результаты. Так, в августе 1638 года «побежали с Оскола приезжие черкасы, которые устроены на Осколе на житие, Мишка Филипов, Севка Брыков, Тимошка Семенов, Марчко Демидов, покрали у осколян жилецких людей лошадей»¹³⁶. К семидесятым годам столетия число черкас сократилось до 15-17 человек, «и те черкасы в полковой службе в Белгородском полку, а в городской службе оскольских черкас нет ни одного человека»¹³⁷. В источниках более позднего времени сведений о служилых черкасах не обнаружено.

Таким образом, оскольские служилые люди в первой половине XVII столетия были сформированы в структуру, замкнутую в себе и прикрепленную к службе. Особенностью структуры является превалирование «приборного» населения. Тем не менее, здесь не следует преувеличивать роли служилых людей по «прибору». Несомненно, при формировании новых городов данная категория в составе населения была преобладающей. Однако в процессе развития региона население не было стабильным. Происходили изменения в составе населения, затрагивающие различные социальные слои. Соотношение служилых людей «по прибору» и по «отечеству» пропорционально меняется. Так, служилые люди по прибору в 1615 году составляли 85,9% от общего числа служилых людей города и уезда, к середине XVII столетия – 29,5%. Впрочем, в разных уездах густота населения и его устройство не в равной мере действовали на уклад общества. Но все же следует отметить определенную закономерность распределения населения на южных рубежах России. По мере продвижения границ к югу менялось и соотношение категорий населения. Так, в 20-е годы XVII века в Курске приборные люди составляли 58,4% от общего числа служилого сословия, в Ливнах – 56,3%; в Ельце – 60,1%, в Осколе – 74,6%, в Белгороде – 81, 5%, в Воронеже – 79,1%, население же в Валуйках и Лебедяни практически на 100% состояло из приборных людей¹³⁸. В 30–40-х годах на Белгородской черте устраиваются новые города-крепости, в первую очередь Усерд, Яблонов и Короча, в строительстве которых оскольские служилые люди играли значительную роль. Например, в 1643 году численность служилых людей по прибору от общего числа составляла в Усерде – 96,9%, в Яблонове – 96,9%, в Короче – 97,4%, а в Осколе – 51,4%¹³⁹. Следовательно, по мере продвижения границ государства на юг меняется соотношение численности населения в пользу служилых людей на поместном праве. В нашем случае уже Оскольский уезд становится северным регионом, в котором служилые люди по прибору не преобладают. Если численное соотношение основных чиновных групп по разным причинам постоянно менялось, то общее количество увеличивалось.

Общая численность служилых людей

Годы	Численность	Годы	Численность
1615	792	1632	924
1616	873	1633	924
1618	617	1635	924
1619	625	1639	934
1625	652	1643	854
1627	673	1644	905
1629	698	1645	942
1630	751	1646	940
1631	754	1651	927

Термин «*неслужилые люди*» принят в исследовании, исходя из оппозиции основному признаку классификации – «ратная служба», т.е. население, которое непосредственно не принимало участие в воинской службе и ее организации. Рассматривается состав и динамика численности духовенства, торговых людей, деловых и дворовых людей, крестьян и бобылей, иных групп населения города и уезда.

Духовенство представляло собой организацию, состоящую из епархий, монастырей и приходских церквей. До утверждения в 1667 году на Юге России Белгородско-Обоянской епархии, Оскольский уезд входил в состав патриаршей области¹⁴⁰. Количество монастырей и церквей и численность людей «монастырского и церковного чину» на протяжении изучаемого периода менялось. Для выяснения состава и численности церковнослужителей прежняя методика исследования структуры служилых людей не применима, ибо в «сметных росписях» священнослужители практически не фигурируют. В материалах Патриаршего и Монастырских приказов сведения об оскольских монастырях и церквях встречаются редко. Основные сведения были взяты из писцовых и переписных книг, дополняемые материалами из окладных книг оскольской десятины, «сказок» священнослужителей и прочих архивных документов, где имеются данные о духовенстве. Используя эти данные, можно установить количество монастырей и церквей, определить общее число священнослужителей. Анализ переписных книг, росписей и сказок в отношении состава оскольских

монастырей дал возможность идентифицировать все монастыри (к началу XVIII в. их было четыре: Троицкий, Никольский, Таволжанный – мужские и Успенский женский). В первой же половине семнадцатого столетия – два первых. «В версте от города...на посаде монастырь Живоначальные Троицы в Тюляхтине поляне, а в монастыре храм Живоначальные троицы – деревян, клецки, с трапезою»¹⁴¹. Возглавлял монастырь старец-строитель Ефрем, «и всех в монастыре пять старцев»¹⁴². По данным 1643 года, в монастыре «у тое же церкви два предела – Введение Пресвятые Богородицы да Николы Чудотворца..., на монастыре ж келья старца-строителя Ефрема да четыре кельи, а в них живут рядовые старцы – Александр, Ефимей, Иев, Авраамий, Макарей»¹⁴³. На территории Оскольского уезда был основан еще один мужской монастырь – «Чудотворца Николы на Холковом городище, на реке на Осколе, стал во 128-м (1619/1620) году по благословенной грамоте блаженные памяти Великого Государя святейшего Филарета Никитича патриарха Московского и всеа Руси; а на монастыре церковь Великого Чудотворца Николы, деревяна, клецки, с трапезою..., на монастыре ж кельи: келья строителя-старца Варсунофия, келья черного попа Давыда, пять келей, а в них живут рядовые старцы – Иев, Ефрем, Иссайя, Гаврило, Антоней, Савотей, Нафанаил»¹⁴⁴. В 1649/50 году по просьбе старца-строителя Ефрема Никольский монастырь приписывается к городу Царев-Алексеев¹⁴⁵. Выявленные монастыри, располагая незначительным числом священнослужителей, тем не менее вели относительно устойчивое независимое хозяйство. Монастырские земли были как поместными, так и вотчинными, на которых работали зависимые крестьяне. Обители владели «животиной», «рыбными ловлями», торговыми и ремесленными точками, перевозами и мельницами. Находясь в зоне повышенной опасности, монастыри обустроивали оборонительные сооружения. Например, Никольский монастырь на юге Оскольского края был обнесен тыновой оградой с башнями и пушками, которые им подарили донские казаки. Статус монастырских священнослужителей не определялся государственным чиновным укладом и потому к указаниям местной власти они относились избирательно. Так, инцидент, который произошел в октябре 1640 года, является хорошей иллюстрацией особенных взаимоотношений. Суть инцидента выявлена из челобитных оскольского воеводы Дмитрия Трофимовича

Сентова и сотника Севастьяна Никитовича Протасова¹⁴⁶. Наступали холода, и воевода принял решение о ремонте некоторых сооружений города, в первую очередь – «государевых житниц» с запасами хлеба. К обустройству было решено привлечь неслужилое население, в том числе и монастырских крестьян. Два раза посылал вобитель караульных стрельцов, но безрезультатно. Наконец, в съезжую избу явился сам настоятель Ефрем и, как утверждает Дмитрий Сентов, «лаялся матерно». Словесная перепалка закончилась фразой старца-строителя «слово и дело государево», что было, по сути, обвинением воеводы в политическом преступлении. После отказа Ефрема дать показание настоятель был взят Севастьяном Протасовым под стражу. Добавим, что в структуре Российской Церкви оскольские монастыри ни в материальной, ни в духовной жизни не занимали значимого места, хотя, безусловно, были интересны своим своеобразием.

Ко времени составления «Дозорной книги», по-видимому, все жители города и уезда были православными. В актовом материале не обнаружено сведений о представителях иного вероисповедания. Для удовлетворения религиозных потребностей оскольчан были построены деревянные храмы, к ним назначены церковнослужители. Категория населения «церковного чину» представлена священниками («протопоп», «попы»), дьячками, пономарями и просфирницами («проскурницами»). Количество храмов на протяжении изучаемого периода, естественно, менялось, изменялась и численность церковников. Но, учитывая незначительный рост численности служилого населения в первой половине XVII в., она не могла изменяться большими темпами. По данным «Дозорной книги», в городе и уезде насчитывалось 14 храмов и 35 священнослужителей (исключая монахов)¹⁴⁷. В 1628 году в городе, пригородных слободах и уезде действовали 14 храмов, в 1630 – 15, 1631 – 16, 1635-40 гг. – 17, 1646 – 19 храмов и 38 церковнослужителей¹⁴⁸. Обычно православные храмы возводились силами прихожан, гораздо реже – за государственный счет. Церковнослужители последних обыкновенно получали «ругу» – т.е. жалование из местной казны. Необходимо отметить отличие руги священнослужителям от руги церковной, определявшейся обыкновенно словами: «да руги церковныя на вино, да на темьян, да на ладан». Церковная руга всегда только денежная, тогда как руга священнослужителям могла быть и деньгами, и хлебом, и землей.

Очевидно, что руга определялась заранее, по штату, на каждую церковь, независимо от того, находится ли при ней полное число священнослужителей или нет. Именно поэтому выявить численность священнослужителей православных храмов является задачей сложной. Сказывается отсутствие полных описаний в поселениях храмов и церковнослужителей. Наличие храма в поселении не всегда означало наличие при нем определенного числа церковников. А описание дворов священнослужителей не всегда означало наличие в селе храма. В процессе заселения территории происходили изменения и в приходах, и в штатах священнослужителей. Но в архивных материалах фиксацию данных изменений обнаружить не всегда удается. Для выяснения численности и состава священнослужителей можно оперировать средними цифрами, чтобы восполнить недостаточность сведений источников. При всей условности и приблизительности цифр, они отчетливо выявляют тенденции: изменения численности и состава духовенства происходят все время, но в первой половине XVII столетия этот процесс шел медленнее. При этом структура в целом практически не изменилась.

Посадские люди были неодинаково устроены в городах южной окраины России. В Оскольской «Дозорной книге» термин «посадские люди» не упоминается. Термин же «посад» относится к территории большого острога, в котором располагались слободы служилых людей – «На *пасаде* в Большом остроге...»¹⁴⁹ и т.д. Однако в источнике начала изучаемого периода отмечено также, что «... на посаде ж лавки, а в них торгуют станичные ездоки, и казаки жилые, и стрельцы, и пушкори, и торговые люди»¹⁵⁰. Термин «люди торговые» прилагался к отдельным лицам, выделяя их из общей группы торгующих служилых людей. Наличия дворов у данной категории населения в источнике не указано. Всего торговых людей, владельцев лавок, – 14 человек¹⁵¹. В отчете воеводы Данилы Моисеевича Яблочкова от 15 марта 1628 года указано, что в Осколе 20 «амбаров» торговых людей «против ворот больших, от острожных ворот сажен с десять, и съезжие люди торгуют здесь же»¹⁵². Воевода Дмитрий Иванович Плещеев 29 апреля 1645 года «привел к кресту» на верность царю Алексею Михайловичу 15 человек *посадских людей*¹⁵³. В «Переписной книге» за 1646 года «...на посаде дворы посадцких торговых людей – дватцать семь дворов, а людей в них тож»¹⁵⁴. В данном

случае термин «*торговый человек*» прилагается не только к лицу, занимающемуся торговлей, но и к представителю тягловой посадской сословной группы. Так, выборный таможенный голова сын боярский Гаврила Стрельников в приходно-расходной книге за 1652 год указывает, например, что за торговую точку – лавку взята пошлина с *посадского человека* Чеботарева Степана, а в списке таможенных сборов с товаров Чеботарев Степан значится оскольским *торговым человеком*, продающим мед, вошину и бочку дегтя¹⁵⁵. Вероятно, что термины «люди торговые» и «люди посадские» равнозначны. Относительно устройства посадской общины в актовых материалах никаких данных не обнаружено. Несомненно, государство на юге России отдавало предпочтение служилым людям, которым приходилось нести действительно тяжелую службу. При столкновении интересов посадской общины и людей служилых правительство принимало сторону последних. И, вероятно, поэтому в Осколе не было ни постоянного количества, ни постоянного роста посадского населения.

Во второй половине столетия в составе оскольского населения перестают фигурировать «*дворники*». Состояние этой группы окончательно не определено. Естественно, возникает вопрос: что это за люди, как набирались? Впервые сведения об оскольских дворниках дает «Дозорная книга» 1615 года, где указано, что «в остроге для осадного времени» располагались 29 дворов станичников (вожи), «а в них дворников семнатцать человек»¹⁵⁶. Никаких сведений о социальной принадлежности и деятельности данной категории населения архивный источник не дает. Лишь однажды упоминается, что в осадном дворе вожа Юрия Жеремина проживает его племянник Иван Малахов¹⁵⁷. «Переписная книга» 1646 года сообщает, что «...на Осколе на посаде у аскольских у детей боярских на дворах живут вольные всякие ремесленные люди во дворничестве ...и всего дворников восемь человек»¹⁵⁸. В данном случае источник сообщает, что дворники относятся к категории вольных людей, т.е. не несущих ни государственного, ни иного тягла. К данной категории вольных людей в актовых материалах часто прилагается термин «гулящие люди». Так, к отчету оскольского воеводы Константина Пущина от 15 февраля 1635 года приложена челобитная «оскольских воротников Карпова Ивана с товарищи». В данном документе служилые люди обращают-

ся к государю с просьбой: «...Был наплечный мастер Михалко Скопинец, и был выбран из гулевых людей оскольского города, и тот мастер умер, и твои воеводы заставили дать нам, холопом твоим, сильно винных людей и кнутом бить, и пытаться. А нам, холопом твоим, от такие насилия невоготу, пожалуй нас, и дай нам того мастера выбрать из гулящих людей, которые живут с белых, а не в службе, и подати не платят, и живу себе дворами. Царь-государь, смилуйся, пожалуй»¹⁵⁹. Административное лицо – воевода также подтверждает наличие в городе данной группы населения: «...а которые на Осколе живут гулящие люди себе дворами, не в тягле, и твоего, государь, оброку не платят, а живут в белых, и я из тех из гулящих людей в наплечные мастера без твоего указу выбрать не смел. Что ты мне укажешь?»¹⁶⁰. Оба документа отмечают наличие у вольных людей дворов и, следовательно, к категории дворников они не принадлежат. Вероятно, речь идет о социальной группе, зафиксированной «Переписной книгой» 1646 года: «На посаде живут вольные люди себе дворами, кормятся работаю в миру. ... И всего вольных людей девять дворов»¹⁶¹. Определения же обязанностей дворников ни «Дозорная», ни «Переписная» книги не дают, за исключением того, что дворники имели какое-то ближайшее отношение к осадным дворам служилых людей, ибо указываются только тогда, когда во дворах не живут сами их владельцы. Проживая в городе, дворники, как видим, занимались ремесленной деятельностью, чем содержались, а вместе с тем управляли осадными дворами служилых людей. Ясно одно, что данная категория учитывалась в структуре городского населения. И «в сполошное время», т.е. в период предполагаемого нападения противника, дворники занимали свое место в системе обороны. Так, в отчете воеводы Дмитрия Плещеева от 21 марта 1644 года на случай осады в росписи указаны и неслужилые люди: дети, братья, племянники, крестьяне, *дворники*, половинщики и подсосудники, посадские, монастырские крестьяне, «угодные люди – 176 с пищалями и 272 с рогатинами»¹⁶². Очевидно, что вольные люди вышли из других сословий, но, сделавшись дворниками, не принимали на себя каких-то новых служебных обязанностей.

Что же касается вышеупомянутого в архивных документах «*наплечных дел мастера*» (исполнителя телесных наказаний – палача), то сведения о нем встречаются очень редко. Однако можно утвер-

ждать, что данная личность на протяжении всего изучаемого периода непременно присутствовала.

Сложным является вопрос о количестве *крестьян и бобылей*. В свое время подсчет крестьянского населения ряда южных уездов первой половины XVII провел И.Н. Миклашевский, в том числе и по Оскольскому уезду¹⁶³. В частности, он утверждает, что «по дозорной книге 1617 года во всем уезде был только один бобыль»¹⁶⁴. Однако численность отдельных групп населения определяется по-разному. Необходимо рассмотреть соотношение и монастырских, и церковных, и владельческих крестьян и бобылей, как оно предстает по использованным источникам. Так, при анализе «Дозорной книги» 1615 года установлено, что в уезде в деревне Подгорная Поляна Ублинского стана «в поместье за вдовою за Февранью за Ивановскою женою Мишустина, а на ея жеребеи двор помещиков мужа ея, да за нею двор крестьянин Петрушка Иванов сын Голевицы»¹⁶⁵. В том же стане в деревне Яблоновая в поместье Петра Фефилова два бобыля – Федор Григорьев и Алкодим Андреев¹⁶⁶. Во владениях стрелецкого сотника Ивана Михайловича Прокудина в деревне Прокудино Чуфичевского стана находился двор бобыля Дружины Иванова¹⁶⁷. В версте от города на вотчинной земле Троицкого монастыря проживали 6 «детеньшей» (в России XVI-XVII вв. крестьяне-сироты при монастырях, своей пашни не имели) – двory Клементия Мишустина, Степана Афанасьева, Степана Лысых, Прова Лысых, Ивана хомутника и Ивана токаря. Кроме того, при монастыре находились три двора бобылей – Ивана Соловкина, Семена Яковлева и Осипа Попанова, да семь пустых крестьянских дворов¹⁶⁸. Оказалось невозможным выяснить, кому принадлежал некий крестьянин Степан, владевший лавкой в городе на посаде, ибо не указано наличия у крестьянина двора¹⁶⁹. Таким образом, на 1615 год в городе и уезде насчитывалось 7 крестьян и 6 бобылей.

Иное соотношение крестьян и бобылей содержится в актовых материалах середины столетия. Согласно «Писцовой книги» 1643 года, в уезде насчитывалось 88 крестьянских и 12 бобыльских дворов: монастырских – 12 крестьянских, 5 бобыльских и один церковный бобыльский двор; владельческих – 64 крестьянских и 6 бобыльских¹⁷⁰. По переписи 1646 года в городе и уезде зафиксировано наличие 74 дворов крестьян и 66 дворов бобылей: монастырских – 26 крестьян-

ских и 23 бобыльских, церковных – 13 крестьянских и 1 бобыльский, владельческих – 35 крестьянских и 42 бобыльских дворов¹⁷¹. Таким образом, с течением времени наблюдается явный рост числа крестьянских и бобыльских дворов в поместьях служилых людей, однако затем численность этих дворов заметно уменьшится. Увеличение численности данной категории населения за сравнительно короткий промежуток времени нельзя объяснить естественным приростом. Максимальный рост крестьянского населения приходится на 20-е годы XVII в., что связано с переселением людей в Оскольский уезд. В 20-е годы, в связи с ослаблением татарских вторжений, усилился приток крестьянского населения в южные районы России. А.А. Новосельский выяснил, что основной поток крестьян направлялся в Курский, Елецкий, Ливенский уезды, покидая территории, расположенные к западу от Оки. Другой поток переселенцев направлялся в Лебедянский и Воронежский уезды из мест, расположенных к северу от них. Лишь незначительная часть (5-7 семей) перешла в Оскольский уезд. В 1620-е гг. названные уезды почти не подвергались татарским нападениям¹⁷². Возможно, более значительная часть через Ливенский и Курский уезды все же достигла территории исследуемого региона. Некоторая часть помещиков, верставшаяся в Оскольском уезде, несомненно, перевела крестьян на свои поместные земли.

По нашим подсчетам, в 1627 году в Оскольском уезде насчитывалось 247 дворов крестьян и бобылей, а в них 374 лица мужского пола. В 1643 году численность дворов сократилась до 84 и 132 человек. «Писцовая книга» дает подробный материал выбытия крестьянского сословия и причину выхода. Крестьяне: умерли – 34 человека (22 ч. в 30-е годы); убили татары – 8 человек (6 ч. в 30-е г.); убили черкасы – 2 человека – 1617 г.; захватили в плен татары – 26 человек (17 ч. в 30-е г.); постриглись в монахи – 1 человек; сошли с земли – 119 человек (70 ч. в 30-е г.). Всего убыло по различным причинам 190 крестьян, из них 135 – в 30-е годы. Бобыли: умерли – 7 человек (6 ч. в 30-е г.); убили татары – 4 человека в 30-е годы; убили черкасы – одного в 1617 г.; взяли в плен татары – 17 человек (13 ч. в 30-е г.); сошли с земли – 78 человек (66 ч. в 30-е г.); по одному записались в г. Оскол в стрельцы, казаки и ямщики. Всего выбыло 110 бобылей – 88 человек в 30-е годы. Итого выбыло по различным причинам 300 крестьян и бобылей, а из общего числа – 223 человека в 30-е годы.

Сошли с земли 197 человек – 38 в Усерд, по одному в Яблонов и Валуйки, остальные в неизвестном направлении¹⁷³. Часть зависимого населения приобретала свободу, уйдя на Дон и «донецкие городки». Значительное число взято в приборные люди за землю и жалование. Возможно, какое-то число стало «вольными гулящими людьми», работающими по найму.

Численность неслужилого населения

Категория населения	1615 г.	1627 г.	1646 г.
Священнослужители	40	47	50
Посадские и торговые люди	14	20	27
Дворники	17	8	8
Вольные люди	–	–	9
Крестьяне и бобыли	13	247	140
Прочие	4	4	12
Всего	88	326	216

Рост численности неслужилого населения значительно уступает росту служилого сословия. При этом наблюдается прирост только духовенства. Значительному колебанию подвержена категория зависимых людей, следствием чего было сближение отдельных групп населения, слияние бобылей и прочих зависимых разночинцев с крестьянами. Многочисленными были проявления социальной мобильности, менялось соотношение сельского и городского населения.

В разделе о заселении сообщалось, что термин «город» неоднозначен, до сих пор исследователи не пришли к единому мнению о том, какие поселения в России XVII века считать городами. Останемся на субъективном представлении автора об основных критериях городского поселения, чтобы приблизительно выделить городское население и получить примерно сопоставимые данные на начало и конец изучаемого периода. Локальное поселение на южной окраине России Оскол, бесспорно, являлся военно-административным центром округа, уездным центром, в сочетании со служилым и торговоремесленным населением. В 1615 году в городе были воеводские хоромы, земская и таможенная избы, государевы житницы, тюрьма и другие административные здания. Здесь устраивались смотры воен-

ных сил, происходили смены воевод, «посольские размены», решались судебные и спорные поземельные вопросы. Посадская часть города имела в наличии 43,5 лавок и 10 скамей (14 лавок принадлежало торговым людям), ремесленной деятельностью занималось 7 гончаров, 5 кузнецов, 2 масленника, замочник, токарь, сапожный мастер, чеботарь, золотарь, рыбники, калачники и др. Оскол являлся и духовным центром – 6 христианских храмов из 14-ти во всей округе, при наличии соборной Спасо-Приображенской церкви, что характерно для любого городского поселения. Та же тенденция сохраняется и к середине XVII столетия. Так, по актовым материалам 1646-1651 гг., в городе торговых и ремесленных дворов – 42, винокурня, два кабака, 25 лавок, 8 кузниц и т.д. Необходимо также принять условие проживания представителей различных социальных групп на определенной ограниченной территории. В нашем случае границы города не определяются только конструкцией оборонительных сооружений, которые являются лишь составной частью этой территории. Ее площадь, по нашим подсчетам, составляла примерно 342 240 м². Естественно, в первую очередь принималось во внимание наличие на ней жилья, имущества, хозяйства, а также живущих в хозяйстве людей, связанных родственными, экономическими или иными связями. Однако после сожжения города в 1617 году значительная часть горожан покинула территорию поселения. Правительство неоднократно указывало на возвращение людей в город. Попытки предпринимались оскольскими воеводами Данилой Яблочковым, Афанасием Тургеневым, Иваном Ржевским, Дмитрием Сентовым, Прокофием Воробьиным, Дмитрием Плещевым. Тем не менее, результаты были весьма скромными. Только к середине столетия по указу от 10 декабря 1652 года было найдено компромиссное решение, по которому воевода Иван Языков для осадного времени в пределах городской черты определил отселившимся городским жителям «делать пять человек избу и клеть»¹⁷⁴. Однако количество жилых дворов в сравнении с начальным периодом (463 двора) сократилось почти вдвое. Таким образом, уменьшение численности населения города Оскол является характерной чертой первой половины столетия. Здесь и внешнее воздействие, и «небрежность» при проходе через город воинских соединений, и посольские размены, и переход населения в города на «черте», и иные объективные и субъективные причины.

Городское население

Категория населения	1615 г.	1646-52 гг.
Воевода и подьячие	2	4
Казачи	161	115
Ездоки	111	–
Стрельцы	96	45
Пушкари	48	40
Священнослужители	10	18
Посадские и торговые люди	14	27
Дворники	17	8
Вольные ремесленные люди	–	9
Прочие	4	4
Всего дворов	463	270

Как видно из таблицы, в составе городского населения, безусловно, преобладали служилые люди, но все-таки автор в связи с принятым компромиссом не может гарантировать точность цифр их *жилых* дворов.

Проведение исследования состава оскольского населения было бы неполным без упоминания представителей местной управленческой структуры. В XVII веке на роль военного и гражданского управителя во всех городах южной окраины России назначался Разрядным приказом *воевода*. Задачей воеводского управления в Осколе и уезде являлось проведение в жизнь указаний вышестоящей власти, для обеспечения чего воеводы располагали широкими полномочиями. Срок пребывания в воеводской должности определялся двумя годами. Случаи уменьшения или увеличения срока службы были связаны в основном с чрезвычайными обстоятельствами. Изучение полномочий оскольских воевод не входит в задачи работы, а рассматривается как составляющая управленческой структуры в составе населения. Прибыв на место, воевода обязан был руководствоваться в своей деятельности выдаваемым «наказом». В нем предписывалось, что быть ему на службе вместо прежнего воеводы: «...Взять у него ключи городовые, и острожные, и зеленые, и денежные казны, наряд, и зелье, и свинец, и всякие пушечные запасы, и в житницах всяких

хлебов. Опись составь городу и наряду, казне, грамот, книги приходные и расходные хлеба, и перечневые росписи, и всех служилых людей росписи послать. Всякие крепости описать, пересмотреть оклады таможенные и кабацкие, и наряд, и станицы, и сторожи, и заставы. Жилецких людей расписать в сотни, где кому в осадное время быть в великом бережении, город укрепить.... Собрать в город людей со всякими животы, хлебом и припасы и уездных людей. Учيني голов и списки, где им стоять. Сообщи соседям в польские города. Опечатать своею печатью и зелье, и свинец, и сторонних людей не пускать, и чтоб никто не знал, отвечаешь ты и головы. Городовые и острожные ключи у осадного головы. Двери на ночь замыкать и отмыкать только по вестям. Стада конские и животинные в летнюю пору из острога выпускать и стеречь, чтобы воинские люди не угнали. Если узнаешь о мировом поветрии, то поставь заставы по мостам, перевозам и переездам. Всех расспрашивай кто и откуда. Расспросные речи переписывать на новую бумагу через огонь. Полоняников и вестовщиков к Москве с проезжей грамотой. Указ прочитай против разбою и воровства, сажай в тюрьму и смотри по виновности. За кормчество и питье суды винные велети имать и отправлять на кабак, виновных сажать в тюрьму и бить... Чтоб в летнее время на посаде и по слободкам в жаркие дни изб и мылен не топили, а для хлебного печения велеть поделать в огороде печи не близко от хором. А по городу, и по острогу, и по воротам, и по башням, и по стенам велети от огня держати с водою кадки и мерники большие во все лето...»¹⁷⁵.

Городские воеводы принадлежали к разряду служилых людей «по отечеству» верхних ступеней иерархической лестницы. Из 28 выявленных по архивным документам оскольских управителей первой половины семнадцатого столетия чаще всего в именовании должности прослеживается словосочетание «стольник и воевода». Иногда встречается термин «окольник и воевода» или «князь и воевода». Однако титул князь особого отношения к чиновному укладу не имел, ибо в сложной системе местничества все зависело от родовитости и близости к трону. В связи с этим хотелось бы упомянуть об интересной стычке двух воевод на Осколе в 1646 году. Так сложились обстоятельства, что в городе одновременно оказались равные по чину два управителя – стольник и воевода Василий Борисович Шереметьев и официально утвержденный на Осколе стольник и вое-

вода Дмитрий Иванович Плещеев. Взаимные претензии обернулись для Дмитрия Ивановича четырьмя днями отсидки в земляной тюрьме, в которую его за руки и ноги вбросили люди московского стрелецкого сотника Бориса Бабаева. Не вдаваясь в подробности ситуации, акцентирую внимание на фразе из челобитной государю воеводы Дмитрия Плещеева: «Наш род не ниже Шереметьевских». В системе местничества подчинение равному по статусу означало унижение рода. Оба управителя получили указ о направлении людей в Белгородский полк «в сход к боярину и воеводе князю Никите Ивановичу Одоевскому». Указ строго выполнялся, так как князь обладал высшим чином боярина. Однако некоторые оскольские служилые люди, у которых с воеводой еще ранее возникли разногласия, воспротивились его наказам, найдя поддержку у Василия Шереметьева. Отношения воевод стали натянутыми, в центр полетели челобитные. В этой «борьбе» Василий Шереметьев оказался более расторопнее, вследствие чего Дмитрий Иванович очутился в тюрьме. Разногласия в вопросе подчиненности возникали и ранее, и позднее до отмены местничества в 80-е годы столетия.

Еще одну группу в управлении составляла бюрократия – *подьячие*, основной обязанностью которых являлась работа в государственном учреждении на местах. В их ведении находилась деловая переписка, составление отчетов, смет и иных материалов на местном уровне. Вероятно, отдельных списков для подьячих в Разряде не составлялось, а основным учетным документом для исследователя были сметные списки служилых людей. Однако комплектование кадров находилось не только в ведении Разряда, но и воевод, которые не всегда в своих отчетах упоминали подьячих и их оклады. Сроки службы подьячих часто не совпадали со временем правления воеводы, поэтому из Разрядного приказа шли запросы, «...что на Осколе в приказной избе подьячих, и почему их жалование не указал, и по чему жалованию сидят, почему не указал»¹⁷⁶. Кроме подьячих в приказной избе существовали площадные подьячие, составлявшие документы частным лицам, которые со второй половины столетия стали фигурировать в «рописях». Количество подьячих в оскольской приказной избе менялось на протяжении всего исследуемого периода. В «Дозорной книге» 1615 года указан один подьячий – Ларион Иванович Белов¹⁷⁷. В 1645 году в «Крестноприводной книге» значатся уже

три подъячих съезжей избы – Бакшеев Иван Нефедович, Маруков Зиновий Третьякович, Дьяков Матвей Давыдович¹⁷⁸.

Существенную роль в управленческой структуре играло «головство». В первой половине столетия многие должностные обязанности как в воинской, так и в гражданской службах выполняли «*головы*» – осадный, стрелецкий и казацкий, сотенный и станичный, кабацкий и таможенный. Головы назначались воеводою исходя из полномочий, зафиксированных в наказах, некоторые утверждались в соответствующих Приказах. Существовал так же негласный порядок выбора голов, имевший, возможно, более глубокие традиции, чем назначение. Выбирались или назначались головы только из детей боярских, тогда как *целовальники* (целовали крест при выборе на должность) выбирались и из приборных людей, как и назначаемые сотенные пятидесятники и десятники.

Таков в общих чертах состав населения Оскольского края первой половины семнадцатого века. Остается только уяснить сущность двора и его наполняемость.

4. Двор и дворовое место, средняя населенность двора

Население, его характеристики непрерывно меняются через процессы рождаемости, смертности, формирования и распада брачных союзов, миграции. Словом, идет непрерывный процесс изменений населения, его характеристик, структур. Источники по статистике населения XVII в. учитывают, с одной стороны, боеспособное население, а с другой стороны, – землевладельцев и «дворохозяев». Расчетной единицей служил только боеспособный мужчина или хозяин двора мужского пола. Однако писцовые книги не дают не только полной цифры населения мужского и женского пола, но даже полной цифры мужчин. Следовательно, необходимо выяснить соотношение дворов и людей.

Анализируя писцовые описания поселений и земельных наделов, обращаешь внимание, что писцы указывают не только размеры землевладения или его поместной доли, но и наличие двора у землевладельца. При этом писцы удостоверяют наличие «жилого двора», «пустого двора», а также «дворового места». Если землевладелец имеет несколько участков, составляющих его поместный земельный оклад, то в писцовых описаниях его фамилия фигурирует в разных

поселениях. Однако в одном поселении он зарегистрирован как владелец поместья и жилого двора, а в другом или других как владелец поместья и дворового места. Пустые дворы и поместья также регистрировались, причем указывались причины запустения. Естественно, к объяснению термина «двор» надо подходить взвешено. В повседневной жизни он представлял собой ограниченную территорию с обустроенной оградой определенной конструкции. На этой территории располагалось жилое помещение, хозяйственные постройки и, говоря современным языком, приусадебный участок. При этом условные части территории в обиходе также именовали двором. Например, в жаркий и сухой май 1638 года в съезжую избу к окольскому воеводе Ивану Андреевичу Ржевскому пришла челобитная от сына боярского Афанасия Савина: «... Велено мне в городе и остроге, и везде по слободам печатать избы и бани от пожаров. И в мае 17 дня увидел в стрелецкой слободе, от города верст с три, у Семена Масленника *за анбарами в третьем дворе топит баню*, сняв печать. Я сделал ему внушение, а он хотел меня бить ослопом, и кто тебя посылал, и что ты у меня в доме делаешь. Ты меня освободи»¹⁷⁹. При учете двора как окладной единицы также встречаются подводные камни. В «Переписной книге» 1646 года отмечено наличие дворов родственников зарегистрированных землевладельцев. Однако окладной единицей первой половины века являлась «соха», а переход на налоговый двор осуществился только в 70-е годы столетия. Важнейшим атрибутом формирования территории было «межевание», будь то любой населенный пункт или отдельное земельное владение. При этом обязательно присутствовали все заинтересованные лица, чтобы не возникало споров. Данная процедура регистрировалась в специальных «межевых книгах» и считалась официальным документом. В писцовых материалах имеются данные о межевании жилых дворов, в том числе с указанием размеров, как в уездных поселениях, так и в городе и слободах. На месте предполагаемого поселения также происходила разбивка на местности участков будущих жилых дворов, т.е. дворовых мест. Таким образом, счетной единицей принимается зарегистрированный жилой двор и его владелец. В данных обстоятельствах в расчет не принимается ни территория, ни характер построек, ни форма собственности. Однако открытым остается вопрос о населенности двора.

Интересную методику выявления численности населения в российских городах предложил Н.Д. Чечулин, при этом материалом для расчета послужили именно *переписные книги*. Он производит расчет количества детей мужского пола, приходящихся на 1000 мужчин, считая, что это отношение зависит главным образом «от естественных причин, меняющихся, конечно, чрезвычайно медленно»¹⁸⁰. В результате наблюдения над девятью городами Н.Д. Чечулин приходит к выводу, что на 1000 взрослых мужчин (считая от 15 лет и выше) приходилось детей мужского пола до 15 лет 633 человека и 1633 взрослых женщин и девочек. Для определения общего числа жителей он предлагает цифру взрослых мужчин умножить на 3,266¹⁸¹. Далее Н.Д. Чечулин акцентирует внимание на том, «что помножать на этот множитель нужно не число дворов, а число указанных в городе мужчин; поэтому, естественно, число людей во дворе в разных городах может и довольно значительно различаться»¹⁸³. Таким образом, по его расчетам в среднем на один двор приходится 2,13 человека мужского пола и такое же число женского пола, т.е. 4,26 человека на один двор.

Средней населенностью двора в XVII в. С.К. Богоявленский и П.П. Смирнов считали цифру в 5 душ¹⁸⁴. Я.Е. Водарский характеризует численность населения во дворе за большой период времени, в частности в конце XVI – начале XVII в. – 5,04, в 1646 году – 5,22 человек мужского и женского пола¹⁸⁵. При этом исследователи руководствовались в расчетах данными *писцовых описаний*. В.Д. Назаров и Ю.А. Тихонов, используя другой тип источников (*отказные, отдельные и отписные книги из фонда Поместного приказа*), отмечали среднюю населенность крестьянского и бобыльского двора в 1614 г. – 3,74 человека, а к 1646 г. – 5,05 человек мужского и женского пола¹⁸⁶. Как видим, амплитуда колебания средней населенности двора у исследователей большая.

Обратимся к оскольским писцовым описаниям. Так, «Дозорная книга» 1615 г. указывает на наличие в городе и уезде 859 дворов и 907 людей в них (дееспособный возраст официально наступал с 15 лет). Значит, на одного дворохозяина приходится 0,06 человека, что явно нереально. В документе зафиксировано также 7 вдов и 14 недорослей. «Писцовая книга» 1643 года предлагает более обширную информацию о населении в уезде – 550 дворов и 836 людей в них,

т.е. на одного дворохозяина приходится 1,7 человека¹⁸⁷. Однако в общее число людей включены 100 недорослей и 20 вдов, поэтому неясно соотношение взрослых мужчин и недорослей на одного дворохозяина, не говоря уже о женской половине населения. В «Переписную книгу» 1646 года включены дворы некоторых категорий городского населения (сведения о пригородных слободах отсутствуют), дворы родственников, проживающих на поместной земле служилых людей – всего 640 дворов и 1044 человека (9 вдов), т.е. в среднем на одного дворохозяина приходится 1,63 человека мужского пола¹⁸⁸.

Наиболее детальные и достоверные военно-учетные списки, которые использовались при выяснении численности военно-служилого сословия. Анализ их показателей в сочетании с методикой Н.Д. Чечулина может дать правдоподобные результаты. Приведем несколько примеров учета служилого населения. Так, в 1632 году «на Осколе Яков Лукьянов сын Хрущов, а с ним: осколян детей боярских полковых 209 человек, новиков 140-го году 167 человек, обоего 376 человек; станичников – голов 20 человек, атаманов 20 человек, ездовых 120 человек, вожей 40 человек, всего 200 человек – обоего детей боярских и станичников 576 человек; с головою 95 стрельцов; казаков конных 113 человек, беломестных – атаманов один человек, есаул один человек, казаков 36 человек, голубинской слободы – атаманов 1 человек, казаков 30 человек; пушкарей и затинщиков 47 человек; воротников 8 человек; плотник 1 человек, кузнец один человек; ямские слободы охотников 27 человек; пасацких людей 11 человек; станичных ездовых детей, и братья, и племянников 8 человек; стрелецких детей, и братья, и племянников, и сосед 19 человек; казачьи детей, и братья, и племянников 12 человек, и с пищалями, и с рогатины, всего на Осколе всяких людей 1005 человек»¹⁸⁹. Если не брать в расчет «новиков» и одиннадцать человек посадских людей, которые не относятся к категории служилых людей, то на одного ратного человека приходится в среднем 0,35 мужчин старше 15 лет. По архивным материалам 1644 года, служилого сословия 931 человек, а «неслужилые люди – детей, братьев, племянников, крестьян, дворников, половинщики, соседей и подсоседников, монастырских крестьян, угодных людей 176 человек с пищалями, 272 человека с рогатинами, всего

448 человек»¹⁹⁰. Следовательно, в Осколе и уезде на один двор приходится 1,73 мужских душ.

Очень интересны сведения, представленные в Разряд 14 июля 1655 года старооскольским воеводой Петром Голыгиным. В росписи служилых людей указаны их родственники «братья, и племянники, и соседи, и зятя 15 лет и старше, всего 200 человек», а также недоросли до 15 лет – 124 человека. Кроме того, в росписи отмечены «старые увечные дети боярские, всех 53 человека». Всего служилого сословия 981 человек, неслужилого – 1089 человек, в среднем 2,11 человека на двор¹⁹¹. Естественно, свой расчет исследователь считает только приблизительным. Во-первых, статистический материал не дает представления о детях мужского пола младше 15 лет (отчет Петра Голыгина – это единичный случай). Во-вторых, материалы военно-статистического учета ни в одном случае не фиксировали представительниц женского пола. Обычно исследователи, чтобы получить общее число жителей, сначала выявляют число взрослых и детей мужского пола, а затем полученную цифру умножают еще на два. Характер актового материала XVII в. и последующих столетий позволяют утверждать, что вообще число женщин близко к числу мужчин и даже несколько выше его. «Этот вывод – заявляет тот же Н.Д. Чечулин – проверен в немецкой ученой литературе относительно нескольких городов в средние века, и цифры получались близкими к теперешним, но несколько выше их»¹⁹². Однако историческое развитие южного региона, фактически находящегося в зоне постоянных вторжений татар и отрядов «воровских людей», заставляет усомниться в истинности рассуждений о соотношении полов. Курский исследователь А.А. Танков в своей монографии о курском дворянстве, в частности, сообщает, что «в Оскольском крае было много мужчин и мало женщин»¹⁹³. Для решения возникшей проблемы необходимо использовать новые источники, обладающие определенными существенными характеристиками. Такими статистическим материалом в нашем случае стали «Сказки служилых людей о разорении и полону».

Преимущество этих источников в том, что в них пострадавший более точно сообщает сведения о характере своего двора и его населенности, и дворохозяин не ставит перед собой задачи утайки. Вполне возможно, что служилый человек может несколько увеличить хозяйственный урон, но никак не людские потери. Обратимся вначале к

источнику, где людские потери во дворе достигали максимума. Здесь речь идет об «августовском сидении» 1655 года. Старооскольский воевода Тимофей Ливашов в своей «отписке» в Разряд сообщает, что «приходили под Старой Оскол изгоном многие крымские, и ногайские люди, и турки, и черкасы, потому что сторожей поймали и до города не допустили, и Оскольского города слободы, и в Оскольском уезде села и деревни пожгли, людей побили и в полон поймали, и конские и животинные стада отогнали, а Оскола города осадили, и стояли под городом августа с 1 числа по 13 число без отступа, и приступы их из слобод были многие»¹⁹⁴. В 1659 году «на Осколе на съездем дворе» старооскольцы подали сказки «о разорении и полону» дозорщику Герасиму Коломнину¹⁹⁵. Приведем в качестве примера одну из сказок служилого человека: «Лета 7168 году декабря в 24 день по Государеву, Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержца указу, и по наказу стольника и воеводы князь Федора Федоровича Куракина за приписью дьяка Василия Сафонова сказал по святой непорочной евангельской заповеди Господней в Старом Осколе на съездем дворе дозорщику Гарасиму Васильевичу Коломнину Старова Оскола села Успенского стану Дубенскова сын боярский Арист Гязной. В прошлом во 167 году, как приходили войною крымский хан со многими землями и с черкасы, в тот приход, те воинские люди, взяли у меня в полон брата Мишку, племянника Алешку, Ивашку, мать мою Марицу, сестру Веру, Марфицу, Анницу, Авдотьицу, двор сожгли и разорили. То мою скаску писал осколянин Стенька Дьяков»¹⁹⁶. Был проведен тщательный анализ всех «сказок» оскольчан, который выявил, что нападению подверглись три стана уезда и пригородные слободы. Наибольшие людские потери в уезде: в Ублинском стане разорено 3 села, 5 деревень и в них 50 дворов; в Чуфичевском стане – 3 села, 6 деревень, 83 двора, в Дубенском стане – село, три деревни, 40 дворов. Людские потери составили 753 человека: отцов – 16 человек, братьев – 40 человек, сыновей – 167 человек, внуков – 41 человек, племянников – 48 человек, дворовых людей и крестьян – 18 человек, пасынков, шуринов, тестей, дядей и зятей – 9 человек, всего 332 человека мужского пола; матерей – 29 человек, жен – 66 человек, дочерей – 96 человек, «девок» – 59 человек, сестер – 21 человек, внучек – 28 человека, невесток – 59 человек, племянниц – 37 человек,

снох и тещ – 17 человек, всего 421 человек женского пола. На одного дворохозяина в среднем приходилось 1,92 мужчин и 2,43 женщин. Ввиду того, что возраст плененных и убитых жителей уезда в сказках не указан, возрастную структуру представить невозможно. Термин «девка», к примеру, не указывает на возраст, а представляет незамужнюю представительницу женского пола. Следовательно, цифра средней населенности двора на 1655 год составила 5,35 человек обоего пола – 2,92 мужского пола (с учетом дворохозяина) и 2,43 женского пола. Если взять показатели того же 1655 г., указанные в отчете воеводы Петра Голыгина, то наблюдается несоответствие средних цифр: 4,22 человека в среднем на один двор (с учетом равенства полов) и 5,35 в среднем на один двор из сведений «сказок» оскольчан. К тому же подтверждается версия А.А. Танкова о меньшем количестве женщин в Старооскольском уезде. В данном примере этот показатель меньше на 0,49 пункта. Нападения татар на старооскольские села и деревни совершались часто и сопровождалась пленением и, реже, убийством как мужчин, так и женщин. Это означало и прямое вмешательство в репродуктивный цикл, снижало естественную рождаемость, отчего снижалась плотность населенности двора. Несмотря на название «естественная», рождаемость также социально обусловлена. Потеря женщин в период нападения «воровских людей» на определенный срок сдерживала процесс воспроизводства. Не учитывать это явление было бы неверно.

Обратимся снова к фактам. Так, в 1643 году воевода Д. Плещеев сообщает, что «мая в 21 день прибежал осколянин сына боярского Степана Дуракова сын Тимошка приходили татары в Оскольский уезд в Ублинский стан в Заровенские деревни человек с 500 и их воевали, и я роспись послал»¹⁹⁷. Всего было разорено 67 дворов, людские потери были незначительны, но у служилых людей угнали практически весь скот. Однако в 18 дворах были стопроцентные людские потери, что позволило установить среднюю населенность двора в 4,43 человека – 2,27 мужского пола и 2,16 женского пола. Значит, и в данном случае число женщин меньше на 0,11 пункта. Аналогичную роспись погибших и взятых в плен за 1632 год послал воевода Яков Хрущов¹⁹⁸. Средняя населенность двора 4,35 человек обоего пола – 2,29 мужского пола и 2,06 женского пола, что ниже на 0,15 пункта. На начальный период исследования имеется в наличии

документ оскольского воеводы Андрея Наумова, который «челом бьет во 127 (1619) июля в 23 день прислана твоя грамота, сколько людей пострадало, и в плен взято литовскими людьми, и ково поймали и свели к себе в Польшу и в Литву, и кто взят и по какую пору. И я, холоп твой, спрашивал на Осколе пасацких, и уездных детей боярских, и всяких жилецких, и жилых, и пашенных людей, и мне сказали. И ту роспись послал к тебе августа в 25 день. Роспись как в прошлом во 125 году литовские люди полковник черкасский Михалка Пырской имал Аскол город и уезд воевал, и что в полон взято асколян детей боярских, и атаманов, и казаков, и стрельцов, и пушкарей, и затинщиков, и ездовых, и вожей, и воротников, и всяких служилых и жилецких людей, жен, и детей, и племянники, и братья...». Далее следует поименный список разных категорий населения, пострадавших от нападения отряда черкас¹⁹⁹. В составе семей различные категории родственников: отцы, сыновья, братья, племянники, пасынки, шурины, зятья; матери, жены, сестры, дочери, племянницы, падчерицы, невестки, снохи и сватья. Город был сожжен, в уезде разорено сто дворов, угнанных в плен и убитых – 458 человек (мужского пола 329 человек и женского пола 129 человек). Средняя населенность двора городских и уездных жителей составила 4,52 человека – мужского пола 2,3 человека, женского пола – 2,22, что меньше на 0,08 пункта.

Таким образом, в 1615 году плотность населения составляла 4,52 человека обоего пола в среднем на один двор, к середине XVII столетия (временной промежуток в 40 лет) этот показатель увеличился до 5,35 человек на двор. Показатель населенности двора в разные периоды то повышался, то резко понижался, в зависимости от сложившихся исторических условий. Однако тенденции роста явно налицо, что указывает на активный характер освоения исследуемой территории. Но главная причина увеличения плотности населения лежит не только в плоскости миграционного процесса, но и в характере семейно-брачных отношений того времени. Преобладала патриархальная семья, где традиционно брачные союзы зависли от воли родителей в выборе и порядке заключения браков детей. Браки обуславливали процесс естественной прироста населения. Естественный прирост, следовательно, приводил к повышению населенности двора. Основную массу населения составляли служилые люди, а историче-

ские условия развития южного региона постоянно требовали притока новых ратных людей. Характер службы, основанный на поместном праве землевладения, увеличивал отдели, способствовал увеличению количества дворов, но на определенный промежуток времени уменьшал среднюю населенность двора. Нельзя недооценивать высокую степень опасности в первой половине XVII в., когда была велика угроза быть убитым или угнанным в плен. Отток населения, недостаток женщин и сравнительно высокий уровень холостяков (до 30%) также способствовали уменьшению плотности населения. Таковы, на наш взгляд, основные причины колебания средней населенности двора.

На одной из научных конференций автору было сделано замечание, что некорректно применение десятичных долей в отношении к человеку. Несомненно, это «режет слух», и исследователи прошлого в вопросе плотности ограничивались фразой, например, 5-6 душ на двор. Тем не менее, расчеты современной демографии, исторической в том числе, изобилуют десятками, сотнями и даже тысячами, так называемыми «пикселями». Иногда в работе использовался, по мнению автора, более нейтральный термин – «пункт». Наша цель – получение более правдоподобных результатов, и эти данные дают возможность установить динамику численности населения.

Численность населения характеризует общую его величину, количество людей, проживающих на данной территории в данный момент времени. Итоговые данные о численности населения получают в результате проведения переписи жителей. Однако численность населения непрерывно меняется во времени. Чтобы последить изменения в населении за весь изучаемый период, необходимо иметь хотя бы несколько полных данных о количестве проживающих на территории людей в те или иные периоды. Однако имеются существенные затруднения – это отсутствие полных данных о числе рождений и смертей, а также о количестве прибывших и убывших на протяжении рассматриваемого периода, где мы имеем лишь отрывочные сведения. Так, имеются частичные данные о переводе служилых людей по прибору в города-крепости на «черте», подробные данные о смертности крестьян и бобылей в 30-е годы, их запись на службу в пограничные города. Имеются некоторые сведения о судьбе детей боярских, с причинами выбытия их самих и членов их семей. Например,

по писцовым материалам: «а Ильюшку з женой и з детьми во 150-м году взяли татаровя, а то его поместье лежит порозжо» (об Илье Лукьянчикове); «а Гаврило, взяв поместье, не селился, сшол безвестно» (о Гавриле Суковкине); «во 115-м году в воровстве убит на Туле, а после ево остались дети – Максимка, да Ивашка, да Левка, а Максимко да Ивашко померли, а Левка бродит меж двор» (о Филиппе Захарове); «во 141-м году взяли татаровя, а после его детей не осталось, а осталась жена его и она пошла замуж» (о Тихоне Овсянникове) и т.д.²⁰⁰ Даже если провести скрупулезные расчеты выбытия населения, то и тогда будет получена цифра только части жителей города и уезда. Сведения же о рождаемости в подавляющем большинстве случаев в XVII в. не фиксировались. Отсутствие данных о количестве рождений и смертей исключает возможность в полной мере использовать методики современной демографической науки. Однако разница отношений численности населения между определенными периодами позволит выявить изменения в населении.

В 1615 году в городе и уезде насчитывалось 859 дворов разных категорий служилого и неслужилого населения. Средняя населенность двора на данный момент 4,52 человека обоого пола. Следовательно, общая численность населения – 3882 человека. К 1655 году число дворов увеличилось до 1052 единиц, следовательно, при средней плотности населения в 5,35 на двор число жителей в городе и уезде – 5628 человек. За сорокалетний промежуток времени темп прироста численности населения составил 44,97%. Следует упомянуть об изменениях в численности городского населения. Естественно, исследователь руководствовался своим определением понятия «город», поэтому расчет численности городских жителей проходил по числу выявленных дворов. По состоянию на начальный период исследования в пределах городской черты располагалось 463 двора, следовательно, число жителей – 2093 человека, в середине столетия численность городских жителей составила 1291 человек.

Возможно также выявить величину среднегодового темпа прироста населения при различном уровне абсолютного прироста и временного интервала. Несомненно, среднегодовой темп прироста населения в определенные промежутки времени мог быть и отрицательной величиной, особенно в период активных нападений степняков и иных воинских отрядов. Возьмем, например, временной промежуток

длительностью в 5 лет с 1615 по 1620 гг., т.е. время после разорения города и уезда отрядом полковника Михаила Пырского. В данном случае среднегодовой темп прироста имел отрицательную величину (-0,39%). Естественный прирост не смог компенсировать людские потери в начальный период. Миграция населения также не была существенна. Правительство направило на восстановление крепости 800 человек из Воронежа, Ельца, Курска и Ливен, а вместе с местными служилыми людьми общая численность достигла 1585 человек²⁰¹. До разорения города в службе насчитывалось 790 человек²⁰². Однако воевода Андрей Наумов, принимая город в 1619 году, имел в наличии только 559 служилых людей²⁰³. Таким образом, большая часть служилого населения находилась на территории Оскольского уезда временно, но в статистический отчет все эти люди включены. Чтобы иметь полную картину изменений населения, необходимо в идеале обладать ежегодными данными его переписи, что нереально. Конечно, приведенные данные не претендуют на точность, но даже и в таком случае проблема изменения численности населения в изучаемый период может считаться решенной. Численность населения, безусловно, росла, поэтому проведенный исследователем расчет более или менее правдоподобен.

Имея данные о численности и направлениях перемещения населения, реально определить и плотность размещения населения на территории Оскольского уезда на начало и конец исследуемого периода. Для определения границ уезда в полной мере использовались межевые описания. Для отвода межи между поселениями и поместными владениями писцы часто использовали в качестве ориентиров ландшафтные особенности местности. Названия этих ориентиров сохранились в межевых книгах. Сличение списков селений со списками населенных мест по сведениям картографических описаний XVIII века показало, что подавляющее большинство поселений первой половины XVII столетия не изменило свое местоположение или меняло его не существенно. Ряд ландшафтных ориентиров и наименования географических объектов, которые были обозначены в межевых описаниях, отражены в картографических материалах XVIII и XIX веков, касающихся современного Старооскольского района и прилегающих к нему соседних территорий. Эти сведения позволили

определить условные границы станов уезда и занимаемую ими площадь в исследуемый период.

В разделе о заселении Оскольского края автор уже обращался к плотности населения, которая, как правило, рассчитывается числом жителей на квадратный километр. Предварительные расчеты позволили установить, что плотность составила около трети двора. Однако имея в наличии выявленные данные о числе станов и поселений, количестве жилых дворов в них и средней населенности, появилась возможность подойти к проблеме плотности по правилам демографии. Тем не менее, необходимо учитывать условность исторических границ и площадей территории Оскольского края. Плотность населения очень низкая и составляла около одного человека на квадратный километр (0,99) в 1615 году и 1,47 к середине столетия. Колебания происходили и в станах уезда: от 0,34 до 0,7 в южных – Дубинском и Орлицком, а в Ублинском, Чуфичевском и Окологородном – от 0,31 до 1,76. Все же основная масса населения владела дворами в пределах городской черты и в пригородных слободах (преобладание на начальном этапе колонизации служилого населения «по прибору»). До разорения города плотность населения составляла 26,36 человека на квадратный километр. Таким образом, плотность населения и характер размещения обусловлены конкретными социально-политическими и экономическими условиями того времени.

Примечания

- ¹. РГАДА. – Ф. 210 – Оп. 6д. – Книги Белгородского стола. – Кн. 15. – Л. 135.
- ². Там же. – Л. 135 об.-136.
- ³. См. Никулов А.П. «Оскольские древности» (архивные материалы XVII века). Часть II. Писцовая книга 1643 года (текст и комментарии): Документальные материалы. – Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2004.
- ⁴. РГАДА. – Ф. 210 – Оп. – 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 90 – Л. 83-87 об.
- ⁵. Там же. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 41. – Л. 95.
- ⁶. Там же. – Л. 97.
- ⁷. Там же. – Л. 101.
- ⁸. Там же. – Д. 58. – Л. 423-433.
- ⁹. Там же. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 157. – Л. 238.
- ¹⁰. Там же. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 99. – Л. 48-66 об.
- ¹¹. Там же. – Оп. 6д. – Книги Белгородского стола. – Кн. 29. – Л. 124-281
- ¹². Там же. – Кн. 17. – Л. 74.
- ¹³. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 25.
- ¹⁴. Там же. – Л. 24 об.
- ¹⁵. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 15. – Л. 143.
- ¹⁶. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 343. – Л. 425 об.-427, 429-430.
- ¹⁷. Там же. – Л. 473 об.-474, 483 об.-485.
- ¹⁸. Там же. – Л. 390 об.-392 об.
- ¹⁹. Там же. – Л. 286 об.-289 об., 299 об.-300 об.
- ²⁰. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 109. – Л. 176.
- ²¹. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 43.
- ²². Там же. – Л. 22-23 об.
- ²³. РГАДА. – Ф. 210 – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 99. – Л. 48-66 об.

- ²⁴. Там же. – Оп. 4. – Книги десятиен – Кн. 219. Ч. 1. – Л. 372-374
- ²⁵. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 217. – Л. 274-275.
- ²⁶. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 343. – Л. 48 об-49 об.
- ²⁷. Там же. – Л. 16, 18 об.
- ²⁸. Там же. – Л. 37 об.
- ²⁹. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 70.
- ³⁰. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 343. – Л. 50 об.-51 об.
- ³¹. Там же. – Л. 52.
- ³². Там же. – Л. 54.
- ³³. Там же. – Л. 68.
- ³⁴. Там же. – Л. 106-107.
- ³⁵. Там же. – Л. 117-117 об.
- ³⁶. Там же. – Л. 122-122 об.
- ³⁷. Там же. – Л. 154.
- ³⁸. Там же. – Л. 259 об.-260 об.
- ³⁹. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 105 об.-106.
- ⁴⁰. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 343. – Л. 694.
- ⁴¹. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. – СПб., 1880. – Т. I. – С. 50.
- ⁴². Полное собрание русских летописей. – М., 1978. – Т. 34. – С. 195.
- ⁴³. Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т. 14. – С. 45.
- ⁴⁴. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 41. – Л. 101–114; Акты Московского государства... – С. 215–238.
- ⁴⁵. РГАДА. Ф. 210. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 41. – Л. 95-97.
- ⁴⁶. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 1.
- ⁴⁷. РГАДА. – Ф. – 210. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 90. Л. 82-94.
- ⁴⁸. Там же. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 5. – Л. 235–257.
- ⁴⁹. Книги разрядные. – СПб., 1853. – Т. 1. – С. 269-270.
- ⁵⁰. РГАДА. Ф. – 210. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 1104. – Л. 470, 570.
- ⁵¹. Там же. – Оп. 6. – Д. 126. – Л. 322.

- ⁵². РГАДА. – Ф. 580. – Оп. 1. – Ч. 1. – Отдел местных учреждений. – Д. 6947. – Л. 74 об -75.
- ⁵³. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 1.
- ⁵⁴. Там же. – Л. 45 об.
- ⁵⁵. Там же. – Л. 1 об.
- ⁵⁶. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 51. – Л. 168-168 об.
- ⁵⁷. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 41.
- ⁵⁸. Там же. – Л. 48 об.
- ⁵⁹. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 15. – Л. 120-135 об.
- ⁶⁰. Там же. – Л. 135.
- ⁶¹. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 51. – Л. 150.
- ⁶². РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 15. – Л. 135-135 об.
- ⁶³. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 141. – Л. 155 об.
- ⁶⁴. Там же. – Кн. 342. – Л. 46 об.-47.
- ⁶⁵. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 41. – Л. 108.
- ⁶⁶. Акты Московского государства... С. 239.
- ⁶⁷. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 40 об.-41.
- ⁶⁸. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. – М., 1937. – С. 109–110.
- ⁶⁹. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. – Д. 60. – Л. 272–275.
- ⁷⁰. Там же. – Д. 217. – Л. 274-275.
- ⁷¹. Акты Московского государства. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 7.
- ⁷². Там же. – С. 33.
- ⁷³. Там же. – С. 50.
- ⁷⁴. РГАДА – Ф. 210 – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – 217. – Л. 584.
- ⁷⁵. Там же – Ф. 210. – Оп. 10 – Столбцы Владимирского стола. – Д. 90. – Л. 97–100 об.
- ⁷⁶. Ключевский В.О. Соч. – М., 1959. – Т. 6. – С. 157–172, 384–411.
- ⁷⁷. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 4. – Книги десятен. – Кн. 272. – Л. 39–50.

- ⁷⁸. Там же. – Кн. 219. – Л. 415.
- ⁷⁹. Там же. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 157. – Л. 216, 218, 227.
- ⁸⁰. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 591. – Л. 2.
- ⁸¹. Там же. – Ф. – 210. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 71. – Л. 342.
- ⁸². Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 502. Л. 148–153.
- ⁸³. Книги разрядные. – СПб., 1853. – Т. I. – С. 954–955.
- ⁸⁴. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. – 502. – Л. 85, 87 об.
- ⁸⁵. Там же. – Д. 212. – Л. 179–180.
- ⁸⁶. Там же. – Д. 60. – Л. 272.
- ⁸⁷. Там же. – Оп. 4. – Книги десятиен. – Кн. 219. – Л. 417.
- ⁸⁸. Там же. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 58. – Л. 433.
- ⁸⁹. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 60. – Л. 272–274.
- ⁹⁰. Там же. – Л. 274–278 об.
- ⁹¹. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 343. – Л. 15 об–16 об, 17–17 об, 18–18 об, 51 об–52, 197, 210, 212, 220–220 об, 221 об, 364–364 об, 396, 400–400 об, 402–402 об, 412 об–413, 468, 490–490 об.
- ⁹². Там же. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 99. – Л. 48–66 об.
- ⁹³. Ключевский В.О. История сословий в России: Полный курс лекций. – Минск, 2004. – С. 3.
- ⁹⁴. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 71, 118, 129, 147 об, 183 об.
- ⁹⁵. Там же.
- ⁹⁶. Там же. – Кн. 343. – Л. 1–677, 694–756 об.
- ⁹⁷. Там же. – Ф. 210. – Оп. 4. – Книги десятиен. – Д. 272. – Л. 39–39 об.
- ⁹⁸. Там же. – Л. 40–40 об
- ⁹⁹. Там же. – Ф. 1209. – Кн. 342. – Л. 56–240.
- ¹⁰⁰. Там же. – Ф. 210. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 112. – Л. 286–316.
- ¹⁰¹. Там же. – Ф. 1209. – Кн. 343. – Л. 675 об–676.

- ¹⁰². Полное собрание законов Российской империи. Собр. Первое. – СПб., 1830. – Т. I. – С. 78–79.
- ¹⁰³. РГАДА. – Ф. 1209. – Кн. 343. – Л. 776–776 об.
- ¹⁰⁴. Там же. – Л. 321–322.
- ¹⁰⁵. Там же. – Ф. 210. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 7. – Л. 163–172.
- ¹⁰⁶. Там же. – Д. 413. – Л. 192–203.
- ¹⁰⁷. Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. – 1938. – № 4. – С. 21.
- ¹⁰⁸. РГАДА. – Ф. 210 – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 76. – Л. 163.
- ¹⁰⁹. Там же. – Д. 502. – Л. 123–125.
- ¹¹⁰. Там же. – Оп. 4. – Книги десятиен. – Кн. 243. Л. – 217–249.
- ¹¹¹. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 327. – Л. 185.
- ¹¹². Там же. – Оп. 6д. – Книги Белгородского стола. – Кн. 17. – Л. 70.
- ¹¹³. Там же. – Л. 75–75 об.
- ¹¹⁴. Там же. – Оп. 4. – Книги десятиен. – Кн. – 218. – Л. 156–158.
- ¹¹⁵. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 344. – Л. 8 об.
- ¹¹⁶. Там же. – Кн. 342. – Л. 8–10.
- ¹¹⁷. Там же. – Л. – 235–238 об.
- ¹¹⁸. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 157. – Л. 323.
- ¹¹⁹. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 43. – Л. 178.
- ¹²⁰. Там же. – Д. 288. – Л. 117 об.
- ¹²¹. Там же. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 1099. – Л. 167–183.
- ¹²². Там же. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 157. – Л. 280.
- ¹²³. Там же. – Л. 282.
- ¹²⁴. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 292. – Л. 60.
- ¹²⁵. Там же. – Л. 780–789.

- ¹²⁶. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 1103. – Л. 48.
- ¹²⁷. Там же. – Ф. 210. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 413. Л. 200.
- ¹²⁸. Там же. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 51. – Л. 167-167 об.
- ¹²⁹. Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века. – Киев, 1919. – С. 167.
- ¹³⁰. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 64. – Л. 766-766 об.
- ¹³¹. Там же. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 157. – Л. 29.
- ¹³². Гурлянд. И.А. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. – Ярославль, 1900. – С. 29, 31.
- ¹³³. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 99. – Л. 80.
- ¹³⁴. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 75. – Л. 36.
- ¹³⁵. Там же. – Д. 76. – Л. 169.
- ¹³⁶. Там же. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 124. – Л. 68.
- ¹³⁷. Там же. – Оп. 6д. – Книги Белгородского стола. – Кн. 17. – Л. 75-75 об.
- ¹³⁸. Книги разрядные по официальным оных спискам. – СПб., 1853. – Т. I. – С. 1235–1238.
- ¹³⁹. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. – М., 1894. – Ч. 1. – С. 141.
- ¹⁴⁰. РГИА. – Ф. 834. – Оп. 2. – Рукописи Синода. – Д. 1768. – Л. 20-25.
- ¹⁴¹. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 38.
- ¹⁴². Там же. – Л. 39 об.
- ¹⁴³. Там же. – Кн. 343. – Л. 678, 682.
- ¹⁴⁴. Там же. – Л. 684 об, 685, 690.
- ¹⁴⁵. Там же. – Ф. 210. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 41. – Л. 344-346.
- ¹⁴⁶. Там же. – Оп. 10. – Столбцы Владимирского стола. – Д. 60₍₁₎ – Л. 484-514.
- ¹⁴⁷. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 39–55 об.
- ¹⁴⁸. Там же. – Кн. 343. – Л. 1–776 об; Кн. 334. – Л. 1–102.

- ¹⁴⁹. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 342. – Л. 2–2 об.
- ¹⁵⁰. Там же. – Л. 28об.
- ¹⁵¹. Там же. – Л. 28об–32об.
- ¹⁵². Там же. – Ф. 210. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 41. – Л. 98.
- ¹⁵³. Там же. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 99. – Л. 66–66 об.
- ¹⁵⁴. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 344. – Л. 4об.
- ¹⁵⁵. Там же. – Ф. 210. – Оп. 6д. – Книги Белгородского стола. – Кн. 29. – Л. 125, 279.
- ¹⁵⁶. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 25.
- ¹⁵⁷. Там же. – Л. 24 об.
- ¹⁵⁸. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 344. – Л. 4 об.
- ¹⁵⁹. Там же. – Ф. 210. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола. – Д. 127. – Л. 232–234.
- ¹⁶⁰. Там же. – Л. 176.
- ¹⁶¹. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 344. – Л. 5 об–6 об.
- ¹⁶². Там же. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 15. – Л. 143.
- ¹⁶³. См.: Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. – М., 1984. – Ч. I.
- ¹⁶⁴. Там же. – С. 202.
- ¹⁶⁵. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 75-75 об.
- ¹⁶⁶. Там же. – Л. 101.
- ¹⁶⁷. Там же. – Л. 135 об.
- ¹⁶⁸. Там же. – Л. 39 об.
- ¹⁶⁹. Там же. – Л. 29.
- ¹⁷⁰. Там же. – Кн. 343. – Л. 682 об., 691, 768 об.
- ¹⁷¹. Там же. – Кн. 344. – Л. 1-102.
- ¹⁷². Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.: Л, 1948. – С. 161–166.
- ¹⁷³. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1 – Кн. 343. – Л. 1-554.
- ¹⁷⁴. Там же. – Ф. 210 – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 362. – Л. 94–98.
- ¹⁷⁵. Там же. – Д. 591. – Л. 1–31.
- ¹⁷⁶. Там же. – Д. 563. – Л. 217.

- ¹⁷⁷. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 342. – Л. 34.
- ¹⁷⁸. Там же. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 99. – Л. 49.
- ¹⁷⁹. Там же. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 109. – Л. 15–17.
- ¹⁸⁰. См.: Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. – СПб., 1889. – С. 28–29.
- ¹⁸¹. Там же. – С. 31.
- ¹⁸². Там же.
- ¹⁸⁴. См.: Богоявленский С.К. Некоторые статистические данные по истории русского города. – М., 1898. – С. 17; Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. – Киев, 1919. – Т. 1. – С. 351–352.
- ¹⁸⁵. См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. – М., 1977. – С. 48.
- ¹⁸⁶. Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII века // История СССР. – М., 1977. – №4. – С. 154–156.
- ¹⁸⁷. См.: Никулов А.П. Оскольские древности: Ч. 2. – С. 534.
- ¹⁸⁸. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. – 344. – Л. 1–102 об.
- ¹⁸⁹. Книги разрядные. – СПб., 1853. – Т. I. – С. 678.
- ¹⁹⁰. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 7а. – Дела разных городов. – Кн. 15. – Л. 136об–143.
- ¹⁹¹. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 413.– Л. 192–203.
- ¹⁹². Чечулин Н.Д. Указанное сочинение ... С. 29.
- ¹⁹³. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. – М., 1913. – Т. I – С. 150.
- ¹⁹⁴. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 311. – Л. 332.
- ¹⁹⁵. Там же. – Оп. 12. – Столбцы Белгородского стола. – Д. 416. – Л. 1–131.
- ¹⁹⁶. Там же. – Л. 114.
- ¹⁹⁷. Там же. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 170. – Л. 182.

¹⁹⁸. Там же. – Оп. 9. – Столбцы Московского стола – Д. 79. – Л. 347–350.

¹⁹⁹. Там же. – Оп. 13. – Столбцы Приказного стола. – Д. 5. – Л. 235–257.

²⁰⁰. Там же. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 343. – Л. 656 об– 657, 663–664, 666 об– 667 об.

²⁰¹. Книги разрядные. – СПб., 1853. – Т. I. – С. 453.

²⁰². Там же. – С. 194.

²⁰³. Там же. – С. 926.

Оглавление

Предисловие	7
-------------------	---

І. ОСКОЛ С ГОРОДАМИ

Книга переписная, переписи Афонасья Бобарыкина с товарищи 154-го и 155 годов (т е к с т)	9
Город Аскол (На посаде дворы посадцких торговых людей)	9
А на Осколе, на пасадe у аскольских у детей боярских на дворех живут вольные всякие ремесленные люди во дворничестве	10
На посаде ж живут вольные люди, кормяца работаю в миру	10
Да на церковных землях крестьяне и бобыли живут за городцкими попами	11
В слободе Соковой	11
Стан Окологородной (Село Короваиво, а Гаросим тож)	12
Стан Ублинской (Село, что было сельцо Ублинское, а Никольское тож)	14
Деревня Бударная	15
Деревня Подгорная, а Сорокино тож	15
Деревня Подмокрая Поляна	16
Починок Болоцкой	16
Починок Елистратовской	16
Починок, что была деревня Выползова	16
Деревня Яблоновая, а Меньшая Поляна тож	16
Починок Верховой, а Крыгин тож	17
Починок Русанов	17
Деревня Песковатая Поляна	17
Починок, что была деревня Отводная	18
Деревня Котова	18
Починок Подвислой, а Чернышев тож	18
Деревня Курская	19
Сельцо, что была деревня Лапыгина	20
Деревня Кладовая	20
Починок Прилепы	21

Стан Чуфичевской (Село Никольское, а Верхняя Чуфичева тож)	21
Деревня, что был починок Сорокодумов.....	22
Село Архангельское, Ряполово, и Рошупкино, и Нижнее Чуфичево тож	23
Деревня Великий Перевоз.....	24
Деревня против Чмутова озера	24
Деревня Казачья Прость.....	25
Починок Сенков	25
Починок Токмачев	25
Починок Околенской	26
Деревня Прокудина	26
Починок Сопрыкин	26
Деревня Котенева-Долгая Поляна тож	26
Починок Монаков.....	27
Деревня Нижняя Атаманская.....	27
Деревня Верхняя Атаманская.....	27
Стан Дубенской (Деревня Яндовища).....	28
Село Егорьевское, а Дубенское тож.....	29
Деревня Дурнева.....	29
Деревня Губина, что был починок Ивана Губина, Улыбышев тож ..	29
Село Успенское, что было село Егорьевское, а Дубенская и Большая Поляна тож	30
Деревня Малахова, а Большая Поляна тож	31
Деревня Комаревцева.....	31
Деревня, что была Полянка Руское Плесо, а Коростовая и Лощина тож.....	31
Починок Беляев.....	32
Починок Бекетов.....	32
Стан Орлицкой (Село Яблоновое)	32
Деревня Сарасва Поляна, а Завалишина тож	34
Починок Фатеев, Алпеев тож	34
Село, что была деревня Хмелевая	35
Деревня Волкова, а Приезжая Поляна тож	36
Деревня Огибная Поляна	37
Деревня Копцова.....	38

Деревня Верхняя Ольшаница, а Савенков починок тож	39
Починок Подымов	39
Деревня Нижняя Ольшаница	40
Починок Терновой	40
<i>Монастырские крестьяне и бобыли</i>	<i>41</i>
Поселения на Холани (Село Холань).....	43
Деревня Ковыльная, а Поляна тож.....	43
Деревня Прилепы	43
<i>Досмотр</i>	<i>45</i>

II. ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА 1646 ГОДА

Писец - Боборыкин Афанасий Федорович, подьячий - Гаврилов Иван (комментарий)	51
Город и посад	51
Стан Окологородный (Село Короваво-Гаросим).....	62
Стан Ублинский (Село Ублинское-Никольское).....	65
Деревня Бударная	66
Деревня Подгорная-Сорокино	67
Деревня Подмокрая Поляна.....	67
Починок Болоцкой	68
Починок Елистратовский	68
Починок Выползово	68
Деревня Яблонная	69
Починок Верховой-Крыгин	69
Починок Русанов	70
Деревня Песковатая Поляна	70
Починок Отводная Поляна-Незнамово.....	70
Деревня Котова	71
Починок Подвислый.....	71
Деревня Курская	72
Сельцо Лапыгино	73
Деревня Кладовая	74
Починок Прилепы	74

Стан Чуфичевский (Село Никольское-Верхнее Чуфичево).....	75
Деревня Сорокодумова	77
Село Архангельское-Нижнее Чуфичево	77
Деревня Великий Перевоз.....	79
Деревня Чмутово Озеро	80
Деревня Казачья Прость.....	80
Починок Сенков.....	81
Починок Токмачев	81
Починок Околенский.....	81
Деревня Прокудина	81
Починок Сопрыкин.....	82
Деревня Котенева-Долгая Поляна тож	82
Починок Монаков	83
Деревня Нижняя Атаманская.....	83
Деревня Верхняя Атаманская	84
Стан Дубенской (Деревня Ендовище).....	86
Деревня Дурнева.....	87
Деревня Губина-Улыбышев.....	87
Село Успенское	88
Деревня Малахова	89
Деревня Комаревцева	89
Деревня Руское Плесо-Коростово	90
Починок Беляев	90
Починок Бекетов.....	90
Стан Орлицкой (Село Яблоновое)	91
Деревня Сараева Поляна-Завалишино	93
Починок Фатеев-Алпеев	93
Село Хмелевое	94
Деревня Волкова	95
Деревня Огибная Поляна	97
Деревня Копцова	98
Деревня Верхняя Ольшаница-Савенково	98
Починок Подымов	99
Деревня Нижняя Ольшаница	100
Починок Терновой.....	100

<i>Монастырские крестьяне и бобыли</i>	101
Поселения на Холани (Село Холань).....	104
Деревня Ковыльная	106
Деревня Прилепы	108
<i>Досмотр жилых дворов</i>	109

III. ОБОБЩЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ

к текстам переписей первой половины XVII столетия	117
Глава 1. Географическая характеристика местности.....	117
Глава 2. Заселение территории и особенности размещения населения Оскольского уезда	120
Глава 3. Состав населения Оскольского края.....	164
Глава 4. Двор и дворовое место, средняя населенность двора	201
Примечания	213

Монография

Серия «Оскольские древности»

А.П.Никүлов

Переписная книга 1646 года

**Писец - Боборыкин Афанасий Федорович,
Подьячий - Гаврилов Иван
комментарий**

Оскол с городами.

Книга переписная.

**Переписи Афонася Бобарыкина с товарыщи
154-го и 155 годов.
Скоропись XVII века.**

Издательство «РОСА»

**Российское общество современных авторов
e-mail: 885533@mail.ru <http://www.art-rosa.ru>**

Подписано в печать 19.05.2017 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Гарнитура Таймс
Объем 13,18 усл. п.л. Тираж 500 экз. Заказ № 113

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Квадрат»
309504, г. Старый Оскол, пр-кт Комсомольский, д.73